

Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ

2021

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Российский государственный профессионально-педагогический университет

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Южно-Уральский государственный университет

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Военный университет МО РФ

Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ

Монография

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2021

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

М54

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов,
Уральский государственный педагогический университет;
д-р филол. наук, проф. С. Л. Кушнерук,
Челябинский государственный университет.

М54 Будаев Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. – СПб.: Научное издание, 2021. – 217 с.

ISBN 978-5-6045558-9-7

В теоретической части монографии охарактеризовано современное состояние теории и методологии политической метафорологии – научного направления, которое возникло на пересечении лингвистики, политологии и метафорологии. В практической части дается анализ метафорического образа будущего России в зарубежных СМИ.

Монография адресована специалистам в области политологии, связей с общественностью, лингвистики, межкультурной коммуникации, социологии, рекламной деятельности, журналистики, государственного и муниципального управления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

ISBN 978-5-6045558-9-7

© Будаев Э. В., Солопова О. А.,
Зарипов Р. И., Бойко А. В., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ (2010–2020 гг.)	8
1.1. Когнитивное направление в политической метафорологии	9
1.2. Риторическое направление в политической метафорологии	26
1.3. Дискурсивное направление в политической метафорологии	33
1.4. Семиотическое направление в политической метафорологии	43
РАЗДЕЛ 2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ В СМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	53
2.1. Метафорический образ будущего России в СМИ Великобритании	53
2.2. Метафорический образ будущего России в зеркале онтологических метафор СМИ США	92
2.3. Метафорический образ будущего России в СМИ Франции	112
2.4. Метафорический образ будущего России в неинституциональном медиадискурсе Китая.....	152
Заключение	176
Приложение	183
Список литературы	186

ВВЕДЕНИЕ

Как показывает практика, ни военная мощь, ни экономическое благополучие общества не могут обеспечить стабильность и безопасность государства, если деструктивные тенденции проявляются в трансформации общественного сознания. Советская армия, одна из сильнейших армий мира, обладающая ядерным потенциалом, не смогла предотвратить одну из крупнейших, по словам Президента России В. В. Путина, геополитических катастроф XX века. Высокий уровень благосостояния граждан Ливии также не послужил препятствием для осуществления «цветной революции» в этом государстве, что привело к экономическому коллапсу, гражданской войне и политическому распаду страны.

Именно изменение модели будущего государства в массовом сознании, формирование представлений о «темном настоящем» и «светлом грядущем» создают основу для переконцептуализации картины мира и практических действий. Дополнительные возможности для реализации этих процессов сопряжены с бурным развитием информационных технологий в XXI в., которые все активнее внедряются в процессы внутривнутриполитического и внешнеполитического противостояния, нередко перерастающие в государственные перевороты, «цветные революции», гражданские войны.

Важнейшую роль в формировании модели будущего играют мировые СМИ, создающие определённую картину политической действительности как для внутреннего, так и для внешнего адресата. Представители когнитивной линг-

вистики как в России [Баранов 2014; Иссерс 2012; Керимов 2015; Скребцова 2018; Solopova, Chudinov 2019], так и за рубежом [Charteris-Black 2017; Goatly 2007; Schwarz-Friesel, Kromminga 2014; Musolff 2016; Ritchie 2013] сходятся во мнении, что важнейшую роль в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в сознании адресата играют концептуальные метафоры. Прагматический потенциал когнитивной метафоры заключается в способности образовывать смысловые связи между концептами сферы-мишени, сферы-источника и базисными когнитивными структурами (свои/чужие, хорошие/плохие). Таким образом, метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием.

Успешный опыт коммуникативного сопровождения массовых беспорядков по всему миру, а также пристальное внимание к когнитивным метафорам со стороны западных спецслужб [Будаев 2015], свидетельствует о том, что понимание механизмов метафорической концептуализации модели будущего России в СМИ, является столь же неотъемлемым фактором государственной безопасности, как экономическое или военное развитие.

В настоящей монографии представлен анализ метафорического образа будущего России в СМИ зарубежных стран: США, Великобритании, Германии, Франции и Китая. Представленные в монографии исследования объединены единым теоретико-методологическим фундаментом – когнитивно-дискурсивным подходом к анализу метафоры. Характерная особенность когнитивно-дискурсивного под-

хода заключается в сочетании описания роли метафоры в категоризации и концептуализации мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. При когнитивно-дискурсивном подходе «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004б: 520]. Метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию.

Таким образом, указание на социально-политические и историко-культурологические факторы действительности не исчерпывает потенциального многообразия экстралингвистической каузации порождения и функционирования метафоры в политическом дискурсе. Как отмечает А. П. Чудинов, при исследовании концептуальной метафоры в политическом дискурсе необходимо учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2003б: 18].

Несмотря на общность теоретико-методологического подхода, представленные исследования отражают методические вариации когнитивного подхода к анализу метафорического образа будущего в СМИ. В § 2.1 и § 2.3 метафорический образ будущего изучается с помощью анализа структурных метафор. При таком подходе об образе

будущего можно судить по частотности, продуктивности и степени развертывания метафор из определенного набора сфер-источников, а также по инвентарю актуализированных сфер-источников. В § 2.2 используется другой подход – анализу подвергается непосредственно сам концепт будущего России, который непосредственно репрезентируется в медиадискурсе с помощью онтологических метафор. Вариации в анализе предмета могут относиться и к дискурсу. С одной стороны, метафорический образ страны создается широко известными и авторитетными СМИ, с другой – в настоящее время все большую роль в концептуализации мира играют неинституциональные медиадискурсы. В отличие от традиционных СМИ неинституциональные формы коммуникации не только служат средством концептуализации мира, но и выполняют функцию оперативной организации коммуникантов для осуществления непосредственных действий, при этом источник информации представляется децентрализованным, а потому способен вызывать большее доверие адресата. Анализ метафорического образа будущего России в неинституциональном дискурсе представлен в § 2.4.

Монография подготовлена коллективом исследователей: §§ 1.1, 1.2, 1.3, 1.4, 2.2 написаны Э. В. Будаевым, § 2.1 О. А. Солоповой, § 2.3 Р. И. Зариповым, § 2.4 О. А. Солоповой, Э. В. Будаевым и А. В. Бойко.

Авторский коллектив выражает благодарность за поддержку практических исследований метафорического образа будущего России в зарубежных СМИ, оказанную РФФИ и ЭИСИ (научный проект № 20-011-31622).

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ (2010–2020 гг.)

Политическая метафорология относится к активно развивающимся научным направлениям междисциплинарного характера. Данное направление объединяет в себе достижения когнитивной лингвистики, эвристики политического дискурса-анализа и контент-анализа, концепции традиционной и новой риторики, методологические инновации иных современных исследований, сочетающих в себе идеи политической философии, прагматики, политологии и иных гуманитарных наук.

Наше видение истоков, основных этапов развития, ведущих направлений, методологии и перспектив отечественной и зарубежной политической метафорологии с момента ее возникновения до первого десятилетия XXI в. отражено в монографии «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, Чудинов 2012]. Вместе с тем за последние годы появилось множество новых исследований, которые изменили представления о состоянии, методологии и достижениях политической метафорологии, поэтому пришло время для подготовки обзора новейших публикаций, что имеет большое значение для понимания актуальных проблем этой области исследований и перспектив ее развития. Для нас особенно важно сопоставить российские и зарубежные исследования, охарактеризовать вклад отечественных ученых в развитие данного научного направления, которое стремительно развивается на всех континентах.

Метафора в политическом дискурсе является сложным объектом, всестороннее исследование которого невозможно в рамках какой-либо одной методологии. Комплексная природа изучаемого явления обусловила формирование четырех основных направлений в современной политической метафорологии, в каждом из которых можно выделить свои аспекты, свои методики и приемы анализа:

- когнитивное направление;
- риторическое направление;
- дискурсивное направление;
- семиотическое направление.

Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений в современной политической метафорологии.

1.1. Когнитивное направление в политической метафорологии

Когнитивное направление в политической метафорологии возникло на пересечении метафорологии и когнитивной лингвистики. Особенность данного подхода заключается в рассмотрении политической метафоры в качестве ментального феномена. Значимую роль в становлении когнитивного направления сыграла теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], инициировавшая бум исследований концептуальной метафоры, в том числе и в контексте политической коммуникации. Подробный анализ генезиса и эволюции когнитивного направления в политической метафорологии за период 1980–2010 гг. представлен в серии специальных публикаций [Будаев, Чудинов 2012; Чудинов, Будаев 2005, 2007]. По этой

причине мы сфокусируем внимание только на новейших когнитивных исследованиях в данной области, проведённых за последнее десятилетие.

В отличие от языковой метафоры концептуальная метафора является ментальным феноменом, поэтому ее нельзя изучать непосредственно, но можно реконструировать на основе анализа языковых данных. По этой причине ведущая роль в когнитивном изучении метафоры отводится моделированию. На современном этапе преобладают следующие методики исследования концептуальных метафор (метафорических моделей):

1. Анализ единичных концептуальных метафор.
2. Анализ метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.
3. Анализ метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.
4. Анализ метафорических проекций в смешанных концептуальных пространствах.

1.1.1. Анализ единичных концептуальных метафор

Первые шаги в изучении когнитивных политических метафор осуществлялись на основе анализа единичных примеров. При использовании данной методики исследователь выбирает для изучения конкретную концептуальную метафору, то есть изначально определяет концепт сферы-источника и концепт сферы-мишени, анализируя метафорический характер взаимодействия между ними. Позже исследования все чаще стали носить комплексный и корпусный характер, охватывая множество метафор, связанных со сферами-источниками или сферами-мишенями метафорической экспансии. Вместе

с тем анализ единичных концептуальных метафор в политическом дискурсе не потерял своей актуальности. Такой подход позволяет досконально изучить определенную метафору и выявить нюансы, ускользающие при более широком охвате изучаемого материала.

Примером использования такой методики может служить монография А. Мусолффа «Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic» [Musolff 2010]. Немецкий филолог выбрал в качестве отправной точки концептуальную метафору ГОСУДАРСТВО – ЭТО ТЕЛО и детально изучил историю данного антропоморфного образа в латинском, английском и немецком языках, начиная от Средних веков и эпохи Возрождения до периода доминирования фашизма в Германии включительно.

Такая же методика используется при изучении метафоры НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ в литовском политическом дискурсе [Cibulskienė 2012] и НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ в британском политическом дискурсе [Musolff 2016]. Подобный подход вполне оправдан при анализе когнитивных метафор, укорённых в определённой культуре и имеющих высокие показатели частотности в политическом дискурсе. Также такой подход позволяет показать универсальность некоторых образов в сопоставительных исследованиях. Например, концептуальная метафора MIGRATION AS DANGEROUS WATERS характерна как для СМИ США, так и для европейских СМИ [Mujagić 2018].

Вместе с тем анализ отдельных концептуальных метафор может быть связан с дискурсивными условиями их актуализации. Например, метафорическое осмысление социальных протестов как морского прилива (*marea*) активно использовалось в период экономического кризиса в Испании. Популярность метафоры была обусловлена простой логикой: несмотря на то, что есть люди, которые хотели бы контролировать море, никто в реальности не может остановить морской прилив [Romano 2018]. Также дискурсивно обусловлена метафора *to drain the swar* (осушить болото), получившая распространение в США, после того как Д. Трамп использовал ее, описывая свои планы по отношению к перестановкам в правительстве. Эта метафора не только регулярно воспроизводилась в СМИ, но и подвергалась различным трансформациям как среди сторонников, так и противников нового американского президента [Burgers et al. 2019].

1.1.2. Анализ метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии

Настоящая методика представлена двумя вариантами. Первый вариант – ученый выбирает определенную сферу-источник и изучает все разнообразие метафор из данной сферы в политическом дискурсе. Именно так поступил А. Тьяркс, посвятивший свою монографию метафорам из сферы-источника *FAMILIE* в немецком политическом дискурсе [Tjarks 2011]. Ту же сферу-источник, но уже в российском политическом дискурсе рассмотрела Н. В. Багичева [2016], а британские метафоры родства детально проанализированы А. Мусолффом [Musolff 2016]. Такие исследования позволяют раскрыть прагма-

тический потенциал определённой семантической области в политической коммуникации. Метафоры семьи обычно приносят мелиоративные смыслы, призванные сплотить общество в условиях кризиса и дезинтеграционных процессов. Вместе с тем данная сфера иногда используется для привнесения противоположных смыслов (развод, принудительный брак, мачеха и т.п.). Аналогичную методику лингвисты использовали для анализа антропоморфных метафор в немецкой политической коммуникации [Керимов 2015; Leonhardt 2012], метафор болезни в российских СМИ [Budaev 2017], образов путешествия в прессе США и Великобритании [Abdel-Raheem 2014] и др.

Традиционный набор сфер-источников метафорической экспансии в политическом дискурсе невелик и повторяется в различных национальных дискурсах. На этом фоне привлекают внимания исследования, направленные на анализ сфер-источников, еще не получивших широкого освещения. Например, в исследовании Н. А. Сегал и О. П. Щурик [2018] рассмотрены метафорические образы народных танцев, актуализированные в российских политических текстах 2014-2017 гг., а в исследовании Ю. В. Матовой [2018] подробно проанализированы метафоры трудовой деятельности в российской и британской политической коммуникации.

Второй вариант методики заключается в том, чтобы выбрать не сферу-источник, а отдельный концепт сферы-источника, который подвергается подробному изучению. Такой подход позволяет сфокусировать внимание на выбранном концепте и детально его проанализировать.

Например, в исследовании Дж. Дамеле показано [Damele 2016], что концепт BEEHIVE (пчелиное улье) хорошо подходит для осмысления иерархических обществ, поэтому она была востребована для метафорической концептуализации монархии с целью привнесения прагматического смысла естественности такой формы правления. Схожий подход реализован А. Мусолффом при анализе метафор PARASITEN в фашистском дискурсе [Musolff 2011] и HEART в дискурсе европейской прессы [Musolff 2013]. Детальный анализ концепта CANCER (рак) как источника метафоризации в современном английском языке провели А. Поттс и Е. Семино [Potts, Semino 2019]. Изучив 928 примеров из трех корпусов английского языка, авторы показали, что к высокочастотным сферам-магнитам метафорической экспансии для данного концепта относятся политика, преступность, идеология и экономика. В отечественной лингвистике такой ракурс анализа использован при изучении метафор птица-тройка [Богданович, и др. 2019], информационная атака [Коцюбинская 2016], lame duck [Миронова 2016].

Чаще всего исследования отдельных концептов сферы-источника посвящены архетипичным концептам, имеющим давнюю историю. Так, в монографии Дж. Чартериса-Блэка прослежена история метафоры fire (огонь), которая начинается с рассуждений о роли огня в становлении человеческой цивилизации и становлении религиозных концепций и доводится до современных политических выступлений в США и Великобритании [Charteris-Black 2017]. Также к традиционным источникам метафорической экспансии относятся милитарные

концепты. Группа американских исследователей проследила вездесущность метафоры war on smth в американском политическом дискурсе [Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018]. Американские президенты регулярно объявляют войну с чем-либо: Р. Никсон анонсировал войну с наркотиками (war on drugs), Л. Джонсон – войну с бедностью и преступностью (war on poverty, war on crime), Дж. Форд вел войну с инфляцией (war on inflation). Современные американские политики ведут войны с пластиком в океане, глютенем, видеоиграми и т.п.

Наряду с архетипическими образами существуют концепты, метафорическая актуализация которых находится в очевидной зависимости от экстралингвистических условий. Например, метафора tvrđave Evrope (Европа – крепость) в сербском политическом дискурсе показывала высокую частотность и продуктивность в контексте проблемы миграции [Silaški, Đurović 2019a]. При этом регулярная объективация концепта в политическом дискурсе ведет к разворачиванию метафоры: сторонники поощрения миграции в Европу призывают не выстраивать в европейской «крепости» новых «берлинских» и «великих китайских» стен и открыть сербскую «прихожую» для нуждающихся, а противники призывают срочно заделать «проломы в крепостных стенах» и осуждают западноевропейские страны, которые отстранились от «охраны крепостных стен», оставив эту тяжелую работу Венгрии и Сербии.

Между многовековыми архетипами и дискурсивно обусловленными инновациями существует переходная зона. Некоторые новые метафоры задерживаются в по-

литическом дискурсе надолго. Как отмечает О. Н. Кондратьева [2015], определённые концепты становятся «лицом эпохи», соответственно, специфическими и продуктивными становятся и репрезентирующие данный концепт метафорические модели. Для современного периода исследователь приводит пример метафоры перезагрузка, которая отражает постоянные поиски выхода из кризисной ситуации, одновременно являясь образом из мира компьютерной техники, прочно занявшей место в нашей жизни.

1.1.3. Анализ метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии

Значительная часть современных публикаций посвящена исследованию метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Выбор сферы-мишени для анализа коррелирует с проблемами, волнующими общество в данный момент.

Отличительная черта современного этапа мирового развития – обострение проблемы терроризма, что естественным образом вызвало повышенный интерес метафорологов к этой теме. Исследования метафорического осмысления терроризма проведены на примере французского предвыборного дискурса [Becker 2014], СМИ Германии [Kirchhoff 2014; Kromminga 2014; Spencer 2014; Schwarz-Friesel 2014], Великобритании [Зайцева 2017; Spencer 2012], США [Прибылова 2011; Rykova 2017], России [Pinelli 2016], на основе данных корпуса англоязычного корпуса NOW [Борискина, Донина 2016] и др. Особенности метафорического осмысления терроризма имеют универсальный характер, притягивая пейоратив-

ные образы животных, войны и болезни (если не учитывать дискурс собственно террористической пропаганды, в котором доминируют мелиоративные образы самопрезентации [Стышинский 2016]).

Изучению лингвистов подвергается как инвентарь метафорических образов, привлекаемых для описания терроризм (катастрофа, раковая опухоль, спрут, чума и т.п.), так и роль, которую эти образы играют в манипуляции общественным сознанием. В частности, С. Кирххофф показала, что в СМИ ФРГ перманентно воспроизводились метафоры терроризма, призванные оправдать натовские интервенции начала XXI в. [Kirchhoff 2010]. Автор удачно отразила смысл своих изысканий в названии монографии (*Krieg mit Metaphern. Mediendiskurse über 9/11 und den „War on Terror“*). *Krieg mit Metaphern* («Война с помощью метафор») подчеркивает ту роль, которая отводится метафорам терроризма в оправдании агрессии, а заключенное в кавычки словосочетание “War on Terror” («война с террором») подчёркивает суть манипуляции, которая заключается в том, что за словами о борьбе с терроризмом, скрывается решение иных политических проблем, не имеющих реального этического обоснования.

Другой проблемой, волнующей мировое сообщество в последние годы, стал глобальный экономический кризис. Это привело к буму исследований по теме метафорической концептуализации кризиса в политических дискурсах мира (в США [Horner 2011; O’Mara-Shimek et al. 2015], Бельгии [Landtsheer 2015; Joris et al. 2013], Болгарии [Цонева 2012], Великобритании [Cardini 2014;

Nerghes et al. 2015], Германии [Bickes et al. 2014; Pühringe, Hirte 2013; Soddemann 2013], Ирландии [Fahy et al. 2013], Испании [Álvarez-Peralta 2014; Arrese 2015; Dominguez 2015; Porto 2012; Rojo, Orts 2010], Италии [Luporini 2013], Китая [Bain et al. 2012], Нидерландов [Landtsheer 2015], России [Бородулина, Макеева 2016], Румынии [Tenescu 2015], арабских странах [Abdel-Raheem 2013], Франции и Вьетнаме [Troung 2012]). Исследователи отмечают пристрастие политиков к образам природных катаклизмов (землетрясение, ураган, цунами) и морбиальным метафорам (инфаркт, закупорка сосудов, эпидемия), что связано не только с необходимостью выразить негативную оценку ситуации, но и с желанием привнести смысл естественности в концептуализацию происходящих событий. Природные катаклизмы и болезни – явления, не зависящие от воли людей, что отвлекает внимание общества от вопроса о том, что у истоков кризиса могут стоять не «законы природы», а конкретные люди, принимающие ответственные или безответственные решения, или политические и экономические институты, преследующие собственные, иногда отличные от интересов общества цели.

Экономический кризис негативно отразился на идее евроинтеграции, усилив центробежные тенденции в Евросоюзе. Если в начале XXI в. европейские лингвисты, изучающие политические метафоры, чаще всего обращались к сфере-мишени ЕВРОСОЮЗ, изучая особенности метафорического осмысления евроинтеграции [Будаев, Чудинов 2012], то в последнее десятилетие исследователи уделяют больше внимания теме экономиче-

ского кризиса, а если обращаются к сфере-мишени ЕВРОСОЮЗ, то уже в контексте европейской дезинтеграции. Как показывает специальное исследование [Barbe et al. 2015], на смену метафорам, концептуализирующим Евросоюз как модель для установления норм и стандартов (EU – MODEL) и как игрока, создающего международные правила (EU – PLAYER), приходят образы, акцентирующие пассивную роль Евросоюза в современном мире (EU – INSTRUMENT). Последняя метафора относится к новообразованиям метафорической картины мира европейцев, которые все больше осознают, что амбиции Евросоюза служить образцом для остального мира плохо согласуются с политической действительностью.

На этом фоне выглядит закономерным обращение исследователей к анализу метафор, объединяемых сферой-мишенью Brexit. Несмотря на то, что большинство жителей Великобритании высказались за выход из Евросоюза, журналисты находят метафорические аргументы против такого решения (метафоры разрушения семьи, расчленения человека, смерти Европы и др.). Отличительной чертой осмысления брексита в СМИ и в Твиттере стало использование концептов из пьесы У. Шекспира «Король Лир» [O'Neill 2019]. Британские сторонники брексита находили свои метафоры для аргументации своей позиции, рисуя образы темного будущего Европы (Европа, совершающая самоубийство; Европа, превратившаяся в исламский халифат; континент, который трещит по швам и др.) [Новикова, Кунина 2018].

В последнее десятилетие заметно обострилась проблема миграции, поэтому соответствующая сфера-

мишень (IMMIGRATION) привлекает значительное внимание лингвистов. Метафорологические исследования по этой теме были проведены на примере СМИ США [Biria 2012], Великобритании [Новикова 2016; Musolff 2015], Бразилии [Ferreira et al. 2017], Нидерландов [Laarman 2013], Боснии и Герцеговины [Mujagić 2018], России [Веснина 2010], Испании [Dominguez et al. 2014], Южно-Африканской Республики [Crymble 2015]. Исследователи сходятся во мнении, что основными средствами создания негативного образа миграции служат метафоры дегуманизации и природных бедствий.

Закономерно, что в отечественной политической метафорологии в качестве сферы-мишени для изучения чаще выступают концептуальный домен РОССИЯ. Примером может служить публикация А. Н. Баранова и О. И. Северской [2017], в которой анализируется репертуар используемых М-моделей. В статье рассматриваются метафорические осмысления России в отечественном политическом дискурсе в корреляции с русской социальной поэзией 2000-х годов. Если в конце XX века преобладала модель персонификации (Россия-матушка, старший брат) и транспортная модель (корабль), то в начале XXI века персонификация представлена по большей части олицетворениями, родственные отношения уступают место механистическим метафорам. Особое внимание уделяется образу медведя (медведицы), в актуализации которого, по наблюдениям авторов, отмечается переход от профилирования неповоротливости и неуклюжести к своеволию, господству на определённой территории, готовности дать достойный ответ агрессору.

Современные М-модели формируют образ России как мирной страны, не иницирующей конфликты, но готовой дать отпор врагам.

Традиционно высокий интерес у отечественных лингвистов вызывают особенности метафорической концептуализации России в зарубежных дискурсах. Так, детальный анализ метафорического представления России в современном французском политическом дискурсе представлен в монографии Р. И. Зарипова [2016]. Автор показал, что доминирующими сферами-источниками при концептуализации России являются ВОЙНА, ИГРА и КРИМИНАЛ. Особенности метафорической концептуализации России рассмотрены на примере политических дискурсов Германии [Бабкина 2016; Мишин 2018; Орлова 2012], Великобритании [Зубакина 2016; Красильникова 2010; Солопова 2019], США [Ilyushkina, Chudinov 2019], Испании [Уржумцева 2014], Китая [Веснина 2016], информационных агентств Reuters, Associated Press и Agence France-Presse [Попова, Зарипов 2017] и др. К этой группе публикаций примыкают исследования метафорического образа российского президента (в СМИ США, Великобритании и Франции [Барышникова, Дубинина 2019], в британской прессе [Рубцова, Девдариани 2019], в немецкоязычных СМИ [Зими́на, Ополовникова 2018], газетном дискурсе США [Мазаева 2016]). Исследователи сходятся во мнении, что метафора часто используется зарубежными журналистами для формирования негативного образа политического лидера России, несмотря на признание его силы и авторитета.

Так как выбор сферы-мишени для изучения вызван насущными проблемами, вполне закономерно, что особый интерес отечественных исследователей метафоры в рассматриваемый период вызвали такие события, как политический кризис на Украине [Антонова 2017; Будаев, Курейко 2016; Газинская 2013; Зарипов 2015; Кипина, Плотникова 2018; Кондратьева 2017; Михайлова 2017; Нартикова, Зайцева 2016; Уржумцева 2014], присоединение Крыма [Белова 2015; Курейко 2017; Сегал 2017; Серегина, Чудинов 2014; Шустрова 2015], инцидент с отравлением в Солсбери [Вахмянина, Будаев 2020], война в Сирии [Боева-Омелечко и др. 2016; Будаев, Тихонов 2016; Зарипов 2017; Склярова, Хачересова 2016; Якунин 2019].

Вместе с тем по-прежнему востребованы исследования метафорического осмысления действительности, характерного для прошлых эпох. В статье Б. С. Котова [2014] на основе контент-анализа девяти российских ежедневных газет разных политических направлений, выходивших с осени 1912 до лета 1914 г., рассмотрены особенности метафорического моделирования образов Германии и Австро-Венгрии. В русской прессе использовались разные способы метафорического представления двух главных потенциальных противников России. Образ Германии создавался прежде всего средствами военной метафорической модели, которая отражала стереотип агрессивной страны, прочно закрепившейся за монархией Гогенцоллернов с конца XIX в. не только в России, но и в большинстве европейских стран. Австро-Венгрия концептуализировалась в российском обще-

ственном сознании с помощью театральных и игровых метафор, объединяемых смыслами притворства, коварства и лицемерия.

Схожим образом в диссертации Т. Ю. Быковой проанализирован метафорический образ СССР в советском и американском политических дискурсах с 1930 по 1954 гг. [Быкова 2014]. Используя метод фокусной фрагментации, автор выделила доминантные для советского дискурса рассматриваемого периода метафорические модели (сферы-источники «Война», «Механизм», «Человеческий организм», «Родство»), а затем проанализировала особенности советской метафорики предвоенного, военного и послевоенного периодов. В частности, обнаружено, что в довоенный период доминировали артефактная и природоморфная метафоры, в то время как в годы войны все более активно стали использоваться антропоморфные образы. Советский политический дискурс характеризуется мелиоративными концептуальными векторами отваги и смелости. В послевоенные годы начинается активизация военной метафоры – советский народ ведет борьбу за выполнение плана, вступает в бой за сбор урожая, отражает вражеские атаки на идеологическом фронте.

Важное место в политическом дискурсе занимает вопрос об образе будущего определённой страны. В монографическом исследовании О. А. Солоповой [2014] проведено сопоставление метафорического представления о будущем России в политическом дискурсе США, Британской империи и Российской империи на материалах XIX века – начала XX века. К специфике метафори-

ческой репрезентации будущего Российской империи О. А. Солопова относит активное использование фитоморфных метафорических единиц в российском дискурсе, функционирование метафорических моделей игровой и религиозной сфер в англоязычном дискурсе, наличие монархических образов в американском дискурсе, спортивной и артефактной метафорики в политическом дискурсе Британской империи. При репрезентации образа российского народа американский и российский политические дискурсы изобиловали мелиоративными оценками, что было совсем нехарактерно для британского политического дискурса, в котором основной чертой российского народа считалось варварство и излишнее стремление к экспансионизму. Во второй половине XIX века – начале XX века представления о России в США и Российской империи обнаруживали больше сходства между собой, чем с британскими суждениями того же периода. Эти данные контрастируют с наблюдаемой в наше время тенденцией к универсализации англосаксонской картины мира, отмечаемой исследователями современного политического дискурса.

1.1.4. Анализ метафорических проекций в смешанных концептуальных пространствах

Современный когнитивный подход к анализу политической метафоры не ограничивается концептуальной теорией метафоры. Альтернативный подход связан с уже хорошо известной в отечественном научном дискурсе теорией концептуальной интеграции (блендинга) М. Тернера и Ж. Фоконье. Согласно теории блендинга метафоризация включает в себя не единичную проекцию

из сферы-источника в сферу-мишень, а совокупность проекций из нескольких исходных сфер в единое смешанное ментальное пространство, в котором смыслы порождаются в ходе концептуальной интеграции.

В последнее десятилетие этот подход к анализу политических метафор использован в работах А. Ченки [Cienki 2013], А. Плешаковой [Pleshakova 2014], У. Шредер [Schröder 2015]. Углубляясь в нюансы концептуальной интеграции, исследователи обнаруживают, что бленды нередко представляют собой так называемые «мегабленды» (megablend) [Abdel-Raheem 2014]. Обычно процедура анализа концептуальной интеграции подразумевает определение набора исходных пространств (input spaces), из которых осуществляется проекция в бленд, и определение характера этой проекции (метафорическая, метонимическая и т.д.). Однако на практике оказывается, что исходное пространство в свою очередь тоже является блендом, в формировании которого задействованы свои исходные пространства. В итоге экспликация бленда превращается в изучение мегабленда – многоуровневой когнитивной структуры, в которой бленды одного уровня становятся исходными пространствами для блендов другого уровня.

Вместе с тем в политической лингвистике теория блендинга не получила широкого распространения. Модель метафоризации в теории концептуальной интеграции по сравнению с моделью Дж. Лакоффа и М. Джонсона включает в себя большее количество концептуальных структур и проекций, при этом количество входящих пространств и проекций варьируется от блен-

да к бленду, что усложняет их квантитативный анализ. Отсутствие методики, позволяющей проводить статистическое описание концептуальных интеграционных сетей, уникальных для каждого конкретного случая, связано еще и с тем, что исследователи блендинга ставят задачу изучить метафору не столько как феномен, укорененный в определённой культуре, сколько как динамический феномен политического дискурса, связанный с индивидуальным видением ситуации конкретным человеком.

Критика теории блендинга связана с тем, что сторонники такого подхода обычно занимаются единичными примерами, нередко вырванными из контекста, в то время как теория, претендующая на анализ универсальных механизмов мышления, должна подкрепляться анализом дискурса, иначе теории не избежать солипсического изъяна в методологии [Bernárdez 2016].

Когнитивное направление является ведущей методологией в современной политической метафорологии. Вместе с тем в исследовательской практике также востребован потенциал иных подходов.

1.2. Риторическое направление в политической метафорологии

Несмотря на большую популярность когнитивного направления в политической метафорологии, в современном научном дискурсе по-прежнему востребованы риторические эвристики. В центре внимания данного направления находится анализ системы политических аргументов, стратегий и тактик речевого воздействия, разработка методологии риторического анализа и по-

строение теоретических моделей аргументации. Риторическое направление ориентировано на анализ политической метафоры как прагматического механизма воздействия на адресата.

В отличие от когнитивизма риторический подход ориентирован не на моделирование когнитивных структур, а на анализ метафоры как одного из стилистических средств, которые используют политики в борьбе за власть в различных жанрах политической коммуникации. По этой причине в риторических исследованиях метафора часто рассматривается в ряду с другими языковыми средствами политического убеждения. Метафора осмысливается как функциональная единица политического дискурса, один из механизмов, призванных реализовать нужный перлокутивный эффект. Так, в исследовании А. А. Горностаевой [2018] прослежена роль метафоры в создании иронии в высказываниях политиков России, США и Великобритании. Проведенный анализ позволил сделать вывод о высокой частотности употребления иронических метафор в современном политическом дискурсе. С одной стороны, частотность употребления иронических метафор, их эмоциональная насыщенность во многом зависят от индивидуальных особенностей ораторов (и их спичрайтеров), но с другой стороны, иронические метафоры имеют некоторые этнокультурные особенности. Так, в английском политическом дискурсе иронические метафоры используется для развлечения и эвфемизации. Американский политический дискурс более прямолинеен и критичен (с использованием иронических метафор в функции насмешки,

критики). Российский политический дискурс, по мнению автора, характеризуется метафорами, приносящими преимущественно агрессивные смыслы.

Важную роль в риторических исследованиях занимает межжанровое сопоставление метафор. Например, в публикации французских лингвистов [Debras, L'Hôte 2015] проведен анализ выступлений политических лидеров на британских партийных конференциях. В Великобритании выступление лидера партии на партийной конференции имеет особое значение – данный «институциональный ритуал» считается важнейшей речью в карьере политика. Французские лингвисты утверждают, что выступления лидеров на партийных конференциях относятся к особому поджанру политического дискурса, который значительно отличается от других жанров политического дискурса. Авторы видят эти отличия в том, что в текстах анализируемого поджанра чаще, чем в текстах иных политических жанров, используются метафоры. При этом высокая частотность метафор в данном поджанре сочетается с их высокой продуктивностью.

Особенность современных риторических исследований заключается в том, что все чаще лингвисты обращаются к исследованию роли интернет-коммуникации в реализации прагматического потенциала политической коммуникации. Так, А. Пиата [Piata 2016] рассмотрел метафоры в политической рекламе избирательной кампании в Греции в 2015 г., которые основывались на сценарии путешествия (поездке на поезде, полете на самолете и поездке на такси), а затем проследил, как эти ме-

тафоры претерпевали юмористические трансформации в мемах, распространявшихся через социальные сети.

Вопрос о воздействии языковой метафоры тесно связан с проблемой функций, выполняемых данным тропом в политической коммуникации. В этом отношении показательно исследование американских исследователей о прагматической роли метафоры в формировании негативного образа политика, страдающего ожирением (на примере губернатора Нью-Джерси Криса Кристи) [Anderson et al. 2017]. В 240 статьях, в которых упоминался данный политик, исследователи зафиксировали 246 метафор, направленных на дискредитацию К. Кристи на основании его избыточного веса. Авторы выделили три основные дискредитирующие функции метафоры: маркирование, приписывание персональной ответственности и предупреждение об опасности.

К маркирующим относятся метафоры, сравнивающие губернатора со «свиноподобной бочкой», «ведром с кишками» или «катком для укладки асфальта», а также контексты, в которых, например, рекомендуется во время танца губернатора ставить вокруг сигнальные конусы, которые используются для ограждения трассы во время ремонтных работ. Маркирующие метафоры могут усиливаться прецедентными маркерами типа *Rubenesque* (*рубенсовский*), отсылая к известным своей полной женским образам фламандского художника П. Рубенса, что позволяет еще и феминизировать образ политика.

Вторая функция «стигматизирующих» (для отечественного научного дискурса более привычен термин дискредитирующих) метафор заключается в акцентиро-

вании личной ответственности политика за свое ожирение. Эту функцию реализуют метафоры греха (в христианской картине мира чревоугодие – один из смертных грехов), наркотического пристрастия и анималистические образы свиньи и коровы, не способных контролировать своё пищевое поведение. К этой группе авторы, например, относят шутки о том, что политик «никогда не расстается со своим холодильником», «не может думать ни о чем, кроме пончиков», призывы поискать у К. Кристи «куриные скелеты в шкафу», «скормить ему всех террористов» и т.п.

Третья функция дискредитирующих метафор – предупреждение об опасности. Эту функцию выполняют метафоры, изображающие тело политика как источник опасности для окружающих. Например, журналисты предупреждали о том, что К. Кристи может ненароком раздавить кого-нибудь, когда захочет присесть, или разрушить мост, когда попытается перебраться на другой берег. Эту же функцию выполняют мифические и анималистические метафоры, несущие смыслы агрессивности (гигантский тролль, воинственный бегемот и т.п.). В более широком смысле политик, который не способен справиться со своим собственным весом, дает пример «моральной слабости» и потому представляет опасность для общества.

В круг интересов современной политической риторики входят проблемы, которые в отечественной лингвистике рассматриваются с позиций теории прецедентных феноменов. Но если отечественная теория базируется на когнитивном подходе, аналогичные зарубежные

исследования осуществляются преимущественно с позиций традиционной риторики и семантики. В немецко-язычных публикациях аналогом понятия прецедентных феноменов можно считать термин *Namenmetaphern* (буквально «имена-метафоры») с той лишь разницей, что *Namenmetaphern* описываются не в понятиях концептуальных структур и их лингвистических коррелятов, а как языковые метафоры. В качестве примера можно привести исследование Петры Эвальд, посвященное изучению «имен-метафор» в немецкой прессе [Ewald 2014]. Показательно, что большинство анализируемых автором «имен-метафор» мало что говорят отечественному читателю (*Katzenbergers dieser Welt* – *Катценберги этого мира*; *ein ukrainischer Jörg Haider* – *украинский Йорг Хайдер*; *Sie [Angela Merkel] ist in ihrer Koalition umgeben von Pofallas, Röslers, Röttgens.* – *В своей коалиции она [Ангела Меркель] окружена Пофаллами, Реслерами и Рёттгенами*), что подтверждает важную роль прецедентных имен в формировании лингвокультурологической специфики дискурса, обнаруживаемой независимо от априорных методологических предпочтений.

Отметим, что немецкий термин *Namenmetaphern* соотносится не только с антропонимами, но и с любыми другими онимами. К примеру, в контексте *Angst vor einem neuen Lichtenhagen* (*страх перед новым Лихтенхагеном*) использование урбонима отсылает к массовым волнениям, произошедшим в Лихтенхагене в 1992 г. на почве ксенофобии. В отечественной терминологии данное «имя-метафора» соотносится с прецедентной ситуа-

цией (аналогом «имени-метафоры» *Лихтенхаген* может служить ПФ *Кондопога*).

В англоязычных публикациях подобные примеры называют интертекстуальными метафорами (intertextual metaphors). Анализ интертекстуальных метафор в зарубежной политической риторике соотносится с анализом коннотативного употребления прецедентных феноменов в отечественной лингвистике, в то время как денотативные случаи употребления прецедентных феноменов относятся в зарубежной политической лингвистике к изучению проявлений интертекстуальности в целом. Так, в работе К. Эрнандез-Гуэрры [Hernández-Guerra 2013] рассматривается случай использования Б. Обамой антропонимов И. Гете, Л. Пастера и И. Гутенберга. Президент США, выступая в Страсбурге, использовал данные прецедентные имена в денотативном значении, чтобы подчеркнуть перед аудиторией, что им есть чем гордиться (все перечисленные персоналии жили в Страсбурге). Отметим, что в политической риторике вопрос об интертекстуальном употреблении антропонимов зачастую вообще никак не маркируется – случаи метафорического употребления антропонимов рассматриваются как обычные тропы, такие же, как метафоры, выраженные именами нарицательными.

Нельзя не заметить, что по мере развития когнитивистики риторические исследования политических метафор все больше уходят на второй план. Ведущая черта современных риторических исследований – заимствование когнитивной методологии и метаязыка когнитивной лингвистики. Если в начале XXI в. можно было говорить

о параллельном сосуществовании когнитивного и риторического подходов, о взаимном обогащении и конвергенции этих двух направлений, то в настоящее время когнитивная парадигма все больше занимает нишу политической метафорологии, оставляя риторическим изысканиям все меньше места. При этом данная тенденция касается преимущественно метафорологических изысканий, потому что именно в этой области формировалась теория концептуальной метафоры, которая была одним из истоков когнитивной лингвистики в целом. Что касается спектра других тем, то риторическое направление по-прежнему занимает значимое место в современной зарубежной политической лингвистике [см. обзор: Будаев, Чудинов 2019].

1.3. Дискурсивное направление в политической метафорологии

Важнейшее место в современной политической метафорологии занимает дискурсивное направление. При таком подходе метафора изучается в широком экстралингвистическом контексте в разных видах политического дискурса (национальном, медийном, институциональном, историческом, личностном и др.). Приступая к изучению политических метафор, лингвисты не всегда выбирают в качестве точки отсчета для исследования конкретную концептуальную метафору, сферу-мишень или сферу-источник. Нередко точкой отсчета становится определённый политический дискурс, в котором фиксируются все метафоры без ограничения круга сфер-мишеней и сфер-источников метафорической экспансии.

В качестве субъекта дискурса могут выступать конкретные политики, политические организации, определенные СМИ, политические партии и иные сообщества, объединяемые общностью политических взглядов. Автор выбирает такую методику, когда его интересуют не способы концептуализации определённого фрагмента политического мира или моделирующий потенциал определённой сферы-источника, а особенности реализации концептуальных метафор в контексте определённой идеологии, реализуемой в индивидуальных или коллективных политических дискурсах.

Обычно в качестве субъекта политического дискурса выступают конкретные политики (идиолекты); представители определённого политического института (например, парламентский дискурс); средство массовой информации (массмедийный дискурс); сторонники определённых взглядов (либеральный дискурс, националистический дискурс и др.). Один из самых распространенных ракурсов исследования – анализ метафорических образов в идиолектах, который позволяет высветить различия в картинах мира конкретных политиков. Так, П. Друлак и В. Бенеш [Drulák, Beneš 2015] сравнили метафорическое представление о Европе в выступлениях двух чешских президентов – В. Гавела и В. Клауса. Если В. Гавел воспринимал Европу как единое целое (метафоры семьи, контейнера, клуба), то В. Клаус видел в Европе баланс конкурирующих между собой государств (метафоры экономики, спорта, игры). Лингвисты регулярно фиксируют предпочтения политиков к тем или иным сферам-источникам, справедливо полагая, что концепту-

альная картина мира тесно связана со сценариями разрешения проблем, к которым тяготеет тот или иной политик. Так, М. Л. Кинг предпочитал использовать религиозные метафоры, У. Черчилль любил образы природы, а М. Тэтчер активно использовала метафоры войны [Charteris-Black 2014]. В дискурсе британского премьер-министра Д. Кэмерона доминируют метафоры движения [Зиновьев, Нахимова 2019], а в выступлениях испанских королей Хуана Карлоса I и Филиппа VI регулярно востребованы милитарные метафоры [Селиванова 2019].

Выявление доминирующих метафор политика позволяет сделать следующий шаг – выявить ведущие прагматические смыслы, актуализируемые политическими образами. Так, Е. А. Медведева, проанализировав метафоры В. В. Путина, пришла к выводу, что дискурс президента России можно охарактеризовать как взвешенный и сбалансированный, более нацеленный на диалог, на конструктивный поиск решений жизненно важных проблем, чем на критику и конфронтацию [Медведева 2014]. В другом исследовании метафор российского президента отмечается корреляция метафорических выражений с доминирующей в российском обществе системой ценностей, запросами населения, особенностями отечественной политической культуры [Беглова, Шмелева 2016]. Отдельный интерес вызывают сравнительные исследования метафор российского президента с образами, используемыми лидерами других государств: Си Цзиньпинем [Фомин, Мавлеев 2017], Н. Саркози и Ф. Олландом [Крышталева 2019].

Хотя исследователи и обнаруживают идиолектные особенности использования метафор политиками, предпочтения в выборе сфер-источников метафорической экспансии могут меняться со временем в зависимости от экстралингвистических условий [Anikin et al. 2015]. Это в полной мере относится к дискурсу одного и того же политика. Например, в исследовании О. Н. Кондратьевой и К. А. Ковалевой [2016] прослежена динамика подбора метафор в выступлениях Ю. Тимошенко. Значительную часть политической карьеры Ю. Тимошенко провела в борьбе со своими оппонентами, что обусловило высокую частотность и особую продуктивность милитарных метафор в ее политических выступлениях. Однако в период уголовного преследования во время президентства В. Януковича в дискурсе Ю. Тимошенко доминировали театральные метафоры, направленные на привнесение смысла нелегитимности уголовного преследования и постановочного характера судебного процесса.

Некоторые лингвисты усматривают изменения в смыслах одних и тех же метафор в рамках одного выступления политика. Интересный аспект языковой игры с оценочным потенциалом метафор отмечен в монографии Д. Ричи [Ritchie 2013]. Фиксируя приверженность Т. Блэра к метафоре *back*, автор показывает, что британский премьер-министр использует эту лексику в одном и том же выступлении как в прямом, так и в переносном смысле. При этом Т. Блэр использует метафору *back* то в положительном смысле (возвращение домой, возвращение к ценностям), то в отрицательном, указывая на то,

что политика его оппонентов тянет страну назад и задерживает развитие Великобритании.

Анализ метафор в идиолектах широко применяется и для изучения образного осмысления политики в исторической перспективе. Среди работ последних лет можно выделить исследования метафор Вильгельма II [Musolff 2016], М. Ганди и Д. Неру [Liu, Khan 2015], А. Гитлера [Musolff 2010], У. Черчилля [Зубакина 2015], деятелей времен Французской революции [Sinding 2015].

Второй популярный аспект дискурсивного анализа – изучение метафор в дискурсе представителей определённых политических институтов. Такой подход применялся для изучения метафор в дискурсе депутатов Европарламента [Ly 2013; Wodak 2011], президентов США [Wright, Shore 2015; Xue et al. 2013], президентов посткоммунистической Румынии [Frentiu 2016], представителей Консервативной партии и Социал-демократической партии Литвы [Cibulskienė 2010], членов правительства Сингапура [Lee 2015], дореволюционных парламентских выступлениях [Дулесов 2018] и др.

Третий ракурс дискурсивного анализа – изучение метафор в дискурсах сторонников (или противников) определённых политических взглядов. Дискурсы, манифестирующие определённую идеологию, зачастую характеризуются схожим репертуаром метафор. Группа исследователей проанализировала дискурс сторонников левых взглядов в Шотландии за период 2012–2014 гг. Указанные годы были временем непримиримых споров о том, следует ли Шотландии оставаться в составе Соединенного королевства или нет. Как оказалось, сторонники

независимости Шотландии дружно использовали метафору мучительного и несчастного брака, прекращение которого принесет всем облегчение [Alexander et al. 2019]. Схожим образом М. Диаз-Пералта проследила, как сторонники левых взглядов использовали метафоры движения в испанской газете *El País* для создания негативного образа правящей центристской партии [Díaz-Peralta 2018]. Схожесть метафорики у сторонников определённой идеологии проявляется не только во внутриполитическом, но и во внешнеполитическом дискурсе. В публикации Мухортова [2015] показано, что метафоры в выступлениях Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера (2014–2015 гг.) свидетельствуют об общности идеологических установок англосаксонских политиков в области внешней политики.

Особый интерес представляет анализ того, как функционирует конкретная метафорическая модель в дискурсе сторонников определённой идеологии применительно к разным сферам-мишеням. Так, в исследовании К. В. Пологовой [2021], посвящённом анализу зооморфных метафор в нарративе «Движение BLM» в *The Seattle Times*, показано, что образы животных используются по-разному по отношению к сторонникам движения Black Lives Matter и его противникам. В статьях продемократической газеты использовались две концептуальные метафоры: POLICE/REPUBLICANS ARE ANIMALS и PROTESTERS ARE ANIMALS. Первая метафора была призвана создавать пейоративный образ президента-республиканца, его сторонников, а также полиции. Образы свиней и агрессивных животных регу-

лярно использовались для дегуманизации концепта власти и полиции в сознании читателей. Вторая концептуальная метафора использовалась с целью усиления антиреспубликанских настроений читателей. Концептуальная метафора **PROTESTERS ARE ANIMALS** была призвана показать настроения противников протестов, которые апеллировали к образам животных для описания протестующих. Авторы не прибегали к зооморфным метафорам для представления участников протестов, а показывали, что республиканцы осмыслили протестующих как животных, что должно было усиливать антиреспубликанские настроения читателей.

Корреляции идеологии и метафор обнаруживаются не только в репертуаре сфер-источников, но и в частотности свежих и стертых метафор. В исследовании Е. П. Дулесова [2019] установлено, что в дореволюционном российском парламенте представители крайних политических взглядов (правые и левые) использовали свежие метафоры чаще, чем сторонники умеренных подходов к решению проблем (кадеты), что согласуется с подобными наблюдениями над метафорикой сторонников радикальных и умеренных взглядов в современных политических дискурсах, высвечивая универсальный характер описываемого феномена.

Выделенные аспекты анализа являются основными, но не единственными. Помимо идиолектных, идеологических и институциональных факторов дискурсивному анализу могут подвергаться гендерные различия в выборе метафор. М. Холман сравнила выступления мэров 16 американских городов и пришла к выводу, что мужчины

и женщины говорят об одних и тех же проблемах, но используют разные фреймы. Женщины склонны использовать модель NURTURANT PARENT, а мужчины чаще прибегают к фрейму STRICT FATHER [Holman 2015].

Отдельное место в дискурсивном направлении занимают исследования метафор в нарративе (совокупности текстов, тематически связанных с определенным политическим событием). При таком подходе лингвисты ограничивают материал для исследования не конкретным субъектом политического дискурса, а определённым событием (выборы, война, референдум), которое рассматривается не как сфера-мишень метафорической экспансии, а как экстралингвистический триггер для актуализации метафор, связанных с разными сферами-источниками и сферами-мишенями [Bougher 2015; Crano 2015; Danner, Hanne 2015; Diez 2016; Hammack 2015; Mio 2015; Wibben 2015]. Исследование политических нарративов показывает, что выбор сфер-источников при метафоризации находится в прямой зависимости от экстралингвистического контекста. Например, во время отсоединения Черногории от Сербии в югославской прессе резко выросла частотность метафор брака, при этом доминировали две метафоры – союз Сербии и Черногории – брак по расчету и брак по принуждению [Silaški, Đurović 2014].

Исследования метафорики, актуализируемой в контексте политического события, могут сочетаться с анализом метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Например, в монографии И. Менсель [Mensel 2015] рассмотрены метафоры, акту-

ализированные в крайне правой французской газете «Rivarol», т. е. автор опирался на методику исследования метафор определенного субъекта политического дискурса. Вместе с тем И. Менсель акцентирует внимание не на всех публикациях данной газеты, а на тех, что связаны с двумя политическими нарративами: войной в Ираке в 2003 г. и референдумом по поводу Европейской конституции, прошедшем во Франции в 2005 г.

Нарративы, которые анализируют лингвисты, традиционно связаны с войной, выборами, кризисами. На этом фоне оригинальным выглядит исследование Е. В. Дзюбы [2017], в котором изучались метафоры в публикациях чешских СМИ, посвященных празднованию двадцать седьмой годовщины «Бархатной революции» в Чешской Республике. Анализ позволил выделить следующие виды метафор, представляющих современную политическую ситуацию в Чехии: антропоморфная (сон и пробуждение, Спящая красавица, рулевой корабля), экономическая (политический маркетинг и политическая продукция), морбиальная (летаргический сон), природоморфная (огонь и свет), криминальная («банда президента»), зооморфная (русский медведь и китайская панда), милитарная (защита и нападение), квисквилиарная (мусор и навоз). Автор подчеркивает обусловленность выбора стратегии воздействия на массовое сознание спецификой конкретной политической ситуации.

Интересные данные позволяет получать совмещение дискурсивного анализа с контент-анализом. Изучение 86000 политических и социально-экономических текстов из 314 федеральных и региональных российских

СМИ 2000–2010 гг. позволило обнаружить три периода в функционировании метафор болезни в рассматриваемый период. В 2000–2006 гг. частотность метафор болезни планомерно снижалась, что коррелирует с представлениями об изменении деструктивных тенденций в жизни общества, сложившихся в 90-е гг. XX в. Накануне мирового экономического кризиса в 2007 г. отмечается незначительный рост частотности метафор болезни, который резко усиливается в острую фазу экономического кризиса 2008–2009 гг. В 2010 г. снова отмечается снижение частотности метафор болезни, коррелирующее со стабилизацией социально-экономической ситуации в этот период. Еще одна закономерность при изучении данного корпуса текстов была обнаружена при сопоставлении метафор болезни по сезонам – частотность метафор болезни снижается в летние периоды [Budaev 2017].

В завершение отметим тенденцию к уменьшению роли критического дискурс-анализа, столь популярного в политической метафорологии начала XXI в. Особенно это заметно в странах, которые больше других пострадали от экономического кризиса. В этом отношении показательно наблюдение группы испанских исследователей за изменением семантики испанских лексем *patera* и *caуiso*, обозначающих плоскодонные лодки [Dominguez et al. 2014]. Если в 90-е гг. XX в. эти испанские слова ассоциировались исключительно с рыболовным делом, то в первое десятилетие XXI в. в связи с усилившимся потоком мигрантов из Африки за лексемами прочно закрепились пейоративные коннотации бедности, тайной перевозки людей и смерти (мигранты нередко погибали до

того, как лодка достигала европейских берегов). Если до экономического кризиса испанские метафоры акцентировали внимание на опасностях, которые претерпевают мигранты, переплывая Средиземное море из Африки в Европу, то с наступлением кризиса «мигрантскую лодку» предлагали заполнить банкирами или безработными, чтобы отправить их на поиск лучшей доли за пределами Испании. Таким образом, новые экономические условия оставляют все меньше возможностей для реализации критического подхода к анализу дискурса, направленного на борьбу с негативным образом миграции в СМИ.

1.4. Семиотическое направление в политической метафорологии

В наиболее общем смысле семиотический подход направлен на изучение метафоры как части знаковой системы политической жизни общества. Вместе с тем важно иметь в виду, что при ближайшем рассмотрении возможны две трактовки семиотического подхода. Первая трактовка подразумевает анализ метафор в трех аспектах согласно классическому разделению семиотики: отношения политических метафор в системе языка (синтактика), означивание политических реалий с помощью языковых номинаций (семантика), отношение между политическими метафорами и субъектами политического дискурса (прагматика). Семиотика создавалась как метанаука, охватывающая все возможные ракурсы отношений между знаками, поэтому говорить о семиотическом подходе можно при комплексном анализе метафор в синтаксическом, семантическом и прагматическом ракурсах.

Так как любая политическая метафора является знаком, то на первый взгляд любой анализ политических метафор является семиотическим. Однако для каждого из ракурсов изучения знаков по отдельности существуют свои сложившиеся подходы. К примеру, синтаксические отношения между знаками традиционно изучаются в рамках структурной лингвистики, а отношение между языковым знаком и субъектом выясняет традиционная риторика и психолингвистика. Таким образом, выделение семиотического подхода наряду с психолингвистическим или структурным неправомерно, потому что более общее понятие не может стоять в одном ряду с более частным. Выход из этого видится в последовательном применении семиотического метода, то есть в комплексном подходе к политической метафоре, совмещающей все три ракурса. И здесь возникает другая проблема – исследователи не часто берутся за реализацию комплексного подхода на практике, предпочитая изучение какого-нибудь довольно узкого аспекта, что методологически оправданно, особенно в рамках такого жанра как научная статья. В этом смысле семиотический подход к политической метафоре находится ещё только в стадии становления.

Вместе с тем существует еще одна трактовка семиотического подхода как методологически самостоятельного ракурса анализа. Если исследователь изучает невербальные метафоры, то он также объявляет такой подход семиотическим, справедливо опираясь на тот факт, что существуют как вербальные, так и невербальные знаки. Так как предмет исследования в таком случае лежит за рамками собственно языка, но в границах того, что счита-

ется знаковыми системами, подход является семиотическим. И в этом аспекте семиотическое направление относится к одним из ведущих в современной политической метафорологии.

Долгое время исследователи политического дискурса фокусировали внимание на вербальных метафорах, однако в последнее время лингвисты все чаще обращаются к метафорике семиотически осложненных (поликодовых, креолизованных) политических текстов. Растущий интерес к мультимодальной образности связан, с одной стороны, с пониманием того, что невербальные средства не уступают по прагматическому потенциалу вербальному ряду, а с другой – с формированием представлений о метафоре, как о когнитивном феномене, проявляющемся не только в языке, но и в мышлении, что подразумевает потенциальную возможность объективации концептуальной метафоры в любых знаковых системах.

Наибольший интерес в сфере политической семиотики вызывают метафоры в карикатурах. Особенность изучения метафор в карикатурах заключается в том, что исследователи чаще (по сравнению с исследованиями вербальных метафор) выбирают методику анализа сферы-мишени метафорической экспансии. К ведущим сферам-мишеням мультимодального анализа относятся: политические лидеры (президенты, премьер-министры, лидеры партий), политические события (войны, кризисы, выборы), артефакты (объекты материального мира, связанные с политическими смыслами). Конечно, при изучении иллюстрируемых событий часто используются образы людей, в том числе и конкретных политиков, а образ поли-

тика нередко изображается в контексте каких-либо событий. Однако авторы обычно эксплицитно определяют, что именно является предметом анализа – образ политика или политического события.

Закономерно, что среди исследований визуальной репрезентации политиков в карикатурах лидируют публикации, посвященные образам руководителей государств. Так, в исследовании Ю. В. Рогозинниковой [2018] рассмотрены образы президентов России и США в британских и американских СМИ. Автор приходит к выводу, что подавляющее большинство анализируемых примеров американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента. Метафоры тесно взаимосвязаны с категорией СВОИ–ЧУЖИЕ, но при этом ведущая стратегия формирования образа американского политического лидера – «Свой – плохой, чужой – хороший», которая реализуется через тактики невыгодного сопоставления, идеализации/героизации одного из образов, создания дискредитирующего контекста.

Детальный анализ метафорических образов в современной американской карикатуре проведен в монографии Е. В. Шустровой [2014] и в коллективной монографии «Лингвокультурные типажи американских президентов» [Шустрова и др. 2016]. Комплексный изучение метафорического представления американских президентов в карикатуре США позволило исследователям смоделировать типажи, выстраиваемые в политическом дискурсе с помощью метафорических образов: Р. Рейган и Б. Обама –

Семьянин, Дж. Буш – Злодей, Д. Трамп – Чудак. Метафорический образ Барака Обамы в политической карикатуре рассматривается С. А. Тихоновой [Тихонова 2013]. Метафорические образы президента США формируются с помощью сфер-источников «Политика и политические деятели», «Библейские сюжеты», «Традиционные праздники», «Киноискусство», «Сказки» и «Мифология».

Предметом исследования могут быть не только отдельные политики, но и отношения между ними, особенно если речь идет о главах мировых держав. В исследовании А. Э. Буженинова [2017] рассмотрены политические карикатуры на В. В. Путина и президента США Д. Трампа во французской прессе. Анализ визуальных метафор выявил, что отношения между двумя президентами воспринимаются как возможный плодотворный союз двух держав, в котором доминирующая роль отводится В. В. Путину, а роль ведомого – Д. Трампу.

Помимо руководителей государств объектами визуальной метафоризации становятся политики, получившие известность в контексте определенных событий. Ч. Форсевиль проанализировал метафоры в карикатурах на правого нидерландского политика Г. Вилдерса, который приобрел известность благодаря антиисламской риторике (особенный резонанс получило заявление Г. Вилдерса о том, что он выгнал бы пророка Мухаммеда из страны, если бы он жил в наше время) [Forceville, van de Laar 2019]. В этом отношении закономерно, что мультимодальный анализ метафоры часто сочетается с дискурсивным подходом. В таком случае политик выступает не в качестве сферы-мишени, а в качестве субъекта дискурса. Такой

подход реализован в монографии Садуова, рассмотревшего невербальные средства убеждения в дискурсе Б. Обамы [Садуов 2012].

При метафорическом осмыслении событий карикатуристы обращаются к насущным политическим проблемам, которые и попадают в фокус исследователей: мировой финансовый кризис [Bounegru, Forceville 2011], ядерный кризис между КНДР и США [Kwon 2019], брексит [Godioli, Pedrazzini 2019; Silaški, Đurović 2019b], миграционный кризис [Wawra 2018], политический кризис в Кении (2007–2008 гг.) [Wekesa 2012], экономические споры между США и Тайванем [Lin, Chiang 2015], атака на Charlie Hebdo [Bouko et al. 2017] и др.

Отечественные исследователи закономерно фокусируют внимание на политических событиях, имеющих отношение к России. Е. В. Шустрова проанализировала метафорическое осмысление присоединения Крыма к РФ в американской карикатуре [2015]. Автором описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образа России в СМИ США. Россия представлена через метонимические связи с вооружением (танками, самолетами, автоматами Калашникова), зооморфные метафоры (медведь, волк) и гастрономические образы. В монографии М. Б. Ворошиловой [2013] выявлены ведущие метафоры, концептуализирующие экономический кризис 2008 г. в Рунете. Наиболее востребованными образами в неформальной Интернет-коммуникации стали артефактная, антропоморфная, природная, зооморфная, криминальная и морбиальная метафоры. При этом наиболее продуктивной стала не самая

частотная зооморфная метафора. Схожая методика применена при анализе визуальных метафор, используемых для концептуализации украинского кризиса (2014–2018 гг.) [Кипина, Плотникова 2018].

Если образы президентов или выборов – типичный объект семиотических изысканий, то образы артефактов (объектов материального мира), несущих политические смыслы, чаще связаны с уникальными событиями. Концепты артефактов, на которые карикатуристы прежде не обращали внимания, в определённый момент становятся крайне востребованы в политическом дискурсе. К таким концептам, в частности, относится КАРАНДАШ/РУЧКА. После гибели карикатуристов из французского журнала *Charlie Hebdo* в результате террористического акта, карандаш стал популярным образом карикатур во всем мире. А. Домингес [Dominguez 2015] проанализировал 414 карикатур с этим образом и выделил ведущие концептуальные переносы, направленные на концепты PEN/PENCIL (карандаш – это оружие/человек/свобода/дерево/свеча), а также метафоры, связанные со смежными концептами (чернила – смерть, ластик – средство уничтожения террористов и т.п.).

В теоретическом отношении немаловажно, что метафора призвана концептуализировать более абстрактные концепты с помощью более конкретных образов, а самыми конкретными и понятными являются визуальные образы, потому что наибольшее количество информации человек получает через визуальный анализатор. По этой причине карикатуры занимают ведущее место в семиотических метафорологических исследованиях, но визуаль-

ный ряд политического дискурса карикатурами не исчерпывается. При анализе устных выступлений исследователи учитывают самые разнообразные невербальные средства коммуникации (кивки, наклоны головы, сжатые губы, поднятые брови, жесты руками и т. п.). При этом именно метафоры обычно усиливаются мультимодальными средствами: жестами, выражением лица, позой, просодическими средствами [Avelar, Mendes 2015; Debras, L'Hôte 2015]. Еще одним источником сведений о невербальной политической метафоре служат рекламные ролики [Королева 2012], политические комиксы [Садуов 2013], политические плакаты [Мардиева 2012; Нуриева 2015].

Показательно, что современные сопоставительные исследования демонстрируют схожесть метафор невербального и вербального ряда в одинаковых дискурсивных условиях. К примеру, в ходе обсуждения европейского миграционного кризиса одни и те же метафоры активно использовались как в текстах, так и в карикатурах [Silaški, Đurović 2019a]. Такие наблюдения свидетельствует в пользу когнитивной, а не только языковой, природы метафоры. Вместе с тем семиотические исследования имеют свою специфику, помимо собственно предмета исследования. Например, политическая карикатура особенно чувствительна к изменениям политической ситуации в силу жанровой специфики, основанной на необходимости отображать злободневные общественно-политические проблемы. По этой же причине в мультимодальном анализе слабо востребована методика анализа концептов сфер-источников, хотя в этом направлении тоже ведутся исследования (можно упомянуть монографию, посвящен-

ную образу русского медведя в западноевропейских и российских карикатурах [Русский медведь 2012]).

В завершение обзора отметим общие тенденции современной политической метафорологии.

К положительным изменениям в исследовании концептуальных сфер в разных культурах является нарастающая критика принципа универсализма. Теория концептуальной метафоры первоначально разрабатывалась на материале английского языка, а поэтому ее постулаты нередко экстраполировались на все остальные языки мира. Однако практика метафорологических исследований все чаще выявляет культурную специфику среди метафор, на первый взгляд создающих иллюзию метафорических универсалий. Особенно рельефно культурная специфика вырисовывается при сопоставлении политических метафор в генетически далеких языках и культурах. Усиление теоретической критики универсализма сочетается с практическим интересом к поиску культурной специфики политической метафористики.

В современной политической метафорологии наблюдается повышение значимости когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования. Когнитивно-дискурсивный подход, возникший в российской лингвистике, активно используется отечественными учеными в качестве теоретико-методологического фундамента для анализа политических метафор. В зарубежной науке когнитивизм и дискурс-анализ традиционно развивались как

две самостоятельные научные школы, вместе с тем в последнее время взгляд на метафору как на когнитивное и одновременно дискурсивное явление получает все большее распространение и в зарубежных изысканиях.

Для современной политической метафорологии характерна тенденция к преодолению чрезмерной дифференциации когнитивного и риторического направлений в исследовании метафоры. Когнитивная методология оказывает все большее воздействие на инструментарий исследований, авторы которых декларируют опору на традиционные подходы к метафоре.

В современной политической метафорологии хорошо заметны тенденции, характерные для неклассической науки (рост междисциплинарности, усиление внимания к контекстуализации изучения метафоры в самом широком смысле, учет фактора субъекта исследования в процессе изучения политических метафор, междисциплинарный трансфер методологии и терминологии). Методологический плюрализм, наблюдаемый в этом направлении научных изысканий, не только показывает многоаспектность объекта анализа, но и является необходимым условием поиска истины.

РАЗДЕЛ 2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ В СМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

2.1. Метафорический образ будущего России в СМИ Великобритании

СМИ в современных условиях являются полноправным институтом политической системы: функционирование политического дискурса напрямую связано с медиадискурсом, которые способен задавать как общественно-политические настроения, так и доминирующие интерпретации событий настоящего и будущего: «СМИ воспроизводят и создают, моделируют политический дискурс вокруг определенной проблемы, внедряя ее в публичное пространство» [Алексеев, 2015].

В разделе рассмотрены основные особенности прогностического текста СМИ, который понимается как «текст, предметом отображения которого является анализ настоящих тенденций, будущих перспектив развития ситуации, последствий выбора одной из альтернатив (положительной / отрицательной), призванный воздействовать на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для получения желаемого результата, а также на политическую ситуацию в целом с целью ее изменения» [Солопова, 2017: 56].

Для прогностического текста, как и для любой другой формы прогнозирования, присущи противоположные и одновременно взаимодополняющие признаки: «логическое и внелогическое, сознательное и бессознательное, интен-

сивное и экстенсивное, субъективное и объективное, темпоральное и атемпоральное» [Ярская, 2011]:

1. Образ будущего представлен спектром прогностических рефлексий и детерминирован множеством экстрадискурсивных факторов: системой государственного устройства, социально-экономической структурой страны, географическим положением страны, природно-ресурсным потенциалом и т.д. (*объективное, логическое*).

2. Будущее имеет субъективное измерение, поскольку в него включен человек как автор прогноза. «Автор строит и организует прогноз на основе реализации целевых установок субъектов власти собственного государства, на основе собственной точки зрения на экстралингвистическую действительность настоящего» [Солопова, 2017], что свидетельствует в пользу таких характеристик как субъективность (прогноза) и субъектоцентричность (дискурса) (*субъективное, внелогическое*).

3. Эмоциональная оценка прогноза и бессознательная работа с запасом имеющейся у автора информации синтезируют прогностическую интуицию, преобразующую скрытую информацию в открытую, осознанную. Сфера бессознательного задействована в выборе лингвистических средств (например, метафоры), с помощью которых вербализуется будущее. Если говорить о метафоре, то это проявляется в доминантности моделей в определенном дискурсе и культуре, в универсальности метафорических моделей при кросскультурных исследованиях. Именно архетипический метафорический паттерн выступает как элемент бессознательного. Однако «аксиологическая нагруженность, имплицитно или эксплицитно содержаща-

яся в образах, всегда сознательна, дискурсивна, инкарнирована в конкретную ситуацию» [Солопова, Чудинов, 2017] (*бессознательное и сознательное*).

4. С одной стороны, конструирование образа будущего привязано к текущей ситуации, включает историко-генетические уровни и формы функционирования государства в настоящем. С другой – оно связано с элиминацией временной характеристики, безразлично к направлению времени, не приурочено к какому-либо временному моду-су, «включает в себя инверсию времени в качестве возможности экстраполяции выводимой закономерности на все сферы бытия» [Солопова, 2015] (*темпоральное и атемпоральное*).

5. Прогнозы, связанные с экстраполяцией известной закономерности на будущее состояние государственной системы и содержащие временное ограничение, носят экстенсивный характер (новое прогнозируемое состояние государства укладывается в рамки существующих и существовавших тенденций). Интенсивные прогнозы связаны с качественно новым состоянием государственной системы, отличным от прошлого и настоящего (*экстенсивное и интенсивное*).

Цель любого политического прогноза, как и любого другого внушения – вызвать вполне определенные реакции и действия. Апеллятивный вектор прогностического текста, устремленный из дискурсивного пространства вовне к имплицированному или реальному реципиенту, направлен на привлечение его внимания. Само предсказание будущего развития государства можно отнести к имплицитным средствам реализации апеллятивного вектора политиче-

ского дискурса. Второй вектор – инвокативный, «втягивающий» реципиента внутрь дискурсивного пространства прогностического текста. Автор конструирует прогностический текст так, чтобы он вписывался во «вселенную мнений и оценок реципиентов», чтобы они могли опознать в нем собственную картину мира» [Гуляева, 2009], особую модель со своими представлениями о времени: о прошлом, настоящем и будущем, с ценностными приоритетами, составляющими ядро идентичности, которые выступают как основа аргументации в пользу светлого или мрачного варианта будущего. Либо моделирует отличный от «своего», «чуждый» мир, построенный на анти-ценностях и предлагающий анти-образцы.

Будучи одной из базовых категорий политического дискурса, категория прогностичности, т.е. обращенности в будущее, обусловлена и тем, что «политический текст любого жанра не только базируется на предшествующем опыте говорящего и слушающего, он обусловлен планируемыми действиями, возможностью или невозможностью этих действий» [Солопова, 2016]. К примеру, тексты, в том числе публицистические, диагностирующие политическое настоящее, как правило, рассматривают альтернативные варианты развития сложившейся ситуации или решения существующих проблем в будущем. Тексты, репрезентирующие политическое прошлое, эксплицитно или имплицитно предлагают образцы или анти-образцы развития настоящей ситуации и ее вероятных будущих состояний. «Именно предвидение будущего задает определенную структуру политического времени» [там же].

Кроме того, власть как базовая категория политики и политического дискурса напрямую соотносится с моделированием будущего, рассматриваемым в рамках категории прогностичности, «посредством которой государственные и общественные институты осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию (настоящее), конструируют и продвигают те или иные образы реальности (будущее)» [Солопова, Чудинов, 2017], чтобы регулировать ход внутриполитической борьбы, внешнеполитических отношений и контролировать процесс давления различных социальных и политических институтов как внутри страны, так и за ее пределами.

Аналитическая статья, рассматриваемая нами как разновидность прогностического текста, направлена не только на изучение и интерпретацию актуальных проблем современного государства, в нашем случае – России, но и на исследование тенденций и перспектив его развития [Тертычный, 2010: 30–31]. Следует еще раз подчеркнуть, что информация, предлагаемая читателю, носит вероятностный / гипотетический характер, поскольку журналисты, выдвигают предположения, обосновывают их, формулируют тезисы и антитезисы, опираясь на совокупность известных им фактов и следуя коллективным и личностным идеологическим установкам; предпринимают попытки предсказать вероятное будущее другого государства в зависимости от внутриполитической ситуации в собственной стране и внешнеполитической обстановки в мире.

Помимо описания ситуации в современной России и обозначения существенных, с точки зрения журналиста, характеристик анализируемой проблемы, установления

причинно-следственных связей между фактами, аналитическая статья включает авторскую оценку описываемых явлений и собственно прогноз, что напрямую соотносится с прогностическим потенциалом когнитивных метафор, активность которых в прогностических текстах обусловлена высокой степенью эмоциональной подвижности прогноза и множеством оценочных суждений.

Моделирование будущего в дискурсе требует определенных когнитивных операций, позволяющих переработать уже известное и связать его с новым знанием, что неизменно ведет к порождению метафор [Логунов, 2007]. Именно метафора представляет собой системообразующее, конститутивное свойство предвосхищающего мышления [Базылев, 2012; Даннеберг, 2010; Солопова, Салтыкова, 2019; Шапошников, 2012; Solopova, Chudinov, 2019].

По мнению исследователей, прогностическая функция метафоры связана с ее способностью

- перестраивать настоящее, ставя под сомнение правильность и легитимность существующего порядка [Анкерсмит, 2009; Солопова, Салтыкова, 2019];

- конструировать новые реальности [Lakoff, Johnson, 2003];

- преобразовывать окружающий мир, меняя представление об этом мире [Бурдые, 2003; Данненберг, 2010];

- служить ориентиром для будущего и каузировать выполнение действий по изменению социальной реальности [Солопова, Салтыкова, 2019].

Таким образом, будущее может актуализироваться в метафорах, «обладающих возможностью моделировать суть политических отношений и связей» [Солопова, 2020]:

метафоры не только интерпретируют и преобразуют настоящее, но и структурируют представление о будущем, побуждают человека к его познанию и созиданию. Прогностическая метафора содержит определенное закодированное послание, которое, если будет воспринято сознанием верно, способно изменить существующую действительность и оказать влияние на дальнейший ход событий.

Перейдем к анализу системы метафорических моделей, функционирующих в современном британском публицистическом дискурсе (2010–2020) и задействованных в моделировании будущего России.

Источниками материала послужили традиционные информационные медиа Великобритании, содержащие редакционные материалы (статьи, репортажи, интервью и др.). Источники включают как всемирно известные и наиболее авторитетные общенациональные периодические издания, которые доставляются во все регионы государства, так и региональные (провинциальные) издания, обладающие солидной репутацией и большим тиражом не только в своем регионе, но и во всей стране: *New Statesman*, *Politico*, *Prospect*, *The Economist*, *The Express*, *The Daily Mail*, *The Daily Telegraph*, *The Guardian*, *The Herald Scotland*, *The Independent*, *The Irish News*, *The Observer*, *The Scotsman*, *The Sunday Post*, *The Sunday Times*, *The Telegraph*, *The Times*, *Union Leader*, *Verdict* и другие. Материал исследования был получен путем сплошной и репрезентативной выборки из аналитических статей политической проблематики, посвященных анализу тенденций развития России.

Материал для анализа метафорического образа России в британском публицистическом дискурсе составил более 3000 контекстов. Из массива материала вручную отобраны контексты, содержащие метафорические единицы. Статистическая обработка данных состоит

- в фиксировании всего спектра метафор: в рассматриваемом хронологическом срезе доля метафорических контекстов составила 69,4% (2082 контекста) от общего числа;

- в построении системы метафорических моделей рассматриваемого исторического периода: в современном британском публицистическом дискурсе зафиксировано 18 метафорических моделей;

- в определении частотности употребления, в ранжировании метафор на шкале частотности;

- в выявлении доминантных метафорических моделей: к характерным для британского публицистического дискурса современного хронологического среза отнесены метафоры войны, преступности, болезни, монархии, пути (таблица 1).

Содержательный анализ доминантных метафорических моделей в британском массмедийном дискурсе включает их структурирование, определение наиболее частотных фреймов, установление прагматического и аксиологического потенциала метафоры.

Метафорическая модель войны

Наиболее частотной моделью является метафора войны, особенности функционирования которой исследуется учеными на материале различных эпох и дискурсов [Баранов, Караулов, 1991; Каслова, 2003; Красильникова, 2005; Миронова, 2003; Солопова, Салтыкова, 2018; Чуди-

нов, 2003; Cespedes, 2014; Chiang, Duann, 2007; Elwood, 1995; Flussberg, Matloch, Thibodeau, 2018; Lakoff, 2004; Ritchie, 2003; Vervaeke, Kennedy, 1996]. В фокусе исследовательского внимания находятся проблемы неизменной востребованности военной метафоры в различных типах дискурса, ее потенциал в формулировании острых социальных и политических вопросов, зависимость от экстралингвистического контекста, структура модели, функции метафор войны.

Таблица 1

Система метафорических моделей, зафиксированных
в британском публицистическом дискурсе
(сфера мишень – будущее России)

№	Название метафорической модели (ММ)	Процентное соотношение
1	ММ войны	15,9%
2	ММ преступности	13,9%
3	ММ болезни	11,4%
4	ММ монархии	10,5%
5	ММ пути	7,1%
6	ММ фауны	6,4%
7	ММ театра	6,4%
8	ММ спорта	5,4%
9	ММ игры	3,9%
10	ММ неживой природы	3,9%
11	ММ организма	3,4%
12	ММ строительства	2,8%
13	ММ механизма	2,5%
14	ММ родства	2%
15	ММ инструмента	1,5%
16	ММ флоры	1,5%
17	ММ религии	1%
18	ММ Торговли	0,5%

Высокая степень востребованности военных метафор обусловлена тем, что во-первых, источниковая

сфера представляет собой хорошо структурированную, типовую схему, известную и понятную каждому человеку и входящую в универсальную когнитивную базу; во-вторых, милитарные метафоры четко диагностируют проблему, требующую неотложного решения; в-третьих, их отрицательная коннотативная нагрузка позволяет не только сфокусировать внимание на существующей проблеме, но и мотивировать к совершению тех действий, которые желательны для продуцента текста. Последнее имеет непосредственное отношение к моделированию образа будущего.

В современном британском публицистическом дискурсе метафорическая модель «Будущее России – это Война» представляет собой структурированное образование, в таблице 2 указаны фреймы модели, ранжированные по степени востребованности и некоторые метафорические единицы, представляющие каждый из них (таблица 2).

Моделирование настоящего и будущего России соотносится и определяется войнами советского прошлого (Вторая мировая война, холодная война), конфликтами недавнего прошлого (Грузия (2008), Сирия (2011), Украина (2014)), настоящего (новая холодная война, информационная война, опосредованная война, кибервойна), будущего (Третья мировая война): *It is too simplistic to reach into history and read current events as a return to the Cold War* [The Independent, 14.09.2017]. ***World War Three will be “extremely lethal”: US Army bosses prediction for terrifying war with Russia or China. US Army chiefs fear Russia, China or climate change could result in global in-***

stability with **a war between two powerful countries** “almost guaranteed” [The Mirror, 06.10.2016].

Таблица 2

Милитарная метафора в современном британском публицистическом дискурсе о будущем России

№	Фрейм	Метафорические единицы
1	Военные действия и вооружение	<i>mission to destroy, Trojan Horse, on the march, to attack, to defend, to deliver another blow, land grab, in the line of fire, to tiptoe into the minefield, to scurry to one's defence, unprecedented assault, to fire a shot, to repulse an attack, to spill blood, defensive action, never to surrender, Russian heavy weapon, to overwhelm defences, to maul, etc.</i>
2	Война и ее разновидности	<i>uphill struggle, cyber forays, new cold war, star wars, leadership tussle, contest, verbal war, parallel series of contests, bloody infighting, fray, next war, forthcoming contest, constituency battles, phoney war, battle for one's «political skin», fightback, leadership challenge, puerile fisticuffs, ferocious battle, etc.</i>
3	Организация военной службы	<i>to give a command, strategist, higher commander, council of war, commanding officer, vanguard of supporters corps, to place under the command, regiment, commander-in-chief, general, round table generals, tactician, troops, third force in politics, warrior, simple soldier, potential rival, political camouflage, etc.</i>
5	Начало войны и ее итоги	<i>to emerge triumphant, resounding victory, final victory, major victory, all-conquering triumvirate, ultimate victory, to win, to lead to victory, to score a victory, big defeats, defeatism, to lay down weapons, economic woes, to lose, to result in defeat, to sustain a defeat, second successive defeat, etc.</i>
6	Ранение, выздоровление, смерть	<i>revival, to raise from the dead, to survive, survival, to stamp down the burial mound, to get survival ultimatum, to bring back from the dead, safe and sound, to dig smb / smth out of the grave, injured, wounded ideas, to die a hero's death, to be convalescent, not to survive, to bury, etc.</i>

Анализируя метафору войны в современном британском публицистическом дискурсе, следует огово-

риться, что в некоторых случаях представляется сложным провести разграничительную линию между единицами, употребляемыми в прямом значении, и стертыми метафорами войны. Данный факт ни в коей мере не умаляет значимость и доминантность концепта войны в моделировании будущего России, поскольку, как отмечают исследователи, сила метафоры достигает своего пика именно тогда, когда она теряет свою яркость и способность привлекать внимание реципиента, именно тогда она становится опасной и превращается в идеологическое оружие. То есть преобладание стертых, почти лишенных образности метафор войны свидетельствует о том, что они настолько укоренились в британском дискурсе о России и ее будущем, что превратились в «дискурсивную привычку»: *And cyberattacks? Estonians have good reason to worry. The country has been physically conquered five times in its history, and **the Russians over the border are a constant menace*** [CMI, managers.org.uk, 24.06.2019]. *Indeed, nation states such as Poland and the Baltic republics of Estonia, Latvia and Lithuania regard the EU and Nato as **defences against Russian influence*** [The Independent, 27.06.2019]. «A quarter of a century after the end of the cold war, **the “Russian threat” is unmistakably back. Vladimir Putin, Britain’s defence secretary Michael Fallon declares, is as great a danger to Europe as “Islamic State”**» [The Guardian, 04.03.2015].

Учеными доказано, что реципиенты значительно быстрее усваивают стертые, традиционные метафоры и, следовательно, лучше понимают их значение [Blank, 1988; Bowdle & Gentner, 2005; Glucksberg, 2008]. В бри-

танском публицистическом дискурсе о настоящем и будущем России повторы и варьирование метафор со значениями угрозы (threat, menace, danger, etc.) создают устойчивое представление о стране, которая представляет опасность для стран ближнего зарубежья, для безопасности Европы и мира в целом. В дискурсе Великобритании Россия часто оказывается в одном ряду с глобальными угрозами современного мира, с которыми человечество должно бороться сообща, иногда возглавляя этот список: *As the two-day summit in London drew to a close, the members vowed to stand together against **threats from Russia and terrorism and the challenge of a rising China*** [The Guardian, 04.12.2019].

Многочисленные исследования показывают, что милитарные метафоры, транслируя смыслы агрессивности, угрозы, опасности, естественным образом вызывают страх и тревогу, приводят к дальнейшей эскалации конфликта между сторонами и к усилению политической поляризации [Баранов, Караулов, 1993; Каслова, 2003; Солопова, Салтыкова, 2018; Чудинов, 2003], поскольку война не ограничивается единственным сражением и ставит цель нанести вред и ущерб противоборствующей стороне и, в конечном счете, уничтожить последнюю: ***Russia is simultaneously probing our defences and attacking our allies with repeated cyber forays. In this new cold war, they are just the tip of the iceberg. Simultaneously it is waging an information war, spreading disinformation that is designed to befuddle us so that we do nothing to confront Russian aggression*** [Politics Home, 30.09.2018]. Употребление в одном контексте многочисленных милитарных

метафор (*to probe defences, to attack allies, repeated cyber forays, new cold war, to wage an information war, to confront Russian aggression*) способствует автоматизированной когнитивной обработке и интерпретации информации, интенсифицирует враждебность России, акцентирует угрозу, которую последняя представляет для Великобритании и ее союзников, «провоцирует устойчивые реакции протеста, страха, неприятия России и ее политики» [Солопова, 2016: 283], укрепляет негативные стереотипы о России и, одновременно, оправдывает любые ответные меры другой стороны в будущем.

Таким образом, метафора войны, моделируя борьбу между противоборствующими силами, четко дифференцируя «своих / союзников» и «других / врагов», репрезентирует Россию как страну, которая противостоит мировому сообществу и представляет угрозу для его настоящего и будущего.

Метафорическая модель преступности

Противопоставление «своих» (Великобритании и стран Запада) и «чужих» (России) активно поддерживается криминальной метафорикой, близкой к метафоре войны по эмоциональному заряду и способности нагнетать надвигающуюся угрозу.

Криминальные образы находятся в фокусе внимания ученых, в том или ином ракурсе их анализируют в своих работах отечественные и зарубежные исследователи, причем, концептуальный домен «преступность» рассматривается как в качестве сферы-источника метафоризации, так и в качестве сферы-мишени метафорической экспансии [Красильникова, 2005; Солопова, 2006;

Чудинов, 2003; Aponte, 2008; Rohrer, 1995; Thibodeau, Boroditsky, 2011].

Исследователи отмечают, что, во-первых, в современном дискурсе криминальные метафоры занимают «привилегированное место» среди других концептуальных единиц, с помощью которых репрезентируются потребности общества и способы их удовлетворения, социальные проблемы и пути их решения. Во-вторых, криминальные образы особенно востребованы в агональных жанрах, при реализации стратегии дискредитации, и соответственно, при репрезентации политического оппонента. В-третьих, основными прагматическими смыслами, закрепленными за криминальной метафорикой, считаются выражение протеста, несогласия, недовольства, разочарования, гнева; эмоциональные состояния, вызываемые метафорами модели, – опасность, страх, тревожность.

При сопоставлении милитарных и криминальных образов можно отметить, что, с одной стороны, обе метафоры конвенциональны и близки по коннотативной нагрузке, акцентируя угрозу, которую явление или личность, служащие сферой-мишенью, представляют для общества. С другой стороны, важно подчеркнуть несколько существенных отличий: прототипическая война – это взаимодействие с внешним миром, преступность – социальное явление, происходящее внутри сообщества, преступники и их жертвы являются частью этого сообщества; война имеет начало и окончание, преступность – систематически совершаемые действия, нарушающие установленный порядок, т.е. для сферы-источника типичны такие черты как устойчивость и

обыденность; за военным противником признается право на существование, он следует определенным правилам ведения боевых действий и представляет собой ту же боевую единицу только по другую сторону фронта, преступник – считается угрозой, направленной против социума, которая лишена какой-либо легитимности.

В современном британском публицистическом дискурсе метафорическая модель «Будущее России – это Преступность» занимает второе по частотности место, в таблице 3 указаны фреймы модели, распределенные по степени востребованности в дискурсе и некоторые метафорические единицы, представляющие каждый из них (таблица 3).

Метафорические единицы источниковой сферы «преступность» моделируют настоящее и будущее современной России в негативном ключе: «*Russia is now **a criminal state** (title). Now, you have **a bunch** of law enforcement people who are essentially **organised criminals** with unlimited power to ruin lives, take property and do whatever they like and that's far worse than I have ever seen in Russia before. Russia is essentially **a criminal state** now*» [News.bbc.co.uk, 23.11.2010]. «*Under Putin the Russian state itself functions as **a criminal organization***» [London Evening Standard, 19.04.2012]. Россия представляется структурированным преступным сообществом, для которого характерен устойчивый, четко спланированный, заговорный характер деятельности (*a criminal state, a criminal organization, organised criminals*). Дважды используемое с криминальными метафорами наречие *essentially*, с одной стороны, подчеркивает основную характеристику россий-

ского государства (the basic or essential character or nature of a person or thing [Webster's]), с другой – указывает на высшую степень проявления этого признака (of the utmost importance [Webster's]).

Таблица 3

Криминальная метафора в современном британском публицистическом дискурсе о будущем России

Фрейм	Метафорические единицы
Преступные сообщества и специализация преступников	<i>criminal, ruthless criminal, criminal of today, killer, butcher, war criminal, outlaw, schemer, gangster, law-breaker, offender, perpetrator, charlatan, malefactor, criminal organization, criminal state, gang, band, bunch, etc.</i>
Деятельность преступников	<i>crime, to steal political clothes successfully, to prepare knives, ploy, to offend, to plot, to sharpen knives, to bring smb into disrepute, to coerce, to intrigue, conspiracy that threatens democracy, foul deeds, to cajole, to steal, to snooker con-trick, illegal policies and practices, etc.</i>
Полиция и охрана	<i>to criminate, foreman of a jury, to deliver one's verdict, chief culprit, Doomsday, to find guilty, to give smb. a life sentence, Last Judgement, acquittal, jury, to hold smb to account, defendant, accused, to defend, judge verdict, court, etc.</i>
Места лишения свободы и их обитатели	<i>lifer, prisoner, behind bars, to allow out, jail, prison, open prison, to serve one's sentence, the prison gates clanged shut, to have privileges, week into one's sentence, to perform chores, to bear up well, to slop out, etc.</i>
Жертвы преступников	<i>victim, prey, to fall into a victim, sacrificed, injured, destroyed, duped, oppressed, mistreated, tricked, etc.</i>

Криминальные метафоры репрезентируют власть и государственные структуры как преступную организацию, которая создана для совершения тяжких преступлений внутри страны и за ее пределами, наделена неограниченной властью, распространяет влияние на всю территорию государства и контролирует другие группы: *«Gangster's paradise: how organised crime took over Russia. The modern Russian state is a much stronger force than it was in the 1990s, and jealous of its political authority. The gangs that prosper in modern Russia tend to do so by working with rather than against the state. In other words: do well by the Kremlin, and the Kremlin will turn a blind eye. If not, you will be reminded that the state is the biggest gang in town»* [The Guardian, 23.03.2018]. *Russia is struggling to keep its cybercrime groups on a tight leash. Cryptocurrencies, globalisation erode Kremlin's coercive power* [The Register, 06.06.2017]. Иерархический порядок построения преступного сообщества, жесткая дисциплина позволяют верхушке «держат на коротком поводке» (*to keep on a tight leash*) иные функциональные группы, что предполагает запрет на выход из состава преступного сообщества. С другой стороны, четкое следование законам преступного мира содействует «лояльному отношению» со стороны криминальных авторитетов (*the Kremlin will turn a blind eye*).

Поскольку одну из главных ролей в определении будущего страны играет глава государства, неотъемлемым компонентом образа будущего в целом и его фрагмента, создаваемого криминальными метафорами, является образ политического лидера: *«Putin, a criminal and incompetent president, is an enemy of his own people (title). The Russian*

president has manipulated the levers of power to rule in perpetuity. That prospect is terrible for the west – and Russia. News that Vladimir Putin is making plans to cling to power indefinitely comes as no surprise. All the same, it is deeply worrying for **Putin's prey** – principally the Russian people and the western democracies» [The Guardian, 18.01.2020]. Vladimir Putin, **war criminal** (title). Russia's **criminal behavior** in Syria is just the latest in **a long string of crimes** perpetrated by Russian President Vladimir Putin. U.S. President-elect Donald Trump's incoming administration may be unwilling to admit it, but Putin is a **war criminal**. The U.S. government may need to negotiate with him, but it should remember that he is **a butcher**. The Russian leader has **a long record of inhumanity**. The **record** speaks for itself: Putin is a **killer** and **war criminal**, no different in the breadth and depth of his **criminality** than **the Serbian war criminal**, Slobodan Milošević. He must be treated as such by world leaders with even a minimal commitment to human rights and basic decency [Politico, 07.01.2017]. Показательно, что при моделировании образа президента России, криминальная метафора, как правило, является развернутой и используется в сильных позициях текста:

– в заголовке первой статьи (*Putin, a **criminal** and incompetent president <...>*), в заголовке второй статьи (*Vladimir Putin, **war criminal***);

– в лиде (лид – открывающий статью выделенный абзац, кратко раскрывающий суть заголовка и формулирующий основную проблему) второй статьи (*Russia's **criminal behavior** in Syria is just the latest in **a long string of crimes perpetrated** by Russian President Vladimir Putin.*), в лиде первой статьи акцентируются будущие по-

следствия проводимой «преступной» политики (*The Russian president has manipulated the levers of power to rule in perpetuity. That prospect is terrible for the west – and Russia*).

– в начале абзаца (<...> *but Putin is a war criminal*), в конце абзаца (*All the same, it is deeply worrying for Putin's prey* <...>).

Акцентированию прогностических смыслов, транслируемых криминальной метафорикой во втором контексте, способствует введение прецедентного имени С. Милошевича, президента Югославии, объявленного военным преступником и представшего перед Гаагским трибуналом по нескольким десяткам выдвинутых обвинений, среди них – в коррупции и геноциде. Вероятно, проводя аналогию, автор моделирует желательное для себя будущее российского президента (*He must be treated as such by world leaders with even a minimal commitment to human rights and basic decency*), послужной список бесчеловечных поступков которого долг и полон преступлений (*a long string of crimes, a long record of inhumanity, a killer, a war criminal, a butcher*). Криминальная метафорика репрезентирует национальную политику государства как преступную, влияющую на будущее самого государства, его народа, и международного сообщества, в особенности, «западных демократических государств» – все они, по мнению британских СМИ, являются «жертвами» президента России (*it is deeply worrying for Putin's prey – principally the Russian people and the western democracies*).

Метафоры преступности навязывают адресату мысль о том, что в современном российском обществе преступление является нормой, а институты власти пронизаны

криминальными отношениями, что позволяет авторам аналитических статей с уверенностью «проектировать» мрачное будущее России: «*What does the prospect of perpetual Putin mean for the future? At home, more croneyism, more repression, more national stagnation, more grand larceny by his magic circle of **crooks** and **charlatans***» [The Guardian, 10.03.2020].

Как и в случае с военной метафорикой в некоторых контекстах представляется сложным разграничить лексемы, употребленные в прямом значении, от собственно метафор со сферой-источником «преступность», что стирает грань между образом и реальностью, усиливает общую негативную тональность дискурса о России и ее будущем, закрепляет в сознании реципиента представление о «преступной» России, создает эмоциональные состояния тревоги, опасности, страха, влечет за собой качественное изменение поступающей информации и, следовательно, способствует искажению реальности и проектированию образов мрачного будущего России.

Метафорическая модель болезни

Интенсификатором проекции мрачного будущего России в дискурсе британских СМИ выступает также морбидная метафора.

Отечественными и зарубежными лингвистами активно изучаются различные аспекты функционирования метафоры болезни как в собственно медицинском дискурсе, так и в иных видах: политическом, публицистическом, экономическом, юридическом и других [Будаев, 2011; Миронова, 2003; Солопова, 2006; Чудинов, 2003; Healy, 2001; Ratner, 2007].

Во-первых, ученые объясняют широкое распространение источниковой сферы «болезнь» в различных видах коммуникации склонностью человека моделировать окружающий мир по своему образу и подобию, тесной связью морбиальной и физиологической метафор. Соответственно, «здоровыми» и «больными», «неестественными», «ненормальными» могут быть организмы, ситуации, организации, системы, государства, межличностные, социальные, экономические и политические отношения. Во-вторых, отмечается тенденция использования метафоры болезни для концептуализации тех событий, явлений и персоналий, которые представляют серьезные проблемы и трудности для общества. В-третьих, эмотивный настрой морбиальной метафорики, как правило, способствует моделированию ярко выраженных отрицательных образов, которые подчеркивают безвыходность ситуации в настоящем, и если речь идет о будущем – невозможность изменений к лучшему.

Метафорическая модель «Будущее России – это Болезнь» является одной из доминантных в дискурсе современных британских печатных средств массовой информации, занимая третье по частотности место, в таблице 4 указаны фреймы модели, распределенные по степени востребованности и некоторые метафорические единицы, представляющие каждый из них (таблица 4).

В рамках морбиальной метафорики самой частотной метафорической болезнью, атрибутируемой современной России, является «паранойя»: *Russia: **Paralysed by Paranoia?*** (title) [Express, 11.07.2010]. *Russia poses an all-encompassing security threat which is fuelled by paranoia about the West and a desire to be seen as a re-*

surgent great power [The Daily Mail, 21.07.2020]. Элементы и смыслы, типичные для сферы-источника «паранойя» структурируют сферу-мишень: «психическое расстройство» России проявляется в том, что она отказывается трезво оценивать происходящее и воспринимать факты, доказывающие абсурдность ее убеждений и устремлений, у нее нарушена логика мышления, критическое мышление по отношению к себе полностью отсутствует, и, как следствие, ее одолевают систематизированные и логически выстроенные, но бредовые и навязчивые идеи, некоторые из которых она пытается воплотить в жизнь.

Таблица 4

Морбиальная метафора в современном британском публицистическом дискурсе о будущем России

Фрейм	Метафорические единицы
Состояние больного	<i>dying, death, hopeless condition, to be ailing, unhealthy condition, crippled, to bleed, future bleeding, to be bruised, to feel unwell, to be paralysed, revival, to suffer, to be in worse condition than before, to bear sufferings, (not) to recover, (not) to improve, etc.</i>
Диагноз	<i>disease, generational disease, injured pride, wounded ego, emotionally unstable, paranoid, paranpia, apathy, nervous disorder, suicidal instinct, crazy politics, masochism, to feel unwell, myopia, trauma, muscles atrophy, neuroticism, paralysis, etc.</i>
Способы лечения и лекарства	<i>to imply a particular treatment, to heal, to fight disease, to cure, remedial action, recipe, remedy, therapy, medicine, useless cure, to operate, to control, acid test, remedy, bitter pill to swallow, poison, drug, etc.</i>
Симптомы болезни	<i>symptom, virus, flabbiness, hiccup, listlessness, apathy, prostration, quiver, drowse, wound, fester, etc.</i>

В британских СМИ отчетливо прослеживается мысль о том, что развитие этой «патологии» в международной

политике обусловлено «генетической предрасположенностью»: стереотипами мышления времен холодной войны, которые, с одной стороны, являются механизмом подсознательной психологической защиты Запада от России и России от Запада, с другой – оказывают непосредственное влияние как на настоящее, так и на будущее двусторонних и многосторонних отношений: ***Cold War paranoia: the Red Scare and fear of the Bomb*** [The Telegraph, 26.11.2016]. «*In examining the future we must look to the past. <...> By looking at the media today, those of us who are old enough will be reminded of the era of Cold War news articles, hysteria of how the Russians would invade and how we should duck and cover under tables in our kitchens for the ensuing nuclear war*» [The Irish News, 04.10.2018].

Одним из проявлений паранойи, как считают журналисты, является «мания преследования» – подозрительность и мнительность России по отношению к странам Запада (*paranoia about the West*): ***Paranoia is the religion of Putin's Russia. However flimsy the annual list, the phenomenon it represents is real. Russian foreign and domestic policy is driven by conspiracy theories, whose common feature is to depict all criticism and setbacks as the result of outside ill will. We should not pander to the Kremlin's desire to paint itself as the victim of foreign ill will*** [The Times, 22.10.2018]. По мнению СМИ Великобритании, паранойя – это истинная религия современной России, которая представляет собой полновесный фактор, влияющий на ее внутреннюю и внешнюю политику. Россия склонна рассматривать исключительно внешние факторы (других субъектов международной деятельности, в частности, США и страны Евро-

пы) в качестве источника собственных проблем, тем самым снимая вину с себя (*to depict all criticism and setbacks as the result of outside ill will*). К факторам, создающим благодатную почву для зарождения и развития данного «расстройства психики» государства, британские СМИ также относят комплекс жертвы (*the victim of foreign ill will*) и перманентную оборонительную позицию. Россия готова к самообороне при малейшей угрозе собственной безопасности и, несмотря на «паранойю», часто достигает поставленных целей: ***Kremlin paranoia triggers surge in espionage charges*** [The Times, 11.07.2020]. ***«The more curious aspect of Russian paranoia is that it ends up achieving precisely what Putin wants*** [The Spectator, 16.11.2019].

Еще одним проявлением заболевания, представляющим опасность и для России, и для других государств на геополитической арене, считается «мания величия», связанная с советским и имперским прошлым государства (последствиями распада Советского Союза и идеей возрождения Российской империи): ***After all, while Russia is clearly the villain – paranoid, determined to be seen as a resurgent “great power” and hostile to the ‘Rules Based on International Order’ – there’s a sense of a grudging recognition that it is at least good at what it sets out to do*** [The Spectator, 21.07.2020]. Нежелание России избавляться от неоимперского мышления, попытки создать новую версию старого государства, сохранение модели поведения, свойственной стране на протяжении нескольких веков, свидетельствуют, на взгляд авторов аналитических статей, о том, что Россия находится в состоянии неизлечимой болезни – тяжелого параноидального синдрома, что может привести к необра-

тимым последствиям для государства. Если в настоящем ей свойственны мстительность, враждебность, агрессивность как симптомы проявления моделируемого заболевания, то в будущем прогнозируются невозможность дальнейшего развития и неизбежная гибель: ***Putin's patriotism and paranoia will be Russia's undoing*** [The Conversation, 28.11.2014]. «***The old dying empires will fight tooth and nail to protect their financial interests***» [The Irish News 04.10. 2018].

Для снижения остроты проявлений психического расстройства и для устранения таких нарушений, как мания преследования и мания величия, предлагаются различные меры: ***We should not pander to the Kremlin's desire to paint itself as the victim of foreign ill will*** [The Times, 22.10.2018]. ***Even without jeopardising its sales of cars, planes, consumer electronics or heavy machinery, Europe could inflict far more serious economic pain on Russia – if the political unity were there to do so. But it's not. That's why European discord and Trumpian irresponsibility are so crucial to Putin's political survival*** [The Spectator, 09.06.2018]. «***More worrying than what happens if Putin succeeds is the prospect of what will happen if he fails. Ultimately, the challenge is to craft a response that positively channels Russia's power and patriotism without reinforcing Putin's paranoia***» [The Conversation, 28.11.2014]. It needs ***to defuse Russian paranoia by offering new security guarantees, including an end to the expansion of Nato eastwards*** [The Scotsman, 16.12.2014]. Предлагаемые методы лечения и пути воздействия на «больного» разнообразны и порой противоречат друг другу: во-первых, не потакать России и не потворствовать ее амбициозным желаниям (*not to pander*), уси-

лить болевую терапию (*to inflict more pain*) с помощью введения дополнительных экономических санкций в дополнение к тем, что уже подвергли риску и поставили под угрозу экономику России (*to jeopardise*); во-вторых, постараться выработать такую линию поведения, которая сможет купировать опасные симптомы паранойи (*to defuse Russian paranoia, to craft a response <...> without reinforcing Putin's paranoia*), в частности, предоставив новые гарантии безопасности, включая прекращение расширения НАТО на восток.

Метафорические контексты о будущем России, построенные с использованием единиц морбиальной модели, создают образы патологической системы государственного организма с нарушениями на всех уровнях управления и функционирования, которая при отсутствии должного «лечения» (со стороны квалифицированного (обязательно западного) медицинского персонала) обречена на гибель. Основной концептуальный вектор метафоры, направленный на субъект метафоризации (Россию) – безысходность; направленный вовне, на адресата – беспокойство и тревога. В прогностических экскурсах метафора болезни часто опаснее самого заболевания. Как известно, состояние тревоги может весьма предсказуемым образом формировать и корректировать не только поведение, но и мировоззрение, систему ценностей индивида, часто без ведома последнего.

Метафорическая модель монархии

Активизация монархической метафоры в современном британском публицистическом дискурсе, как и в одном из случаев морбиальной метафорики, обусловлена проведением исторических параллелей и проекцией в кон-

цептуальную область будущего образов прошлого России (имперского и советского).

Специфика функционирования метафор со сферой-источником «монархия» преимущественно исследуется лингвистами на материале политического и публицистического дискурсов [Будаев, 2006; Зарипов, 2014; Королева, 2016; Лямина 2020; Солопова, 2016; Строкан, 2019; Чудинов, 2003; Шаова 2006; Cavanagh, 2019].

Во-первых, дискурсологи отмечают, что монархическая метафора является архетипической в современных зарубежных дискурсах для осмысления российской действительности в целом и для концептуализации института президентства в частности. Во-вторых, к экстрадискурсивным факторам, влияющим на активное использование метафор при моделировании образа России, относят более чем тысячелетний опыт монархического правления в России, периоды «культа личности», «постимперский синдром», централизацию власти, которые вписаны в традиционную модель восприятия России и ее будущего в качестве ключевых характеристик. Именно поэтому монархическая метафора часто актуализируется и акцентируется с помощью прецедентных имен – праителей Российского государства различных времен и эпох. В-третьих, подчеркивается преимущественно негативный прагматический потенциал монархической метафорики, связанный прежде всего с идеей неограниченной власти монарха, а значит – с деспотизмом, жесткой и бескомпромиссной внутренней и внешней политикой, отсутствием прав и свобод, бесправием народа.

В современном британском медиадискурсе о будущем России метафорическая модель со сферой-источником «монархия» является одной из пяти доминантных метафор, занимая четвертое по частотности место, в таблице 5 указаны фреймы модели, ранжированные по степени востребованности и некоторые метафорические единицы, представляющие каждый из них (таблица 5).

Поскольку сфера-источник «монархия» означает единодержавие (от греческого *μοναρχία* – «единовластие»)) и предполагает наличие единоличного правителя и его ключевую роль в политической жизни страны, закономерно, что единицы модели наиболее востребованы при репрезентации метафорического образа президента России: *But does that mean that **Putin's fourth term in power** – or his **fourth tsardom**, as Russian liberals call it – will be a time of triumph rather than one of troubles? There are serious reasons to doubt it* [The Spectator, 09.06.2018]. «***The Old Czar. President Vladimir Putin alone rules Russia. What he says goes***» [Prospect, 23.04.2013]. «*Russia is not stable. It is rigid. Unless **its tsar** moves to reform **his realm**, it will become more dangerous – both for its neighbours and for Mr Putin himself*» [The Economist, 10.12.2011]. *He is **the new Tsar-liberator**, at least in the eyes of the Russians in Crimea. Elsewhere in the world, he risks growing isolation, as the leader of the rogue state that cannot be trusted to deal with a shred of honesty with any of its neighbours* [The Independent, 16.03. 2014]. «*What does **the prospect of perpetual Putin** mean for Russia's future? President's plan to remain in power beyond 2024 does not bode well either for Russia or the world*» [The Guardian, 10.03.2020].

Таблица 5

Морбиальная метафора в современном британском
публицистическом дискурсе о будущем России

№	Фрейм	Метафорические единицы
1	Носитель верховой власти	<i>Russian tsar, Putin the tsar, tsar in the Kremlin, gas czar, new tsar, old tsar, incarnation of the tsars, naked would-be emperor, Vladimir the Lucky, Putin the Great, ice tsar, a falling tsar, tsar of homophobia, the crowned ruler, no Peter the Great, etc.</i>
2	Империя, монархическая форма правления	<i>Putin's empire, Russian empire, return of the Soviet empire, realm, energy empire, new Russian empire, to reconstruct the fallen Russian empire, to create an empire, to rebuild Russian influence, to constitute the Soviet Union, to rule, to reign, to reclaim, land grab, etc.</i>
3	Подданные монарха	<i>court, courtier, subject, loyalist, dignatory, servant, lickspittle, etc.</i>

По мнению британских СМИ, современной России свойственны черты монархической формы правления: концентрация в руках нового русского царя всей полноты власти (*President Vladimir Putin alone rules Russia*), пожизненность правления, поскольку в законах абсолютной монархии не оговаривается оснований для отстранения правителя от власти (*the prospect of perpetual Putin, fourth tsardom*), отсутствие ответственности монарха за то, как он управляет страной (*the leader of the rogue state that cannot be trusted to deal with <...>; it will become more dangerous <...>; President's plan <...> does not bode well either for Russia or the world*). Метафорические единицы источниковой сферы «монархия» репрезентируют современную Россию как авторитарную систему правления, поскольку рассматриваемые признаки являются отличительными черта-

ми абсолютной монархии. По мнению авторов аналитических статей, «надзаконный» характер правительственной власти оказывает влияние как на государственные программы и административные решения внутри страны, так и на способы отстаивания государством своих интересов в мировой политике и соответственным образом определяет будущее России – опасное для нее самой, ее ближайших соседей и мирового сообщества в целом.

Монархическая метафора, моделирующая будущее России, детерминирована настоящим государства и его историей: *The Byzantine history of Putin's Russian empire* (title). *Russia is reclaiming the legacy of Byzantium. Of Rome. Of antiquity. Of Orthodox Christianity. This is not a threat. But this is why Byzantium matters* [The Conversation, 15.03.2018]. *Past and Future. Take care of Russia* (title) [The Economist, 20.10.2016]. *In the broken-down heart of Siberia, Putin is still Russia's 'good tsar'. Putin's Russia is a strange kind of authoritarianism, a soft and selective dictatorship that controls more by fear of what might happen to you than by outright bans* [The Guardian, 23.03.2017]. Основы власти в России остаются незыблемыми как во внутренней, так и во внешней политике: журналисты констатируют несоответствие между демократической формой правления и фактическим содержанием проводимой политики, подчеркивая факт того, что страна следует исторически сложившейся в российском обществе политико-правовой традиции, ориентированной на ведущую роль государства в общественных процессах, персонифицированность власти, доминирование нелиберальных и недемократических ценностей и установок.

Еще одной причиной активизации монархических метафор в дискурсе британских СМИ о будущем России является проявление «великодержавного империалистического синдрома»: *«Putin prepares the Russian empire to strike back. **Putin is busy reviving the idea of a remodeled union embracing the former Soviet republics of central Asia**, an arrangement that prospectively boosts Russian political and military influence»* [The Guardian, 01.12.2011]. And, that Britain could only be protected from these scary “**empires**”, if it banded together with the European Union: “The world of tomorrow is not a world order based on nation states or countries. It is a world order that is based on empires. China, is not a nation, it’s a civilization. India... is not a nation... The US is also an empire, more than a nation... And then finally **the Russian federation**” [The Spectator, 27.09.2019]. «**Revisionist powers** such as **Russia**, China and Iran appear ready to confront the global economic and political order that the US and the west built after the collapse of the Soviet Union. But now **one of these revisionist powers – Russia – is pushing ahead aggressively to recreate a near-empire and a sphere of influence**» [The Guardian, 05.08.2014]. В этом случае монархические метафоры часто пересекаются со сферой-источником «строительство», поскольку наибольшая востребованность характерна для единиц со значениями создания, конструкции, перестроения: *a remodeled union, to recreate a near-empire, the construct, to reconstruct the fallen Russian empire, to build a new Russian empire, to build an ‘energy empire’, to rebuild Russian influence, to reclaim, to create a new global power bloc, to create some kind of empire, to build a rival EU, to constitute the Soviet Union, to claw*

back, etc.). Иллюстративные контексты и метафорические словоупотребления акцентируют мысль о том, что современная Россия находится в состоянии тяжелого постимперского синдрома. В ее настоящей политике открыто проявляются постулаты неоимпериализма: властная элита привержена имперским идеям, которые отвечают ее интересам, так как подобная политика служит дальнейшей централизации власти и укреплению формирующегося авторитарного строя. Следовательно, основной задачей на будущее является реставрация империи в той или иной форме.

По мнению британских СМИ, в современном мире неоимпериалистическая политика России – это прямой путь к конфронтации с Западом, она представляет угрозу для внутреннего развития государства и для реализации его внешнеполитического курса, а значит, обречена на провал: ***The prospect of Putin prolonging his nihilistic reign is a terrible one. Putin is the face of the enemy. Henceforth he must be recognized as such. Vladimir Putin is a man of many faces: macho patriot, rightwing populist, cynical manipulator, and ruthless global warlord. All are inimical to the best interests of the Russian people. All are fundamentally hostile to the western principles of freedom and democracy*** [The Guardian, 18.01.2020].

В целом, монархические метафоры в британском дискурсе о вероятном будущем России связаны с политикой, проводимой в настоящем, и с ностальгией России по потерянным империям: Советскому Союзу как империи, Российской империи как его предшественницы. Единицы модели нагружены негативным прагматическим потенциа-

лом и транслируют смыслы опасности и угрозы, которые работают на создание образа мрачного будущего.

Метафорическая модель пути

Значительный интерес в рамках политической метафорологии и теории дискурса представляют метафоры пути [Будаев, 2006; Солопова, 2016, 2020; Солопова, Чудинов, 2018; Чудинов, 2003; David, Furkó, 2015; Lakoff, Johnson, 2003; Passen, 1994; Pavlović, 2019].

Ученые отмечают, что универсальность рассматриваемой модели связана с ее интуитивной ясностью для носителей различных языков и культур. Востребованность метафоры в политическом дискурсе определяется возможностью интерпретировать абстрактную область «политика», используя эмпирическую информацию, предлагаемую исходной областью, коренящуюся в физическом, телесном опыте каждого человека. Активность метафоры в моделировании будущего детерминирована неразрывной связью временной триады прошлое – настоящее – будущее, представленной как траектория движения и развития, где будущее – это конечный результат, ключевой компонент, рассматриваемый как достижение пункта назначения в рамках развития метафоры пути.

В современных британских СМИ метафорическая модель пути является одной из доминантных метафор описания будущего России (пятое место по частотности, в таблице 6 указаны наиболее частотные фреймы модели, ранжированные по степени востребованности и метафорические единицы, представляющие каждый из них).

Наибольшую активность в современном британском публицистическом дискурсе о будущем России проявляют

метафоры, репрезентирующие наличие помех, препятствий, барьеров на пути международного сотрудничества России со странами Запада: *U.S.-Russia relations are at a dangerous dead end that threatens the U.S. national interest. We are drifting toward a fraught nuclear arms race* [Politico, 05.08.2020]. *Russia: EU sanctions a 'dead end'* [BBC.co.uk, 30.07.2014]. «*UK and Russia consider May-Putin meeting to thaw relations. More than a year after Skripal poisoning, obstacles remain to key diplomatic step*» [The Guardian, 16.06.2019].

Таблица 6

Метафора пути в современном британском публицистическом дискурсе о будущем России

Фрейм	Метафорические единицы
Препятствия	<i>chief difficulties, insurmountable barriers, unforeseen obstacle, obstructive purpose, to meet obstacles, to block the development, irresistible force, barrier, bar, chief restriction, to be surrounded and obstructed by obstacles and trials, main obstacles, significant hindrance, etc.</i>
Путь, движение по пути	<i>road, path, Russia's path, route, destination, step, step forward, step back, to work by steps, single step, last step, decisive steps, advances, to make advances, long stride, stride forward, track, passage, to go back, future encroachments, movement, etc.</i>
Участники движения	<i>Crew driver, crew, guide, passenger, etc.</i>

Отсутствие конструктивного диалога по ряду проблем, решение которых не может быть принято без участия России, санкции, введенные против России, а также ответные меры последней в отношении западных стран не способствуют спаду напряженности, напротив, содействуют дальнейшей политике сдерживания и отчужде-

ния, что актуализирует метафору «тупика», моделирующую безвыходность положения, отсутствие возможностей для развития и качественного улучшения двусторонних и многосторонних отношений (lacking opportunities, especially for advancement; lacking an exit [Webster's], no way out; something that does not lead to further developments or progress [Collins]).

Существование современной России во внешнеполитическом тупике, безысходность в решении внутриполитических проблем, нежелание изменить свой особый путь (и переизбрать президента), по мнению британских СМИ, ведут Россию «по дороге в никуда», к отсутствию будущего как такового: *Europe – Putin's pause. The country is on a road to nowhere* [The Economist, 18.11.2013]. *Vladimir Putin to CRUMBLE? Russian leader's fourth term BLASTED as a 'road to NOWHERE'. Serving another six years is a road to nowhere* [The Express, 07.05.2018].

При моделировании будущего России глаголы движения часто сопровождаются ориентационными метафорами, эксплицирующими идеи перемещения вниз, замедление темпов развития, деградационных процессов: «*The answer to the old question, Kuda idyot Rossiia ("whither Russia?"), is down – and further down*» [The Economist, 11.05.2013]. Непредсказуемость государственной политики России считается одной из причин того, что ей «никогда не удастся найти дорогу к экономическому лидерству в Европе», а значит, стать частью еврозоны: «*Russia, although a candidate to become Europe's leading economy judging by the growth of its PPP, is still a country that can take an unpredictable turn and is*

likely to never find a path to European economic leadership» [The Guardian, 18.01.2013].

Использование метафоры пути, как, в принципе, любой другой метафорической модели, допускает развитие альтернативных метафорических сценариев будущего: как мрачных, так и относительно светлых: «*Russia is **advancing** a more active integrationist agenda, distinct from the old desire to build relations with the European Union and the US. Russia **would emerge** as a European power in Asia, not a Eurasian power in Europe*» [New Statesman, 05.03.2012]. Идея формирования Евразийского союза, качественно нового интеграционного межгосударственного объединения, расценивается британскими журналистами, с одной стороны, как возможность для России вновь стать великой еропейской державой, но на территории Азии, а не в Евросоюзе; с другой – рассматривается как нежелание России выстраивать отношение с западными странами.

В целом, потенциал, заложенный в метафоре пути как движения из прошлого через настоящее в будущее, и ее ресурсы в моделировании светлого будущего (достижения пункта назначения и реализации цели) и мрачного будущего (остановки в развитии, его замедлении, «увязании» в настоящем и возврата к прошлому) обуславливают ее востребованность в прогностических экскурсах. Однако, следует отметить, что в проанализированном современном срезе единицы модели преимущественно продуцируют образы мрачного будущего России, транслируя смыслы безвыходности ситуации, в которой ока-

залась страна, отсутствие перспективы в случае следования по прежнему пути развития.

Подводя итоги, следует заключить, что

– будущее России является частотной сферой-мишенью метафоризации в дискурсе британских средств массовой информации, о чем свидетельствуют данные количественных подсчетов; альтернативы развития России в будущем моделируются с использованием разнообразных сфер-источников: система метафор современного британского дискурса представлена восемнадцатью метафорическими моделями;

– к доминантным метафорическим моделям отнесены милитарные и криминальные образы, метафоры болезни, монархии и пути, высокая активность которых, на наш взгляд, детерминирована тем, что они основываются на базовых и широко распространенных схематических знаниях, многие из которых являются частью повседневного опыта человека, что усиливает способность метафор эффективно структурировать рассуждения о проблеме любого уровня абстракции (учитывая, что будущее является абстрактной категорией);

– доминантные метафорические модели, задействованные в репрезентации будущего России, являются структурированными образованиями, для которых характерны частотное использование, развернутость образов, использование как стертых, так неконвенциональных метафор;

– высокая доля стертых метафор в дискурсе о будущем России, на наш взгляд, свидетельствует о том, что многие из них превратились в «дискурсивную привычку».

ку» при концептуализации образа России в целом; подчеркнем, что угасание образности приводит к нарастанию «идеологической силы» метафоры;

- будущее России в рамках каждой доминантной метафорической модели персонифицировано, связано с именем Президента РФ: поскольку будущее страны – это определение приоритетов развития с учетом современных реалий и актуальных вызовов, оно зависит от государственной политики, проводимой в настоящем, вполне закономерно, что в фокусе внимания британских СМИ находится лидер государства;

- доминантные метафорические модели профилируют общие смыслы угрозы, опасности России для окружающего мира, тупиковости настоящего, аномальности и невозможности ее дальнейшего развития, позиционируя России как «чужого», «общего врага», наличие которого обеспечивает или должно обеспечить единство Запада и способствовать его интеграционным процессам;

- яркая отрицательная эмоциональная валентность метафорических единиц в дискурсе о России и ее будущем создает у адресата состояния внутреннего напряжения, беспокойства и тревоги, главной особенностью последней является ее обращенность в будущее. Тревога связана с пессимистическими опасениями и ожиданиями неблагоприятного развития событий, в том числе для собственного государства и, соответственно, для каждого британца. Однако, беспредметный характер, обычно свойственный эмоциональному состоянию тревоги, в дискурсе британских СМИ предмечен, материализован в конкретном образе: угрозу представляет вполне опре-

деленный геополитический субъект – Россия, что порождает защитную реакцию адресата – состояние страха. Состояния тревоги и страха содействуют воспроизводимости закрепленных в сознании отрицательно нагруженных образов, снижению концентрации внимания, нарушению обработки потоков новой информации и способности противостоять дезинформации, что, соответственно, расширяет возможности манипулировать аудиторией, мотивировать адресата к нужным действиям и оценкам в восприятии России, формировать и корректировать его поведение, мировоззрение и систему ценностей.

2.2. Метафорический образ будущего России в зеркале онтологических метафор СМИ США

Текущие политические события, находящие отражение в современных СМИ, свидетельствуют о новом витке ухудшения отношений между Россией и странами Запада. Как показывает опыт последних десятилетий, мощные вооруженные силы или социальное благополучие общества не гарантируют ни внутренней стабильности в государстве, ни его защищенности от агрессии со стороны других государств, если негативные тенденции проявляются в моделировании настоящего и будущего родной страны. Советская армия, одна из сильнейших армий мира, обладающая ядерным потенциалом, не смогла предотвратить одну из крупнейших, по словам Президента России В. В. Путина, геополитических катастроф XX века. Высокий уровень благосостояния граждан Ливии также не послужил препятствием для осу-

щества «цветной революции» в этом государстве, что привело к экономическому коллапсу, гражданской войне и политическому распаду страны.

Изменение модели будущего страны в общественном сознании, формирование представлений о «темном настоящем» и «светлом грядущем» создают основу для изменения картины мира и формированию основы для деструктивных действий. Дополнительные возможности для реализации этих процессов сопряжены с бурным развитием информационных технологий в XXI в., которые все активнее внедряются в процессы внутриполитического и внешнеполитического противостояния, нередко перерастающие в государственные перевороты, «цветные революции», гражданские войны.

Важнейшую роль в формировании модели будущего играют мировые СМИ, создающие определённую картину политической действительности как для внутреннего, так и для внешнего адресата. Представители когнитивной лингвистики как в России [Баранов 2014; Иссерс 2012; Керимов 2015; Скребцова 2018; Solopova, Chudinov 2019], так и за рубежом [Charteris-Black 2017; Goatly 2007; Schwarz-Friesel, Kromminga 2014; Musolff 2016; Ritchie 2013] сходятся во мнении, что важнейшую роль в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в сознании адресата играют концептуальные метафоры.

Значение метафорологического направления в современных когнитивных изысканиях отражает и тот бум практических исследований метафор в СМИ, который наблюдается в российской науке в последние годы [Ба-

гичева 2016; Баранов, Северская 2017; Барышникова, Дубинина 2019; Богданович, и др. 2019; Бородулина, Макеева 2016; Дулесов 2019; Зайцева 2017; Зарипов 2016; Зимина, Ополовникова 2018; Зиновьев, Нахимова 2019; Кондратьева 2017; Курейко 2017; Михайлова 2017; Коцюбинская 2016; Матова 2018; Миронова 2016; Новикова, Кунина 2018; Пологова 2020; Рубцова, Девдариани 2019; Сегал 2017; Селиванова 2019; Солопова 2019; Чудинов и др. 2020; Якунин 2019; Solopova, Chudinov 2019; и др.]. Не меньший интерес это направление изысканий получило среди современных зарубежных ученых [Abdel-Raheem 2014; Alexander et al. 2019; Burgers et al. 2019; Charteris-Black 2017; Díaz-Peralta 2018; Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018; Frentiu 2016; Landtsheer 2015; Lee 2015; Musolff 2016; Mujagić 2018; Pinelli 2016; Romano 2018; Rykova 2017; Potts, Semino 2019; Silaški, Đurović 2019].

Этот интерес связан с пониманием того, что прагматический потенциал когнитивной метафоры заключается в способности образовывать смысловые связи между концептами сферы-мишени, сферы-источника и базисными когнитивными структурами (свои/чужие, хорошие/плохие). Таким образом, метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием.

Успешный опыт коммуникативного сопровождения массовых беспорядков по всему миру, а также пристальное внимание к когнитивным метафорам со стороны западных спецслужб [Будаев 2015], свидетельствует о том,

что понимание механизмов метафорической концептуализации модели будущего России в СМИ, является столь же неотъемлемым фактором государственной безопасности, как экономическое или военное развитие.

На этом фоне представляется актуальной задачей выявление особенностей метафорического образа будущего России в СМИ США на основе эвристик современной метафорологии.

Современная метафорология основывается на теории концептуальной метафоры, предложенной Дж Лаккоффом и М. Джонсоном в монографии «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980]. Согласно этой теории, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS

MACHINE), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Так как основным источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – образов-схем. Другими словами, онтологические метафоры формируются в понятийной системе человека раньше, чем структурные, потому что первые складываются из сенсорного опыта, в то время как вторые во многом являются продуктом культуры, в которой человек развивается.

Когнитивный механизм действия онтологических метафор основывается на простом законе человеческого познания: неизвестное познается через известное. В процессе онтогенеза человек взаимодействует с окружающим миром и конструирует ментальные репрезентации, среди которых важное значение принадлежит онтологическим концептам. Мир категоризируется как набор объектов, имеющих границу и внутреннее пространство. Регулярная категоризация пространства с помощью очерчивания границ формирует основные онтологические концепты – CONTAINER (вместилище), OBJECT (объект), MOVEMENT (движение), BALANCE (равновесие). В дальнейшем при осмыслении абстрактных концептов используются концепты, известные из физического опыта, что и приводит к воспроизведению онтологических метафор в языке.

Как показывают специальные обзоры современных исследований политической метафоры в зарубежной [Будаев, Чудинов 2020а] и российской [Будаев, Чудинов 2020б] лингвистике (2010–2020 гг.), подавляющее число публикаций посвящено анализу структурных метафор, в том числе и применительно к анализу метафорических моделей будущего [Солопова 2015]. Этот интерес к структурным метафорам оставляет на втором плане роль онтологических метафор, которые относятся к самому раннему этапу категоризации окружающего мира в онтогенезе, а потому заслуживают особого внимания при анализе метафорической концептуализации действительности. Не обладая яркой образностью, онтологические метафоры воздействуют на адресата имплицитно, активизируя концепты базового уровня, обработка которых складывается на ранних этапах формирования когнитивных структур [Dodge, Lakoff 2005; Feldman 2005; Grady 2005; Kövecses 2015; Lakoff 2008]. В онтогенезе повторяющиеся процессы автоматизируются и переходят под контроль подсознательного уровня. Таким образом, адресату сложнее сознательно противостоять манипулятивному потенциалу онтологических метафор, которые активизируют концепты, задействованные в процессах автоматической когнитивной обработки.

В качестве источника материала для настоящего исследования послужил корпус из текстов СМИ США (The New York Times, The Washington Post, Time) за период 2010–2020 гг. В корпус отбирались тексты, в которых речь шла о будущем России. Из сформированного массива материала были отобраны метафоры со сферой-

мишенью «Будущее России» (800 единиц), которые классифицировались по сферам-источникам метафорической экспансии. Таким образом, в исследовании применялась методика анализа метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии (Сфера-мишень FUTURE OF RUSSIA). В дальнейшем из общего массива метафор, посвященных концептуализации будущего России, были отобраны онтологические метафоры (27% от общего массива), на основе которых инвентаризировались ведущие разновидности метафорических проекций между концептуальными областями.

Как показал анализ, при описании будущего России в СМИ США актуализируются пять основных онтологических метафор:

FUTURE IS STATIONARY DESTINATION;
FUTURE IS OBJECT MOVING TOWARDS US;
FUTURE IS OBJECT;
STATES AND RELATIONS ARE OBJECTS;
STATES ARE ACTIVE ENTITIES.

Две из представленных концептуальных метафор отражают перспективы концептуализации будущего как движения: FUTURE IS STATIONARY DESTINATION (будущее – статичный пункт назначения) FUTURE IS OBJECT MOVING TOWARDS US (будущее – объект, движущийся к нам). Остальные онтологические метафоры позволяют описывать будущее через обладание, манипуляции и пространственные отношения между объектами: FUTURE IS OBJECT (будущее – объект), STATES AND RELATIONS ARE OBJECTS (государства и их отношения – объекты), STATES

ARE ACTIVE ENTITIES (государства – активные сущности).

Онтологические метафоры, концептуализирующие будущее как движение (FUTURE IS STATIONARY DESTINATION, FUTURE IS OBJECT MOVING TOWARDS US), используют базовые знания о возможности изменения местоположения объектов относительно друг друга. В отличие от структурных метафор пути, которые в свою очередь включают в себя более сложные когнитивные структуры (например, фрейм транспортного средства – самолет, корабль, ракета, карета и т.п.), онтологические метафоры опираются на первичный физический опыт человека, еще не обремененный знакомством с широким набором объектов материальной культуры. На более поздних стадиях онтогенеза онтологические метафоры служат основой для формирования структурных метафор, что не препятствует их самостоятельной вербализации в том числе в СМИ.

Как показали еще Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980], в английском языке концепт будущего тесно связан с концептом прогресса, что приводит к формированию убеждения в том, что будущее будет лучше, чем настоящее (FUTURE IS BETTER). Также исследователи показали, что в английском языке возможно проявление двух вариантов концептуализации будущего:

– Time is a moving object and moves toward us (время – движущийся объект, который движется по направлению к нам);

– Time is stationary and we move through it in the direction of the future (Время статично и мы движемся через него по направлению к будущему).

Рассмотрим, как эти онтологические метафоры функционируют в СМИ США при описании будущего России.

FUTURE IS STATIONARY DESTINATION

Первая перспектива осмысления времени – будущее статично, а наблюдатели движутся по направлению к нему. В СМИ США данная метафора используется для оценки политики России в понятиях приближения к будущему, оцениваемого положительно, и нежелания двигаться к будущему, что осмысляется в пейоративном ключе. Если учитывать, что в сознании американцев укоренена метафора FUTURE IS BETTER (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), то в будущее по умолчанию помещаются положительно оцениваемые сущности, и соответственно быстрое продвижение к будущему, сулящему блага, является положительным феноменом.

Таким образом, внешнеполитические и внутриполитические российские инициативы регулярно осмысляются как препятствия на пути к такому будущему. В качестве будущих благ, к которым Россия не продвигается из-за ошибочной политики, но которых «жаждет» (to crave) население, выступают экономиче-

ский подъем, диверсификация экономики, глобализация. Ср.:

As long as that war continues with no victory near for anyone, neither Iran nor Russia gets closer to the economic lift and global inclusion that both of their populations crave (The New York Times. 16.09.2016).

Distant as those goals seem now, they might become more attainable if Russia's president, Vladimir V. Putin, could be persuaded that a never-ending war and growing tension with the West will keep Russia from what it really needs to do: rebuild a multidimensional economy (The New York Times. 16.09.2016).

Помимо метафоры отсутствия движения к благостному будущему, в СМИ США актуализируется метафора движения России не в том направлении. Развертывание логики данной метафоры позволяет представлять цель политики США по отношению к России как направление последней на правильный путь, ведущий к «светлому будущему», даже если для этого приходится использовать различные способы политического давления. Ср.:

Some observers think that the United States and the European Union could press Russia to change its ways. President Obama, however, has set his hopes on securing Moscow's assistance in dealing with his twin foreign policy challenges, Iran and Afghanistan. But there is no evidence that Moscow is ready, able or willing to deliver on either issue (The New York Times. 10.12.2010).

Согласно метафорической картине мира СМИ США, движение России в «неправильном» направлении не подразумевает альтернативы будущему, ассоциируемому с западными ценностями. Финальная точка этого «неправильного» движения концептуализируется как тупик, прекращение возможности какого-либо движения в принципе. Ср.:

The expert group suggests maintaining nuclear deterrence at a minimal level, but without offering any specific proposal for a sub-strategic nuclear arms control process that might complement the strategic arms control dynamic recently initiated by Washington and Moscow. Finally, entrusting the security discussion to the Organization for Security and Cooperation in Europe and the so-called “Corfu process” will almost certainly lead to a dead-end (The New York Times. 10.02.2010).

Вариантом описания «неправильного движения» России является образ будущего России как движения в прошлое (FUTURE OF RUSSIA IS PAST). Данные метафоры получили распространение в период переизбрания В. В. Путина президентом России. Отсутствие в России внутривнутриполитических изменений, желаемых с точки зрения политических интересов США, и тем более восстановление влияния России на внешнеполитической арене оцениваются как движение в прошлое, что подкрепляется сравнением России с СССР. Ср.:

Another Putin presidency is also a powerful signal to the ruling class that the change Russia so desperately

needs is, in fact, unnecessary. But solutions to the multitude of chronic problems facing Russia, from a seemingly uncontrollable insurgency in the North Caucasus to an unhealthy, shrinking population, will come only with the kind of innovation that emerges through open competition, debate and adept government responses to rapidly changing socio-economic circumstances. Mr. Putin's decision says to the Russian elite: there's no need to debate Russia's future course, the only way forward is to continue the ways of the past (The New York Times. 29.09.2011).

FUTURE IS OBJECT MOVING TOWARDS US

Вторая перспектива метафорического осмысления времени связана с представлением о будущем как объекте, приближающемся к наблюдателю. Если будущее, связанное с позитивными изменениями, является объектом, который движется по направлению к наблюдателю, то любые попытки, препятствующие этому движению, оцениваются пейоративно. В СМИ США политические инициативы российского руководства осмысляются как блокировка будущего. Ср.:

If they block Telegram, it will be worse later. They will block everything. They want to block our future and the future of our children. The rally comes two weeks after Roskomnadzor, the official internet watchdog, began its bumbling effort to shut down Telegram by blocking what the regulator said was some 18 million I.P. addresses (The New York Times. 01.05.2018).

Вместе с тем положительная оценка связана с будущим в целом или с будущим США и ее союзников.

Если речь идет о блокировке экспансионистских амбиций России и ее партнёров, то такая блокировка «приближения будущего» оценивается положительно. Ср.:

Russia and Iran share a resentment that America can block their expansive ambitions. So they seek each other's support (The New York Times, 16.09.2016).

Для трансформации оценочного характера метафоры FUTURE IS BETTER и привнесения негативных смыслов при метафорическом описании будущего России используются соответствующие определения с пейоративной семантикой. Ср.:

Other experts predict a gloomy future for Russia no matter who wins the November election. Both outcomes would be bad for Russia (The New York Times, 05.10.2020).

В некоторых случаях для создания негативных прогнозов вместо лексем с пейоративными коннотациями использовалось определение Russian. Так, например, описывались опасения крымско-татарского народа о своей дальнейшей судьбе после присоединения Крыма. Приближение «русского будущего» (Russian future) подразумевает не улучшение жизни, но страх, связанный с воспоминаниями о депортации крымско-татарского народа. Ср.:

Mindful of Past, Many Tatars Fear a Russian Future (The New York Times. 13.03.2014).

К базовым концептам, укорененным в самом раннем физическом опыте, относится концепт ENTITY. Данный концепт может означать сущность,

обладающую собственной активностью, то есть как онтологическую единицу, способную порождать казуальный ряд событий (ACTIVE ENTITY), или как объект, с которым можно осуществлять манипуляции, или который подвергается воздействию внешних сил (PASSIVE ENTITY/OBJECT).

FUTURE IS OBJECT

В отличие от рассмотренных онтологических метафор, концептуализирующих будущее России, метафора FUTURE IS OBJECT акцентирует внимание не на динамических аспектах, а на обладании будущим как объектом. Все анализируемые контексты с данной метафорой формируют представление о том, что у России нет будущего, а так как по умолчанию будущее связано с положительными оценками (FUTURE IS BETTER), такие прогнозы всегда носят негативный характер. Ср.:

This is what the Putin regime represents: an entire society psychologically damaged and unwilling to come to terms with its own past, leading to a widespread depression and belief that the country has no future (The New York Times. 3.10.2017).

Much of Russia' infrastructure is crumbling. There are hundreds of monocities – company towns dependent on one enterprise – without a future. There is a massive rich-poor gap and an even bigger gap between the regions. There has been a growing number of protests, from Kaliningrad to Vladivostok, over social and economic conditions. Even the elite do not believe in the future of

Russia. They do not keep their money in the country and they send their children abroad to be educated (The New York Times. 10.02.2010).

Вместе с тем подобные оценки всегда привязываются к политике, проводимой В. В. Путиным, что подразумевает возможное обладание будущим в случае смены руководства. Ср.:

Putin's Russia, guided by its totalitarian past, has no future (The Wahington Post. 05.01.2017).

Негативное отношение к российской политике может выражаться не только в онтологическом отрицании будущего, но и в описании политических действий как ударов (blows) по будущему как физическому объекту. Ср.:

The ruling powers, from the president on down, have decided to move closer to God, but yesterday's Communists do not know the traditions of Christianity. They are offended by real or imagined blasphemy as a threat to their own fragile but fanatical faith. The verdict is a blow to Russia's future. For now, goodbye Europe! (The New York Times, 22.08.2012).

Другой вариант данной метафоры подразумевает не обладание будущим, а размещение объекта в определённом месте (на глобальной арене), более или менее достойном России. Политическая деятельность концептуализируется как поиск удачной геополитической позиции для будущего страны. Ср.:

He is used to focusing on issues that, as he sees it, determine the country's future in the global arena, its geopolitical position (The Wahington Post. 07.05.2020).

Данная онтологическая метафора позволяет описывать будущее как пространственные отношения. Чем ближе будущее одной страны, понимаемое как объект, переместится к другой стране, тем более тесными будут взаимоотношения этих стран. Ср.:

With diplomacy again at play in Syria's civil war, it behooves America to use the economic promise of the nuclear deal to boost the position of those who see Iran's future with the West, not the Kremlin (The New York Times. 16.09.2016).

STATES AND RELATIONS ARE OBJECTS

Еще один вариант осмысления будущего – использование концепта OBJECT для метафорического осмысления стран и их отношений. В следующем примере конфронтация США и России описывается в понятии близости стран к состоянию холодной войны. Ср.:

The United States and Russia are nowhere near a new Cold War (The New York Times, 16.09.2016).

Соответственно, для достижения устойчивых отношений необходимо проделать долгий путь. В следующем примере речь идет о достижении в будущем «устойчивой структуры европейской безопасности» (sustainable European security structure), что может потребовать долгого пути (take smb. a long way toward). Таким образом метафоризации подвергается не само

будущее, а сами страны и связанные с ними политические процессы и отношения. Ср.:

As NATO ponders its future strategic priorities, some creative diplomacy might take us a long way toward a more sustainable European security structure (The New York Times, 9.06.2010).

Концептуализация России как объекта позволяет описывать ее будущее как результат манипуляции политиков. В следующем примере речь идет о возвращении России на прежнее место (*restore Russia*). Сама по себе эта метафора не несет какой-либо оценки, но в рассматриваемом контексте автор отмечает, что это восстановление возможно только за счет нанесения ущерба США и игнорирования западных ценностей, что привносит пейоративный смысл в концептуализацию этого процесса. Ср.:

President Putin's aggressive election meddling, like his broader foreign policy, has at least two motivating factors. The first is his conviction that the surest path to restoring Russia as a great power comes at the expense of an American-led order. He wants Russia unconstrained by Western values and institutions, free to pursue a sphere of influence (The New York Times. 07.01.2017).

STATES ARE ACTIVE ENTITIES

Данная метафора концептуализирует Россию как актора мировой политики, который может вносить изменения в конфигурацию политических сил. Эти изменения метафорически связываются с нарушением мирового баланса, порядка и безопасности, привнесе-

нием хаоса и нестабильности. Указанные понятия концептуализируются как физические объекты, которые Россия может опрокинуть или повредить. Ср.

Russia has moved between notions of a strategic partnership with the United States and a later, deeper desire to upend the current international order, where a dominant United States consigns Russia to a subordinate role (The New York Times. 7.01.2017).

It is about helping Ukrainian leaders build the successful political system that Russia seeks to subvert (The New York Times. 7.01.2017).

Развертывание метафорической логики приводит к выводу о необходимости удерживать Россию от деструктивных действий. Ср.:

The partial cease-fire in Syria's civil war is welcome news. But it must not be allowed to obscure a dangerous new development – the emergence from the war of a Russian-Iranian military axis that could upset hopes for stability in the Middle East, and for containing Russia's global ambitions, into the future (The New York Times, 16.09.2016).

Схожим образом концептуализируется внутренняя политика. В роли агенса выступают структуры и процессы, связанные с руководством России (RUSSIAN AUTHORITY IS ACTIVE ENTITY), а в роли объектов, которые подвергаются деструктивному воздействию – любые положительно оцениваемые СМИ США феномены политической жизни России (протестное движение, свобода прессы, либеральные

ценности, постсоветская трансформация, плюрализм, связи с Западом и т.п.). Ср.:

Pussy Riot struck at the sorest spot in modern Russia – which is why the group deserves praise, and not condemnation. The blow fell on the active merger of church and state into a single ideology, on the attempts to create a model of “Orthodox civilization” in Russia. The merger is intended to destroy the protest movement that has become a significant social phenomenon since December 2011 by depicting it as anti-Russian, as something alien to Russia’s special way (The New York Times. 22.08.2012).

Mr. Putin may well continue Mr. Medvedev’s modest reforms, or even push through a more comprehensive program, but that will not undo the damage his return has done to Russia’s post-Soviet political transformation. By weakening Russia’s political institutions, curbing pluralism, and threatening ties with the West, Mr. Putin’s return has made the system he controls more brittle (The New York Times. 29.09.2011).

В завершение отметим, что онтологические метафоры служат «строительным материалом» для структурных метафор. Так, онтологическая метафора STATES ARE ACTIVE ENTITIES служит компонентом структурной метафоры RUSSIAN FUTURE IS ORGANISM, в которой агент приобретает свойства живого организма. Примером служит следующий контекст, в котором речь идет о «смерти будущего России», которая по мнению автора предопределена. Ср.:

The death of the Russian future was anything but pre-ordained (The Wahington Post. 5.10.2017).

Онтологические метафоры служат основой для формирования структурных метафор, но последние были вынесены за скобки исследования. Как показывает представленный материал, онтологические метафоры способны функционировать в дискурсе СМИ самостоятельно и регулярно приносить необходимые прагматические смыслы для осмысления будущего России.

Исследование метафор в СМИ США показало, что при концептуализации будущего России широко востребованы онтологические метафоры (27% от общего массива метафор), представленные пятью вариантами: FUTURE IS STATIONARY DESTINATION (будущее – статичный пункт назначения), FUTURE IS OBJECT MOVING TOWARDS US (будущее – объект, движущийся к нам), FUTURE IS OBJECT (будущее – объект), STATES AND RELATIONS ARE OBJECTS (государства и их отношения – объекты), STATES ARE ACTIVE ENTITIES (государства – активные сущности).

Хотя онтологические метафоры потенциально способны приносить как мелиоративные (по умолчанию FUTURE IS BETTER), так и пейоративные смыслы в концептуализацию действительности, данные метафоры в подавляющем большинстве используются для активизации негативных смыслов при осмыслении будущего России. Такая односторонность оценочного вектора, пронизывающего все представленные виды онтологических метафор, согласуется с общей тенден-

цией нарастания напряжения между Россией и США и служит зеркалом как существующих представлений, так и желаемого образа будущего России в общественном сознании адресатов СМИ США.

2.3. Метафорический образ будущего России в СМИ Франции

Россия и Франция имеют многовековую и противоречивую историю двусторонних отношений. Несмотря на давнюю память кровопролитных войн и периоды ослабления связей и напряженности, чередовавшихся военно-политическими союзами и укреплением сотрудничества, эти два государства объединяют глубокие социально-культурные и торгово-экономические контакты, чувство личной ответственности за судьбу Европы, лидерская роль в решении сложных вопросов международной повестки. До сих пор говорят об особом, привилегированном франко-российском диалоге.

Ещё с XVIII века знание французского языка считалось в России признаком принадлежности к дворянскому сословию, на нем говорили на приемах и в салонах, писали письма, он был фактически вторым языком в стране. В свою очередь, великая русская культура всегда восхищала и притягивала французов, которые хотели познать загадку мистической русской души, ощущая ее близость своей. Во время Первой мировой войны на Западном фронте плечом к плечу с французами сражался Русский экспедиционный корпус. В советский период российской истории Франция не прекратила контакты с нашей страной, была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции, всегда подчеркивала

его вклад в победу над нацизмом, с переменным успехом сотрудничала с ним в разных областях, находясь в западной, капиталистической системе.

После развала Советского Союза в двусторонних отношениях Франция выступала скорее «ведущим», чем «ведомым», своим примером показывая новой России «преимущества» западного, «цивилизованного» мира [Обичкина, 2012: 51]. Многие признаки бывшей конфронтации в биполярном мире исчезли, настала эпоха открытости, которая продолжалась до тех пор, пока Россия не вспомнила о своих национальных интересах. Постепенное восстановление независимой внешней политики привело к новой «холодной» войне с коллективным Западом. При этом Париж всегда оказывается тем заинтересованнее в развитии отношении с Москвой, чем слабее чувствуется влияние на него Вашингтона [Там же: 50].

На всем протяжении нескольких веков, связывающих Россию и Францию, образ нашей страны в трудах путешественников, дипломатов, военнослужащих и других французов отражался противоречиво и формировался сквозь призму субъективных взглядов, личного опыта, отчасти предвзято. Французская аристократия ставила себя выше «азиатской» России и считала свою страну эпохи абсолютизма образцом для подражания. В период правления Наполеона и далее во времена двух империй и трех республик общие представления о нашей стране не изменились: она по-прежнему ассоциировалась с деспотизмом, рабством, отсталостью.

С появлением новых средств массовой коммуникации образ России во Франции, как и в целом на Западе,

стал более осязаемым: информации о стране становилось все больше, подробное освещение событий способствовало появлению конкретики. Однако это практически не изменило стереотипные представления французов о России, которые ярче всего проявляются в форме метафорических выражений, различных субъективно-оценочных суждений и эмоционально-экспрессивных высказываний.

Изучению образа современной России во Франции посвящен ряд исследований отечественных специалистов. Одной из серьезных попыток стал сборник статей ИНИОН РАН с одноименным названием [Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа, 2012], в котором приняли участие известные историки, политологи и социологи и достаточно полно раскрыли специфику изображения России во французском информационном пространстве с конца 80-х годов XX века. Другие научные работы были посвящены анализу образа России во французской прессе в конце XX – начале XXI века [Богословская, 2015; Зуева, 2008, Цилюрик, 2013б] и изучению отдельных метафорических образов как символов нашей страны [см., например: Кондакова, 2019].

К сожалению, во многих исследованиях по каким-то причинам оказался забытым лингвистический аспект, хотя именно языковое оформление информационных сообщений в их самом широком понимании наглядно демонстрирует скрытые смыслы и концептуальные установки субъектов коммуникации. В современной парадигме гуманитарного знания констатируется «лингвистический поворот», который во многом обусловлен высокой репрезентативностью языка и обеспечивает эвристичность но-

вых научных исследований при условии применения достоверных методик.

Когнитивные методики лингвистического анализа дискурса масс-медиа позволяют выявить общие и специфические закономерности употребления метафорических единиц, репрезентирующих объект исследования, сформировать метафорические модели, отражающие общую семантику информационных сообщений, определить манипулятивные посылы их отправителей. Одной из первых попытку изучить метафорический образ России во французском информационном пространстве в ряде своих исследований предприняла О. А. Шаова [См.: Шаова, 2005а; Шаова, 2005б; Шаова, 2006]. В этих работах впервые были описаны доминантные для французского дискурса масс-медиа метафорические модели, типичные при образной номинации и характеристике России, а также констатировалось, что большинство рассмотренных концептуальных метафор «апеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о «чуждости» России французскому миру» [Шаова, 2005б: 7].

По результатам исследования метафорического образа России в современном французском политическом дискурсе [Зарипов, 2016], охватывающего период 2010–2015 гг., было установлено, что использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса. Во французском медиаполе негативные метафорические образы России значительно преобладают

над положительными. Широко представлены образы болезней, которые призваны отражать социальные и политические проблемы нашей страны, а также милитарные, криминальные, спортивные (игровые), ограничительные и монархические образы, пронизанные концептуальными векторами опасности, тревожности, агрессивности, непредсказуемости.

В указанной монографии метафорическая репрезентация образа России рассматривалась в контексте таких политических сегментов, как «Дело Навального», «Олимпийские Игры в Сочи», «Гражданская война на Украине». Позднее был проанализирован политический сегмент «Война в Сирии» [Зарипов, 2017], который подтвердил выводы предыдущих исследований: освещение ведущими французскими средствами массовой информации российской операции с самого её начала проходит в сдержанно отрицательной манере. Метафорический образ России формируется посредством умеренно негативных оценок: 27,9% от общего числа составляют отрицательные образы, нейтральные – 66,2%, положительные – 5,9%. Метафорическая мозаика образа России в рамках рассмотренного политического сегмента вписывается в общий контекст развернутой на Западе информационной войны против нашей страны, способствует навешиванию негативных ярлыков, мифотворчеству и дезинформации аудитории.

В целом, общие закономерности изображения России во французских СМИ выглядят следующим образом:

1. В основе ведущих медиаматериалов транслируются исторически сложившиеся стереотипные представления французского общества, согласно которым «в России не

происходит изменений, и она на протяжении всей истории воспроизводит одни и те же авторитарные формы правления» [Лапина, 2013: 73].

2. Общие позитивные изменения в стране и ее достижения либо умалчиваются, либо нивелируются отдельными негативными фактами, выносящимися в главную повестку дня и выдающимися за действительное положение вещей. Частные случаи подгоняются под ведущие тенденции и подменяют их.

3. Любое активное оппозиционное движение поддерживается и романтизируется. Особое внимание уделяется малейшим проявлениям дискриминации и нарушениям прав человека.

4. Положительные коннотации российской политической действительности могут проявляться только в случае, если российская власть следует по пути реформ в угоду западным «ценностям» [Цилорик, 2013а: 9]. Как только действия России направились на защиту своих национальных интересов и восстановление своего статуса, дискурс масс-медиа приобрел по отношению к ней негативный оттенок, возобновилась репрезентация ее пейоративных образов.

5. Положительные характеристики могут присутствовать в отношении российской культуры, туризма, жизни отдельных городов и регионов страны, однако такое освещение происходит в отрыве от политической составляющей и вопреки ей.

Анализ работ российских лингвистов начала XXI вв., посвящённых исследованию метафорического образа России в разных языковых сегментах дискурса масс-медиа Западной Европы и США, позволяет говорить о том, что фор-

мирующиеся в них метафорические модели, как правило, однотипны, стандартны и в большинстве своём копируют друг друга. Так, в настоящее время на Западе распространены такие модели образа нашей страны, как:

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА / ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ) / ТЕАТР (ЦИРК);

РОССИЯ – это (АБСОЛЮТНАЯ) МОНАРХИЯ / ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ / УЧАСТНИК ИГРЫ / СССР и ряд других [Будаев, 2006, 2009; Будаев, Чудинов, 2006; Зарипов, 2016; Иванова, 2013; Красильникова, 2007; Моисеева, 2007; Орлова, 2012; Пшенкин, 2006; Санцевич, 2003; Современная политическая лингвистика, 2011; Чудинов, 2003; Шаова, 2005]. Все эти модели пронизаны отрицательными концептуальными векторами.

Таким образом, метафорическая мозаика образа России в политическом дискурсе стран Запада на данный момент определена и достаточно статична. В этих условиях попытка изучения во французском медиапространстве метафорического образа *будущего* России, с одной стороны, способствует деструктуризации выявленных метафорических моделей образа России *настоящего*, с другой стороны, позволяет определить новые концептуальные элементы, которые до этого не фигурировали в дискурсе масс-медиа и потенциально могут формировать когнитивные структуры.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и линг-

вокультурологии. Нами используются методы когнитивно-дискурсивного, компонентного и контекстуального анализа, моделирования, а также лингвостатистический метод (контент-анализ).

Исследование основывается на материалах ведущих вещательных, электронных и печатных СМИ Франции (France 24, Le Monde, Le Figaro, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur и др.), отобранных методом сплошной выборки. Проанализировано более 300 текстов масс-медиа, выявлено более 250 метафорических словоупотреблений в 100 текстах.

Главным фактором активизации дискуссии во французских СМИ относительно политического и социально-экономического будущего России стала не пандемия коронавируса, которая оказала огромное влияние на международные политические и социально-экономические процессы, и даже не провокация с А. Навальным, повлекшая за собой дальнейшее ухудшение отношений с Западом, а инициатива президента РФ по внесению поправок в действующую конституцию страны, которые были приняты на всенародном голосовании 1 июля 2020 года. Они стали результатом фундаментального переосмысления национальной политической элитой актуальной геополитической обстановки, положения России в мире, ее внутренних ориентиров и основных направлений дальнейшего развития. Учитывая оперативность рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в основной закон страны, а также их ярко выраженный национально-ориентированный характер, реакция мировых и, в частности, французских средств массовой информации не застави-

ла себя ждать. В их повестке дня тема обновления Конституции РФ заняла особое место.

В рамках этого политического сегмента французские источники окрестили В. В. Путина пожизненным президентом (*président à vie*) / президентом до скончания веков (*ad vitam æternam*) [Le Monde, 01.07.20] с различными вариациями, власти которого нет конца (*le pouvoir sans fin*) [Le Monde, 11.03.20]. В контексте этих метафор фигурируют образы счетчика или часов, на которых сдвигают стрелку к нулю: *remise (de la pendule, des compteurs présidentiels) à zéro* [Le Monde, 11.03.20, 01.07.20]. Президента России при этом называют повелителем времени, который проводит конституционную реформу лишь с целью увековечить (*pérenniser*) «свою систему» [L'Express, 10.03.20] и переводит часы по своему усмотрению: **«En vrai maître des horloges, Vladimir Poutine remet donc la pendule “à zéro”»** [Le Monde, 11.03.20]. В вопросе преемственности власти французские СМИ заявляют либо о «пожизненном» Путине (*Poutine à vie*) [L'Express, 25.06.20], либо о его некоем «клоне» (*clone*), который идеально бы подошел для сохранения «значительного наследства» и территориальной целостности страны [France Inter, 19.03.18]. В целом, можно говорить о появлении во французском дискурсе масс-медиа метафорической модели «ПУТИН – это ВЕЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ» с недостаточно отчетливыми на данный момент контурами и развивающейся фреймово-слотовой структурой.

Неограниченный срок правления, о котором гипертрофированно заявляют французские медиа, присущ странам с монархической формой правления и авторитарным

политическим системам, к которым в данном случае суггестивно приравнивается Россия. Этот манипулятивный посыл дополняется традиционным для репрезентации российской власти образом царя, который по-прежнему фигурирует во французских текстах масс-медиа. Таким образом, вышеуказанная модель может рассматриваться уже, как часть более обширной и детализированной модели «РОССИЯ – это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ», образуя фрейм (слот) «Срок правления», который в контексте модели образа России *настоящего* конструирует метафорические смыслы образа *будущего* России.

В контексте обновления Конституции РФ французские субъекты массовой коммуникации не видят в будущем кардинальных изменений в рамках существующей российской «монархической» системы. Президент России по-прежнему остается царем с неограниченной властью (*tsar sans limite*), монархом (*monarque, souverain*), средневековым государем (*prince médiéval*), самодержцем (*autocrate*) и даже фараоном (*pharaon tsar*) [RFI, 22.01.20; Le Monde, 11.03.20; Le Figaro, 11.09.20; France Soir, 12.03.10], президентские сроки которого отмечаются на манер монархической династии: *Poutine I, Poutine II, Poutine III, Poutine IV* [Le Figaro, 16.03.18]. Его сравнивают с царями исторических эпох: с Петром Великим, когда говорят о его великодержавных политических планах; с Иваном Грозным (чье имя ассоциируется с жестокостью), если речь идет об устаревшей, по мнению французов, «традиционной» системе государственного управления или притеснениях оппозиции [Le Bien Public, 25.08.12]. Кроме того, оба правителя были во главе государства в течение долгого периода:

1. *«En politique, son modèle revendiqué est **Pierre le Grand**, resté tsar 42 ans»* («В политике он добивается реализации модели Петра Великого, который был царем 42 года»; перевод здесь и далее мой) [Le Figaro, 16.03.18].

2. *«Malgré tout, je vois Poutine comme l'incarnation de le gouvernance traditionnelle russe qui remonte à l'époque d'Ivan le Terrible. En effet, le système politique en Russie me fait penser à un système médiéval avec le tsar, la cour et les boyards luttant pour avoir sa place à la table du Tsar et la population qui se divise en Etats comme des castes, gérées par l'État»* («Несмотря ни на что, я вижу Путина воплощением традиционного русского управления, которое восходит к эпохе Ивана Грозного. В самом деле, политическая система в России наталкивает меня на мысль о средневековой системе с царем, двором и боярами, борющимися за право иметь свое место за государевым столом, а также населением, которое делится на сословия, как касты, управляемые государством») [Le Figaro, 11.09.20]. Прием отождествления прецедентных имен, который используется в приведенном примере, выступает особым видом метонимии, антономасией, и подразумевает употребление имени собственного в функции имени нарицательного с целью положительной или отрицательной оценки, возникающей при его употреблении.

Несмотря на абсурдность и гипертрофированность приведенных образно-метафорических представлений, именно они формируют у аудитории упрощенные, наивные представления о государственном устройстве, основных принципах функционирования политической системы и общем отношении к населению в России. По сути, в этом

отрывке фигурируют исторически сложившиеся и укоренившиеся в коллективном сознании французского общества стереотипы, которые выполняют одновременно объяснительную, манипулятивную и пейоративную функции. Отдельно следует выделить прилагательное «средневековый», которое порождает ассоциации, связанные с отсталостью, варварством, дикостью, древностью и др.

Французские СМИ конструируют монархическую картину мира в России детализированно. По характерным метафорическим словоупотреблениям, фигурирующим в их сообщениях, власть царя пожизненна (*à vie*), и у него имеются все атрибуты монарха. Он изображается сидящим (*en majesté*) на троне (*trône*), у него есть личная, «приближенная» («*la garde rapprochée*») или даже «преторианская» гвардия («*garde prétorienne*») [Boulevard Extérieur, 28.01.20; Le Courrier de Russie, 20.01.20; L'Express, 12.05.20; Le Figaro, 25.03.20]. Правление главы государства манипулятивно преподносится как непрерывное царствование (хотя это не так) – *vingt ans de règne poutinien sans partage* [L'Express, 12.05.20]. Его намерение провести конституционную реформу определяется как «дворцовый переворот» (*révolution de palais*), при этом после проведения плебисцита он будет коронован (*couronné*) и сохранит бразды правления (*rênes du pouvoir*) после 2024 года [Le Monde, 11.03.20; Libération, 10.03.20]. Единственное, что его беспокоит, по мнению СМИ, – это необходимость оставить достойного «наследника» (*successeur*), чтобы его «наследство» (*héritage*) не пропало после ухода из Кремля на «золотую пенсию» [Libération, 15.01.20; France Inter, 19.03.18].

Таким образом, вся конфигурация российской власти осмысливается французами сквозь призму лексических единиц сферы-источника «монархия». Ближайшее будущее России представляется французской прессе в той же парадигме абсолютной власти царя со всеми вытекающими негативными коннотациями.

Концептуальные смыслы монархических метафор дополняются смежными по сфере-источнику имперскими метафорами. Они подчеркивают экспансионистскую направленность внешней политики России, реализуя отрицательные коннотации. Так, ее действия в контексте украинского и сирийского кризисов называются неоимперскими авантюрами (*aventures néo-impériales*), а президенту приписывают «чрезмерные империалистические амбиции» [Le Figaro, 11.09.20; Le Courrier de Russie, 02.10.20].

Несмотря на это, французские политические элиты признают сильные личные качества президента России. Его односторонние и независимые шаги характеризует частотная метафора: «*Moscou souffle le chaud et le froid*» [France 24, 05.09.2014]. Указанный фразеологизм в значении «делать погоду, хозяйничать» [Гак, 2006: 995] используется субъектами политической коммуникации с целью создать у французской аудитории впечатление о полной свободе действий России в международных вопросах.

Лидерство и дальновидность шагов российского президента на внешнеполитическом треке отражаются в различных театральных (концертных), военных, игровых (спортивных) и авторитарных метафорах. Его называют задающим темп дирижером оркестра [Le Figaro, 16.03.2016], королем международной шахматной доски [Le Figaro,

23.12.15], великолепным тактиком, стратегом [Le Figaro, 10.02.16], жандармом ближневосточного региона [France 24, 10.04.17]. Вся политика российского президента в Сирии характеризуется как «геополитическое дзюдо» [Le Figaro, 10.02.2016], в результате которого Россия стала «верховным судьей» (*arbitre suprême*) и «ключевой фигурой» (*acteur incontournable*) в сложившейся ситуации [Le Figaro, 01.05.2016; RFI, 11.01.20]. По мнению французских СМИ, Путин все сделал в одиночку, решив без согласования, когда туда вмешиваться и когда оттуда выходить: «*Sur la Syrie, Vladimir Poutine a fait cavalier seul jusqu'au bout, décidant – sans concertation – quand intervenir et quand s'en désengager*» [L'Express, 15.03.2016]. Фразеологическая единица *faire cavalier seul* употребляется в переносном значении – «обгонять конкурентов на скачках» [Le Petit Larousse Illustré, 2008: 170]. Фактическое значение выражения – «действовать в одиночку» [Гак, 2006: 168]. Таким образом, этой метафорой подчеркивается полная самостоятельность России и ее лидерство в решении кризиса. С помощью операции в Сирии президенту России удалось вернуть страну в ряд великих держав, и в этом контексте его сравнивают с Шарлем де Голлем [RFI, 06.03.20].

В метафорическом представлении России фигурируют и образы азартных игр, в частности, карт и шахмат. Если первые обычно передают оттенок непредсказуемости, скрытых планов, то вторые используются в контексте сложной и опасной внешнеполитической игры, где нужны взвешенные, продуманные решения и где необходимо продвигаться вперед и занимать новые позиции. Ср.:

1. *«Oui, c'est un **jeu dangereux** parce qu'on ne sait pas avec certitude si Poutine **a toutes les cartes en main**. Mais le chef de l'État russe part de la constatation que l'Europe est en pleine crise économique, que les États-Unis sont occupés en Syrie et en Irak. Il sait pertinemment que l'Otan n'interviendra jamais. Il se dit qu'il **a une carte à jouer**. Et qu'il doit **la jouer maintenant**»* («Да, это опасная игра, потому что мы точно не знаем, есть ли у Путина все карты на руках. Но президент России исходит из того факта, что Европа находится в разгаре экономического кризиса, а США заняты Сирией и Ираком. Он прекрасно знает, что НАТО никогда не вмешается. Он понимает, что ему есть, с какой карты пойти. И что он должен с неё пойти сейчас же») [France 24, 28.08.14].

2. *«Poutine c'est un **joueur d'échecs, stratège... il domine le jeu international**, il est en train d'avancer ses pions; est-ce qu'il est prêt à **pousser immédiatement son cheval pour gagner**, c'est pas sûr, mais **il avance ses pions** pour prendre sa place»* («Путин – это шахматист, стратег... он лидирует в международной игре, он двигает вперёд свои пешки; нельзя точно сказать, готов ли он немедленно сделать ход конём для победы, но он двигает вперёд свои пешки, чтобы занять позицию») [Le Parisien, 03.03.14].

Столкновение геополитических интересов Запада и России преподносится как грандиозная игра, в которой есть игроки: Россия, ЕС и США – и в которой лидирует Владимир Путин. Ему есть, «с чего ходить» (*«Il se dit qu'il **a une carte à jouer**»*), и он «играет одновременно на двух досках» (*«Le président Vladimir Poutine **joue** “comme à son habitude” sur les **deux tableaux**: diplomatie et offensive»*) [France 24, 28.08.14]. Через концепты игры в карты и шахматы авторы

политических текстов показывают превосходство российского президента и доминирующее положение России в украинском и сирийском кризисах.

В контексте возобновления активных боевых действий между Арменией и Азербайджаном Россия также видится ключевым игроком в Кавказском регионе – *maître du jeu*. При этом президент России насквозь видит игру Турции в этом конфликте [Le Courrier de Russie, 28.10.20].

Таким образом, вся совокупность метафорических смыслов образа России и российского президента, воспроизводящихся во французском дискурсе масс-медиа во внешнеполитическом контексте, позволяет точно определить основные концептуальные установки СМИ: «РОССИЯ (ПУТИН) – это ЛИДЕР ПОЛОЖЕНИЯ», «РОССИЯ (ПУТИН) – это ВЕДУЩИЙ ИГРОК (АРБИТР)», «РОССИЯ (ПУТИН) – это НЕЗАВИСИМЫЙ АКТОР». Метафорические смыслы указанных моделей контекстуально экстраполируются субъектами массовой коммуникации как минимум на текущий политический период до 2024 года с учетом принятия в Конституцию патриотических и социально ориентированных поправок и перспективы продления властных полномочий В. В. Путина в том или ином качестве на более поздний срок.

На фоне обновления Конституции действия президента России аналогично передаются с оттенком скрытности и непредсказуемости. Никто не ожидал, что сразу после новогодних праздников может быть начата такая масштабная внутривластная кампания. Однако французы признают, что стиль работы президента России – ковать железо пока горячо (*battre le fer tant qu'il est chaud*) [RFI, 22.01.20].

Именно он «вскрывает карты» (*abat des cartes*) [RFI, 21.01.20] и вносит ясность в характер планирующихся поправок. Весь процесс их разработки и согласования оценивается французскими СМИ как очень быстрый, *tambour battant* («не давая опомниться») [Libération, 19.03.20]. По их мнению, это лишило либеральную оппозицию времени для выработки какого-то плана в сложившейся ситуации и реализации совместных действий. Хотя представляется, что более полугода (с 1 января по 1 июля) – это более чем достаточный период для скоординированного ответа даже в условиях карантина. Скорее, причина заключается в другом: ей просто нечего было противопоставить тем предложениям, которые в дальнейшем были приняты. В этом смысле президент и его администрация переиграли оппонентов стратегически.

По мнению французских СМИ, Путин будет активен и в дальнейшем. Во внутриполитической системе они видят его в центре «игры» («*au centre du jeu*») и «боевого порядка» («*au cœur du dispositif*»), в роли арбитра или даже суперарбитра (*arbitre suprême / superarbitre*) [Boulevard Extérieur, 28.01.20; RFI, 17.01.20].

Тем не менее, признание заслуг и личных качеств российского президента намеренно разбавляется и нивелируется французскими СМИ иронией, а также нейтральным либо негативным контекстом: «*Donc, Poutine est le seul capitaine possible du “vaisseau Russie” dans un monde instable et plein de périls*» («Итак, Путин – единственный возможный капитан корабля «Россия» в нестабильном мире, полном опасностей») [Le Figaro, 25.03.20]. Субъектами информационного воздействия подбирается предвзятый, полный лжи и стерео-

типов контекст, который указывает реципиенту на то, что эти качества реализуются в деструктивном для населения России и международной безопасности ключе. Во внутренней политике – это притеснения оппозиции, нарушения прав человека, например: «*Son troisième mandat se conjugue avec autoritarisme et conservatisme, selon une majorité d'observateurs. "Au plan domestique, c'est un mandat régressif et répressif"*» («По мнению большинства наблюдателей, его третий срок сочетается с авторитаризмом и консерватизмом. «С точки зрения внутренней повестки, это срок регрессивный и репрессивный») [Le Figaro, 16.03.18]. Во внешней политике – это создание международной напряженности, угроза соседним странам, «интервенция» в САР и т.д.: «*Tous souhaitent une amélioration des relations avec Moscou. M. Poutine répond par le blocage sur l'Ukraine, la cyberguerre, les bombardements d'hôpitaux en Syrie, la paralysie du Conseil de sécurité à l'ONU, la réécriture de l'histoire du XXe siècle*» («Все хотят улучшения отношений с Москвой. Господин Путин отвечает блокированием Украины, кибервойной, бомбардировками госпиталей в Сирии, парализацией Совета Безопасности ООН, переписыванием истории XX века») [Le Monde, 11.03.20].

Российский лидер может вести страну только в прошлое (*leader rétrograde*) [Le Figaro, 11.09.20]. Во внутренней политике его характеризуют не иначе как диктатором, авторитарным правителем и даже «Сталиным нового времени» («*un Staline des temps modernes*») [France 24, 18.07.13]. Французские журналисты и политики до сих пор не могут понять, какая именно политическая система функционирует в России. Они допускают, что это демократия, но лишь «фа-

садная» («*Vladimir Poutine, comme beaucoup de leaders autoritaires dans le monde, cherche à maintenir **une façade démocratique** pour être légitime sur la scène internationale*») [France Culture, 01.11.18], и употребляют это понятие в сдержанно-отрицательном контексте, в связке с прилагательными *souveraine* («суверенная демократия»), «*dirigée*» («управляемая»), *fausse* («ложная», «фальшивая») и *illibérale* («нелиберальная», то есть ограничивающая свободу и лишь имеющая формальные признаки демократии) [См., например: Le Figaro, 25.03.20; Raviot, 2008: 194]. В целом, Россия преподносится аудитории как нечто среднее между демократией и авторитаризмом, либо авторитаризмом и диктатурой. В информационном пространстве даже появился оксюморон *démocrature* (*dictocratie*) как сочетание демократии (*démocratie*) и диктатуры (*dictature*): «*Le 7 mai 2018, Vladimir Poutine va prêter serment... Pour nombre d'Occidentaux qui préfèrent la caricature à la réflexion, ce sera le triomphe d'un dictateur, l'assurance du statut de démocrature de la Russie et d'une menace pesant sur les pays voisins, voire sur la paix mondiale*» («7 мая 2018 года Владимир Путин принесет присягу... Для ряда западных стран, которые предпочитают анализу карикатуры, это будет триумф диктатора, обеспечение статуса демократуры в России и нависшей над соседними странами, даже над целым миром угрозы») [Le Figaro, 06.05.18]. Так или иначе, для французских СМИ Россия – неправовое государство [France Culture, 01.11.18].

По их мнению, конституционная реформа 2020 года в России есть не что иное, как театральная постановка, спектакль, фарс (*mise en scène, coup de théâtre, farce*) и ловкий

обман, трюк (*tour de passe-passe*) [Le Monde, 25.03.20, 01.03.20; Le Nouvel Observateur, 02.07.20; RFI, 20.01.20]. Театральные (цирковые) метафоры традиционно применяются во французском дискурсе масс-медиа с целью дискредитации российской власти, осмеивания ее действий и выражения авторской иронии. Так, все общественные обсуждения и голосование парламента определяются как «хорошо спланированный номер», игра главных действующих лиц которого, тем не менее, оставляет жесть лучшего: «**Numéro bien préparé, même si le jeu et le naturel des protagonistes laissaient à désirer**» [Libération, 10.03.20]. Подобная метафорическая репрезентация подчеркивает неискренность, поддельность всего процесса реформы.

Театральные метафоры дополняются криминальными, которые создают еще более негативный образ процесса принятия поправок к Конституции и придают ему незаконный характер: *micmac juridique* («правовая махинация») [Le Point, 07.03.20], *violation de la Constitution, coup d'Etat* [L'Express, 25.06.20], *usurpation du pouvoir* [L'Express, 14.03.20]. Ряд из этих выражений заимствованы французскими источниками из цитат российских оппозиционеров и воспроизводятся ими с целью трансляции российского «общественного» мнения и создания таким образом дополнительного аргумента в пользу своей оценки событий.

Криминальные метафоры выполняют и номинативную функцию. С их помощью осуществляется дискредитация окружения президента России и властных структур в целом, которые изображаются как некий клан (*clan*) и банда (*gang*) [Ouest-France, 16.01.20; Le Point, 22.01.20]. Простые люди

при этом в будущем будут бесправны (*des sans-droits*) [Le Monde, 27.06.20].

Все политические процедуры российской власти целенаправленно преподносятся как противоправные, заранее ставя реципиента информации в рамки возможного понимания и представления будущего политического устройства в России как построенного незаконно, преступными действиями, то есть недемократического.

Будущее России описывается как бесправное и вписывается в систему метафорической модели «РОССИЯ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО», описанной в [Зарипов, 2016]. Кроме того, в развернутых синтаксических конструкциях наблюдается связь криминальных образов с образами катастрофы, распада, отсутствия человечности и каких-либо перспектив. Настоящее и будущее России оказываются в одном контексте, изображаются практически неотделимыми и контекстуально отождествляются («все будет так, как сейчас, и даже хуже»). См., например: *«De prime abord, abruti par sa propre impunité, cette société policière, étatisée, menteuse, à la bureaucratie robotisée, engluée dans une orthodoxie totalement privée d'humanité, est divisée en deux camps. Le premier est celui que je viens de décrire. Le second se trouve de l'autre côté de la ligne de partage: c'est celui de la majorité qui ne voit aucune perspective, aucun avenir, qui se désagrège, se débrouille comme elle peut – c'est celui des sans-droits. Et tout cela forme un cauchemar bien pire que celui qu'on a un jour connu sous le terme de "stagnation"»* [Le Monde, 27.06.20].

Через образ разделенной на два лагеря страны намеренно строится концептуальный вектор конфронтации, не-

благополучия. Бинарная оппозиция образов «СВОЙ – ЧУЖОЙ» создает впечатление противостояния, отсутствия единства в российском обществе. Разделительная линия (*ligne de partage*), в свою очередь, вызывает образ ограниченного пространства или запретной границы, дезинтеграции. Ни одна из сторон при этом не выглядит благополучной. По сути, отрицается сама возможность какого-то будущего (*aucune perspective, aucun avenir*). Вместо него – сплошной кошмар (*cauchemar*), бесправие и безнаказанность. Именно таким подбором многочисленных метафорических выражений, относящихся к различным сферам-источникам, но вызывающих исключительно отрицательные коннотации и эффективно дополняющих друг друга, формируется последовательная линия дискредитации и пейоратизации образа России. Налицо признаки языкового насилия как неаргументированного вербального воздействия на реципиента, цель которого состоит в формировании (изменении) его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) [Копнина, 2008: 159]. Сам факт того, что такая статья, пусть даже и в рубрике «Мнение», публикуется ведущим государственным источником информации, позволяет сделать вывод об общем настрое французских политических элит, их «готовности» к диалогу и сотрудничеству с Россией.

Во внешнеполитическом аспекте образ России также конструируется криминальными метафорами. Как правило, тезисы о ее причастности к различным нарушениям и преступлениям выдвигаются французской прессой в безапелляционном, манипулятивном формате, отменяя презумпцию невиновности и преподнося домыслы и предпо-

ложения как свершившийся факт: «*Plus largement, pris en flagrant délit de violation des droits de l'homme ou du droit international, ou démasqué après coup, le pouvoir russe ne lésine jamais sur le déni*» («Более того, российская власть никогда не скупится на отрицания после того, как ее разоблачили задним числом или взяли с поличным в вопросе нарушения гуманитарного или международного права») [Libération, 03.09.20]. В современном мире многие субъекты международной политики массовой коммуникации уже не утруждаются приведением конкретных доказательств совершения какого-либо деяния. Теперь важно иное: как можно быстрее отреагировать на событие, завоевать господство в информационном пространстве (которое за пределами русскоязычного сегмента *a priori* принадлежит западным СМИ), организовать массированную информационную атаку против оппонента и как можно сильнее его дискредитировать в глазах международной общественности. Для этого следует как можно дольше повторять против него одни и те же обвинения и манипулятивно преподносить их как свершившийся факт. Тогда со временем аудитория примет их как не подлежащие сомнению.

Сложный и неоднозначный образ будущего России репрезентируется комплексом метафор, имеющих в своей основе различные сферы-источники. Например, нередко сочетаются военные и ограничительные метафоры, между которыми существует достаточно тонкая смысловая грань. Так, нерушимая крепость (*forteresse indestructible*), которой изображается Россия в условиях внешней враждебной, «токсичной» среды, представляет собой укрепленный военный объект. Однако если вовремя не остановиться в отме-

жевании от Запада и самоизоляции, вместо «величественной цитадели» (*noble citadelle*) и «неприступного гарнизона» (*place forte inexpugnable*) можно построить отрезанный от мира бункер (*bunker*) [Le Courrier de Russie, 13.07.20], который также представляет собой укрепленный военный объект, каземат, а именно: «укрытие, служащее для защиты от артиллерийского огня, воздушных атак» [Dictionnaire Hachette, 2012: 261]. Тем не менее, есть важное отличие: бункер герметичен, отрезан от мира, часто находится глубоко под землей, в него очень сложно попасть, из него затруднительно выйти, а «в его уродстве легко можно пропасть» [Le Courrier de Russie, 13.07.20].

В этой развернутой метафоре, имеющей в своей основе военный компонент, присутствует и оттенок заточения, заключения в бункере как месте лишения свободы: его обитатели «подчинены строгой дисциплине, приближающей их существование к жизни заключенных» [Там же].

Из перечисленных метафорических образов определяются две основные концептуальные установки текста. Во-первых, РОССИЯ в настоящем – это КРЕПОСТЬ, из чего следует, что страна находится в состоянии обороны, внутренней мобилизации. Действительно, режим санкций и атмосфера геополитического противостояния способствуют созданию в массовой коммуникации образа России, находящейся в осаде (*forteresse assiégée*) и борющейся против всех в одиночку [RFI, 24.06.20]. Текст обновленной Конституции, по мнению автора, наводит на мысли о самоокапывании (*l'esprit de retranchement*) как фортификационных окопных работах войсками на месте своего расположения и самоизоляции (*l'esprit de repli sur soi*) [Le

Courrier de Russie, 13.07.20] как психологическом приеме «ухода в себя», ограждения от внешней среды, что несет в себе ограничительный метафорический смысл [Le Robert illustré, 2013: 1623].

Во-вторых, РОССИЯ будущего – это БУНКЕР, то есть отрезанный от внешнего мира, изолированный объект. Концептуально такой метафорический образ моделирует дальнейшее развитие внешней политики страны, а именно ее отдаление и затем полное обособление от международного сообщества. Уже сейчас Россию называют «одинокой державой» (*puissance solitaire*) [Le Monde, 28.02.20].

Такое развитие событий несет в себе риски возвращения в прошлое: «*Désespéré de bâtir l'avenir, l'État se rêve un passé héroïque, créant le mythe selon lequel l'histoire russe est une ligne ininterrompue de victoires*» («Отчаявшись построить будущее, государство грезит о героическом прошлом, создавая миф о том, что история России – это бесконечная череда побед») [Le Figaro, 11.09.20]. Образ провального, мрачного прошлого успешно культивируется французскими СМИ, которые в контексте президентских выборов 2018 года в России заявили о ее возвращении в СССР и вступлении в «брежневскую эпоху»: «*Présidentielle russe 2018: back in the USSR. A l'heure où Poutine s'apprête à entamer un 4e mandat, la Russie entre dans une ère brejnévienne*» [Le Point, 16.03.18]. Она названа французами «катастрофической» (*désastreuse*) и ассоциируется со стагнацией экономики, коррупцией и нефтедолларами [Le Monde, 11.03.20].

Сравнение России с Советским Союзом давно стало обыденным приемом иностранных журналистов и политтехнологов. Образ последнего вызывает в сознании фран-

цузского обывателя типичные и доведенные западной пропагандой до автоматизма стереотипные ассоциации недемократического, опасного государства-агрессора, «империи зла» и «тюрьмы народов», которые *volens-nolens* экстраполируются в соответствующем контексте на представления о будущем России. Это, в частности, ассоциации:

– о застое: *«Poutine occupera sa place jusqu'au bout et n'entreprendra aucune réforme d'envergure – exactement comme Brejnev»* («Путин будет занимать свое место до самого конца и не предпримет никаких масштабных реформ – точно так же, как Брежнев») [Le Courrier de Russie, 27.08.20];

– о мумифицировании советских вождей и пожизненном сроке их правления: *«Vladimir Poutine aura alors régné trente-six ans sur la Fédération russe. C'est-à-dire plus longtemps que le dirigeant soviétique momifié Léonid Brejnev (dix-huit ans), plus longtemps que Staline lui-même (trente ans)»* [Le Nouvel Observateur, 02.07.20];

– о системе массового принудительного заключения и содержания: *«Au chapitre des retombées positives de ces Jeux, on doit aussi ranger la libération, après 10 ans de goulag, de l'ancien oligarque Mikhaïl Khodorkovski, des Pussy Riots...»* («К позитивным результатам этих Игр мы также должны отнести освобождение после десятилетнего пребывания в ГУЛАГе бывшего олигарха Михаила Ходорковского, группы «Пусси Райот ...») [France 24, 07.02.14];

– о Комитете государственной безопасности (КГБ): *«Les espions ne font pas de bons politiques et Poutine reste un officier du KGB en mission secrète»* («Шпионы не становятся

хорошими политиками, и Путин остается офицером КГБ на секретном задании») [Le Figaro, 11.09.20];

– о политбюро – надзорном властном органе ЦК КПСС. Закрепление в Конституции РФ официального статуса Государственного совета было воспринято французскими СМИ именно как установление нового «политбюро» (*politburo*) и возвращение к советской системе государственного управления. Место во главе этой структуры, которая будет контролировать деятельность всех органов власти, в том числе президента и премьер-министра, отводится ими В. В. Путину, когда он решит покинуть свой пост [RFI, 21.01.20].

Таким образом, французские СМИ транслируют наиболее стереотипные представления о советском прошлом России, которые подкрепляют и без того укоренившиеся в сознании французского общества исторические реминисценции.

Властные полномочия в авторитарных государствах не передаются по наследству, как при монархии, однако они также пожизненны. Задача Путина, как считают французские масс-медиа, состоит в «склеивании» этих разных «кусочков российской истории» – царской и советской, чтобы обеспечить преемственность сегодняшней России и подчеркнуть главную общую характеристику всех эпох – «мощь государства и армии» [L'Express, 29.09.20].

Откат России в историческое прошлое, отсылка к предыдущим, старшим поколениям эффективно эксплуатируется французскими СМИ для продвижения образа ее будущего как заката, упадка и старости: «*La Russie est un pays vieillissant, où l'âge moyen est plus proche de quarante ans. À*

cet âge-là, l'avenir c'est la vieillesse et la décrépitude...» [Le Courrier de Russie, 11.02.19]. Демографическую проблему России иллюстрируют образом опасного, но больного медведя: «*La Russie, un ours dangereux, mais malade*» [Le Point, 27.08.15]. Такие метафорические образы формируют манипулятивные смыслы постепенного ослабления, умирания России и неизбежности ее конца: «*Russie est en déclin*» [RFI, 06.03.20]. К этому добавляется отсутствие «стратегии на будущее» и страха перед ним [Le Courrier de Russie, 11.02.19]. Наглядно демонстрирует движение России во времени визуальный образ антропоморфной метафоры: «*...la Russie se prépare à embrasser l'avenir à reculons*» («... Россия готовится встретить будущее, пятясь назад») [Libération, 06.03.20].

Образы старости и упадка России, фигурирующие во французских СМИ, встраиваются в ряд морбиальных образов, которые репрезентирует метафорическая модель: «РОССИЯ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ». Политические тексты, посвященные как внутренней, так и внешней политике Российской Федерации, содержат большое количество лексических единиц, относящихся к сфере-источнику «Болезни», которые призваны отражать ее социально-экономические и политические проблемы: *mégalomane impérialiste* (о внешней политике России и личных амбициях президента), *anémie économique* (о состоянии экономики), *fléau endémique* (о коррупции), *système sclérosé* (о системе государственного управления) [Le Courrier de Russie, 02.10.20; L'Express, 25.08.20; Le Monde, 11.03.20; Le Point, 15.01.20]. Некоторые негативные факты или числовые значения обозначаются «симптомами» (*symptômes*) [Le Point,

27.03.19]. Президент России при этом «одержим» соперничеством и своей властью (*obsédé*), «отравлен своей собственной пропагандой» (*auto-intoxiqué par sa propre propagande*), а «полицейское» общество «одурело» от собственной безнаказанности (*abrutie par sa propre impunité*) [Libération, 23.09.20; RFI, 01.07.20; Le Monde, 27.06.20].

Намеренная пейоратизация образов настоящего и будущего России в какой-то мере может объясняться завистью определенных слоев французского общества к ее возрождению и возвращению статуса мировой державы, поскольку это во многом отражает великое прошлое самой Франции, которому нынешняя Пятая республика, к их большому сожалению, не соответствует, как не соответствуют уровню исторических фигур Наполеона, де Голля и Жанны д'Арк современные французские государственные деятели. С другой стороны, установки на дискредитацию и даже демонизацию России французскими и мировыми СМИ обусловлены откровенным политическим заказом западных политических элит, которым невыгодно ее возвышение и улучшение ее имиджа в мире [См.: Попова, Зарипов, 2017]. При этом французская журналистика применяет двойные стандарты: огромная машина массовой коммуникации, которая господствует в информационном пространстве стран Запада и формирует однообразное видение аспектов его внешней политики в отношении России, пропагандой не называется, однако на российскую интерпретацию происходящих событий навешивается именно этот ярлык.

Несмотря на существование концепции единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» и ее неоднократное упоминание французскими властями, в настоящее время во

Франции не относят нашу страну к европейской системе координат, пытаясь вернуть ее из другой галактики [L'Express, 24.06.20]. Российско-французское взаимодействие все более походит на «диалог глухонемых» («*dialogue de sourds*») [Le Courrier de Russie, 02.10.20], при этом французские политики не воспринимают Россию как надежного партнера из их собственной среды и с аналогичными ценностями (ЧУЖОЙ): «*On dit qu'il faut une grande cuillère pour manger avec les Russes. Nous avons une grande cuillère et nous savons l'utiliser quand il faut...*» [Le Monde, 07.12.19].

Если вы едите с кем-то из общего котла, но утверждаете, что вам нужна большая ложка, это значит, что вы сомневаетесь в том, что сможете наесться, и, значит, не доверяете товарищу или и вовсе считаете его чужим, незнакомым человеком. Если вам нужна в такой ситуации большая ложка, то вы не уверены в нем и думаете, что он будет есть быстро и не оставит вам ничего. Такова общая коннотация этой метафоры. Таким образом, с русскими, по мнению Ж.-И. Ле Дриана, нужно быть начеку, чтобы они тебя не обманули и не остались в выигрыше. Это – мышление человека, который не воспринимает другого как своего ближнего, которому можно доверять.

Между Россией и Западом констатируется все более расширяющийся ров (*fossé*) и даже целая пропасть (*gouffre*) непонимания в решении многих международных проблем [Ouest-France, 20.03.14; Le Point, 07.08.14]. Так, в разгар украинского кризиса было констатировано, что мосты между сторонами сожжены («*Cela veut dire concrètement que les ponts seront coupés sur beaucoup de sujets*») [Le Parisien, 03.03.14]. На фоне инцидента с А. Навальным и коммента-

риями российского руководства французская пресса посчитала, что президент России находится «в другом мире» (*dans un autre monde*) [Libération, 23.09.20]. Все эти метафоры являются элементами выстраиваемой метафорической модели «РОССИЯ И ЗАПАД – это РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА)», которая реализует метафорические смыслы взаимного размежевания и отдаления ввиду фундаментального различия ценностных взглядов и подходов к внутренней и внешней политике.

В контексте провокации с А. Навальным в статьях французской прессы снова начинают присутствовать ограничительные метафоры, реализующие отрицательные концептуальные векторы. Так, заявляется, что пространство президента России для маневра отныне ограничено (*champ de manœuvre réduit*), при этом он «отключен» от внешнего мира (*déconnecté*) и «изолирован в башне из слоновой кости» (*isolé dans une tour d'ivoire*) [Libération, 23.09.20; RFI, 01.07.20]. Выражение *tour d'ivoire* означает уход человека из общественной жизни с целью себя не скомпрометировать [Le Robert illustré, 2013: 1906–1907] и создает образ, вписывающийся в ограничительную метафорическую модель образа России.

Ее метафорические смыслы формируются и в том случае, когда Путина пытаются представить как национального лидера, оторвавшегося от реальности, живущего «в своем мире» глобальных международных вопросов и оторвавшегося от нужд населения в период пандемии: *«Vladimir Poutine a changé, il a cessé d'être un leader national. Il a désappris à faire publiquement preuve d'empathie, **il ne parle plus la même langue que le peuple**, il a pris ses distances,*

il vit dans son monde avec la Syrie, la Turquie, l'Ukraine, les questions géopolitiques, et je pense que ces lacunes dans le régime auront des conséquences dans l'avenir) («Владимир Путин изменился, он перестал быть национальным лидером. Он разучился публично проявлять эмпатию, он больше не говорит на одном языке с народом, он дистанцировался, он живет в своем мире с Сирией, Турцией, Украиной, геополитическими вопросами, и я думаю, что эти проблемы режима будут иметь последствия в будущем») [RFI, 22.04.20]. Такое представление действительности также обособляет личность президента, «разделяет» его и народ. Это делается с целью создания образа раскола верхов и низов в российском обществе.

Между простым народом и власть имущими французскими СМИ вводятся уже известные образы рва и пропасти. Первый обозначается безликим понятием *lambda* («посредственный, среднестатистический») и ориентационной метафорой «*Russie d'en bas*» («Россия низов»), а вторые – «новой аристократией» (*nouvelle aristocratie*), которым доступна *dolce vita* [Le Courrier de Russie, 29.10.20]. Между этими двумя слоями населения зияет огромная, «бездонная» пропасть (*gouffre abyssal*) [Там же], которая продолжает расти. В связи с ростом бедности население вынуждено работать «вчерную» (*au noir*), и французская пресса называет этот феномен «экономикой гаражей» (*économie des garages*) [Les Echos, 07.04.19] и экономикой «выживания» [L'Express, 23.05.16]. В первом случае метафора «гараж» порождает ассоциации подполья и бедности, во втором случае метафора *survie* («выживание») – крайней бедности и упадка. Одним из факторов ухудшения жизни россиян указывается

санкционный режим, принятый западными странами против нашей страны.

Французская пресса спешно посчитала, что и без того подорванные связи России и Запада чрезвычайно усугубит так называемое дело Навального, метафорически представленного последней каплей, переполнившей вазу: «*L'affaire Navalny **empoisonne** de façon vraiment sérieuse les relations entre les deux pays. C'est en quelque sorte **la goutte d'eau qui fait déborder le vase***» [L'Express, 07.09.20]. Однако этот инцидент не вызвал необратимых последствий в двусторонних и многосторонних отношениях: плотная международная повестка осени 2020 года с конфликтом в Нагорном Карабахе, многочисленными терактами на почве религиозного радикализма и продолжением пандемии коронавируса потребовали более тесных контактов и сотрудничества, а не разъединения и конфронтации.

Францию все более беспокоит сближение и взаимовыгодное сотрудничество Пекина и Москвы, которое стало косвенным следствием ее собственных враждебных действий. Французское политическое руководство не может до конца определиться, как вести себя с Россией. С одной стороны, оно осуждает ее действия на международной арене, принимает против нее санкции, вмешивается в ее внутренние дела (как было, например, с А. Навальным); с другой стороны, периодически сближается с ней по ряду вопросов, в том числе в связи с возобновлением горячей фазы конфликта в Нагорном Карабахе. В Париже критикуют своего президента за то, что на фоне начавшихся волнений в Белоруссии он требует от «диктатора» Лукашенко покинуть свой пост, однако при этом «дружит» с «самодержцем» Пу-

тиным: «...*certain nombre d'analystes, proches de l'opposition... trouvent le président français peu cohérent dans ses principes – demandant le départ du “dictateur” Loukachenko tout en faisant ami-ami avec l’”autocrate” Poutine*» [Le Courrier de Russie, 02.10.20]. Это периодическое «потепление» отношений с Россией обусловлено ее сближением с Китаем и желанием французов не потерять связи с Москвой окончательно. Кроме того, французские и российские политические элиты в какой-то степени объединяет ненависть по отношению к США [Там же], у которых, впрочем, первые находятся если не в подчинении, то в зависимости.

Геополитическое будущее России, по мнению французских СМИ, во многом будет зависеть от степени взаимодействия Москвы и Пекина. Если оно будет создано на основе равноправия, то через 30 лет этот союз сможет доминировать в мире, а Москва будет находиться «в авангарде вопросов обороны и безопасности» («*à l'avant-garde des questions de sécurité et de défense*»). В этом случае сотрудничество с Европой будет развиваться, и к 2050 году Россия сама «должна будет засыпать ров», о котором говорилось выше [Areion24.news, 16.12.19].

Второй сценарий развития событий – гегемонистский – подразумевает независимую и агрессивную политику России, которая будет укреплять свое господство на территории своей бывшей империи, ближнего зарубежья за счет своих «козырей» (*atouts*), таких как военная сила, углеводородные резервы, контроль северо-восточного морского пути.

Наконец, третий вариант для нее неутешителен: она может стать сырьевым придатком Китая, которому остро будут необходимы ресурсы для противостояния с США. В этом случае Россия видится французам китайской периферией (*périphérie chinoise*) [Russia Beyond, 28.02.17].

Состояние российской экономики — отдельное направление метафорической репрезентации французских масс-медиа. Они стараются заострить внимание на социально-экономических проблемах России, и в текстах СМИ фигурируют в основном отрицательные метафорические образы, нередко — пейоративного характера. Так, в противовес емкой характеристике России как «геополитического гиганта» (*géant géopolitique*) ее называют «экономическим карликом» (*nain économique*) [Le Monde, 28.02.20]. Подчеркивается, что российская экономика находится в стагнации и зиждется на «манне углеводородов» (*manne des hydrocarbures*), и только в зависимости от количества этой «манны» руководство сможет проводить те или иные реформы [France Inter, 19.03.18]. Лексема *manne* означает во французском языке «чудотворную пищу, посылавшуюся евреям в пустыне» [Le Robert illustré, 2013: 1623]. Такой метафорой подчеркивается одновременно и везение российского руководства, которому за счет приемлемых цен на энергоносители «посылаются» финансовые ресурсы, и их чудотворное происхождение («из воздуха»).

Отмечая введенные российским правительством выплаты на детей до 3 и 7 лет, французские политологи и журналисты иронично называют их «социальными подарками» (*cadeaux sociaux*), отождествляя российское руководство с «дарителем» благ [RFI, 22.01.20]. В отношении пре-

зидента России во французских СМИ вырисовывается ироничный портрет «доброго, мудрого правителя», в который вписываются метафорические образы «Путина-освободителя» («*Poutine le libérateur*») [RFI, 11.05.20], который наконец-то прекращает режим самоизоляции и дает людям выйти из дома, и «хорошего копа» (*good cop*), который разрешает, дарит, отпускает, а регулировку ограничительных мер оставляет главам регионов [Libération, 11.05.20]. Феномен иронии как речевого манипулятивного средства, применяющегося с целью тонкой насмешки, нивелирует заявленные положительные характеристики мишени и в контексте формирования какого-либо метафорического образа придает ему «ненастоящий», «наигранный» оттенок, действующий против нее.

В контексте антикоронавирусных ограничений российская экономика якобы находится в подорванном, даже критическом состоянии («*l'économie russe est aux abois*») [Libération, 11.05.20]. Понятие *aboi* (m) обозначает лай собак, затравивших зверя. Соответственно, морбиальная метафора *être aux abois* – «быть в отчаянном положении; быть в состоянии полного истощения» [Гак, 2006: 3] – употребляется субъектом информационного воздействия с целью преувеличения, гипертрофированного изображения упадка российской экономики. Ее состояние усугубили последствия пандемии, которая изображается «безликим» врагом (*ennemi sans visage*), обезоружившим (*qui a désarmé*) президента России и помешавшим ему быстро реализовать свои планы по обновлению Конституции [L'Express, 12.05.20; RFI, 22.04.20].

Тем не менее, некоторые французские источники отмечают положительные тенденции в таких перспективных направлениях развития российской экономики, как программирование и IT-технологии. Так, будущее сферы искусственного интеллекта в России оценивается как «лучезарное» (*l'avenir **radieux** de l'intelligence artificielle russe*) [Le Courrier de Russie, 28.11.17]. Россияне преуспели и в разработке своего первого микропроцессора, который «изменит будущее» – «информационным Феррари» [Le Courrier de Russie, 23.11.15].

В целом, развитие указанных сфер никак не соотносится с политическим курсом страны и состоянием экономики в целом и передается через метафорические смыслы скорости. Так, Москва «большими шагами» продвигается в разработке беспилотных автомобилей, обеспечивая «мобильность будущего»: «*Avec le géant Yandex en chef de file, Moscou progresse à grands pas sur la mobilité du futur*» [L'Express, 19.07.20]. Чтобы облегчить процедуру испытаний автономных такси, Россия «ускоряет темп» (*Pour faciliter les tests des voitures autonomes, la Russie met les bouchées doubles*) [Там же]. Подобные метафоры резко контрастируют на фоне негативно окрашенных метафорических словоупотреблений образа настоящего и будущего России, составляющих абсолютное большинство.

По результатам исследования, основанного на материалах 100 печатных и электронных текстов французских масс-медиа, можно заключить, что положительные маркеры репрезентации России во французских СМИ фигурируют лишь в контексте сильных личных качеств ее президента и развития перспективных отраслей российской эко-

номики. Метафорическая мозаика образа *будущего* России формируется в неделимой связи с образами ее *настоящего*, расширяя и дополняя их метафорические смыслы. Она деструктурирует ранее выявленные метафорические модели, привнося при этом отдельные элементы новых концептуальных установок.

Метафорический образ будущего России в целом формирует отрицательные коннотации и содержит концептуальные векторы агрессивности, опасности, упадка, отчуждения от внешнего мира и др. Анализ метафорических выражений показывает, что западные политические элиты формируют через французские масс-медиа пейоративные образы России как недемократической страны, лишенной будущего и обреченной на исчезновение. Несмотря на принятие поправок, обеспечивающих суверенитет государства и соблюдение его национальных интересов, французские журналисты и политтехнологи извращают их смысл. Они считают, что Россия этим изолирует себя от внешнего мира, переходит в глухую оборону против коллективного Запада и ужесточает режим внутри страны. При этом российская экономика изображается подорванной и стагнирующей, а население – бедным и выживающим. Информация подается аудитории предвзято, гипертрофированно и содержит значительное количество субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц.

За счет личных качеств президента Путина Россия изображается во внешней политике добившейся определенных успехов и вернувшей статус одной из ведущих мировых держав, но непредсказуемой, опасной и дестабили-

зирующей международную обстановку. В дальнейшем ее положение будет зависеть от степени взаимодействия с Китаем, в котором ей необходимо нивелировать отставание в экономической составляющей своими передовыми технологическими разработками в области обороны, безопасности, атомной энергетики. Европа, в первую очередь, в лице Франции время от времени пытается сблизиться с Москвой, чтобы окончательно не потерять в ее лице партнера, с которым можно решать различные международные вопросы, однако обеим сторонам в этом мешает фундаментальное различие в понимании равноправного взаимодействия и деградировавшая система двусторонних отношений.

Кроме выявленных ранее [Зарипов, 2016], в ходе исследования определены элементы следующих метафорических моделей образа настоящего и будущего России, отражающие основные концептуальные установки (манипулятивные послылы) французского дискурса масс-медиа:

БУДУЩЕЕ РОССИИ – это ПРОШЛОЕ / СССР / СТАРОСТЬ / УПАДОК;

РОССИЯ В БУДУЩЕМ – это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ / НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ (АВТОРИТАРНОЕ) ГОСУДАРСТВО / ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО / ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО / УКРЕПЛЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ;

ПУТИН – это ВЕЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ / ЦАРЬ / СТАЛИН / БРЕЖНЕВ / СТРАТЕГ / НЕЗАВИСИМЫЙ АКТОР / ВЕДУЩИЙ ИГРОК (АРБИТР) / ЛИДЕР ПОЛОЖЕНИЯ / ИЗОЛИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ / АВТОРИТАРНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ (ДИКТАТОР);

РОССИЯ И ЗАПАД – это РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА);

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ И НАРОД – это РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА).

Распределение оценочных характеристик метафорических образов России и их сфер-источников по средствам массовой информации, а также корреляции между сферами-источниками метафор образа России и их оценочными характеристиками приведены в Приложении. Каждое метафорическое словоупотребление приравнивалось к единице исследования независимо от количества повторений в процессе сплошной выборки. Первое число в показателях обозначает общее количество отобранных метафор образа России. Второе число указывает результаты подсчета метафор, вошедших в настоящее исследование. С помощью лингвостатистического метода (контент-анализа) удалось установить, что доля негативно окрашенных метафорических словоупотреблений, репрезентирующих образ настоящего и будущего России в синхроническом срезе, составляет 60% от их общего числа. Доля метафорических образов, вызывающих положительные коннотации, составляет всего около 11%. Погрешность подсчетов составляет не более 3%.

Исследование показало, что метафоры образа будущего России во французском дискурсе масс-медиа носят ярко выраженный амбивалентный характер: с одной стороны, они отражают исторически сформировавшиеся стереотипы о нашей стране, которые носят устойчивый и негативный характер, с другой стороны, сами обладают значительным стереотипогенным потенциалом и способ-

ствуют закреплению формирующихся моделей в сознании французской аудитории. Ввиду наличия пейоративных концептуальных установок в отношении России и искажения содержания ее жизненно важных характеристик, сообщения французских средств массовой информации следует рассматривать не иначе как *информационно-психологическое оружие*.

Сегодня концептуальная метафора намеренно используется на Западе субъектами информационного воздействия с целью дискредитации и «демонизации» России в глазах населения. Редкие попытки высказать иное мнение теряются и не могут изменить общей негативной тональности: «Достаточно открыть газеты, чтобы увидеть демонический образ вашей страны. Называют диктатурой, закрытой страной. При этом не трогают Китай или Катар с Саудовской Аравией, где с индивидуальными свободами (я уж молчу про права женщин) проблемы. О вашем лидере и о народе как таковом пишут нечестно, что и бьёт пока по имиджу страны» [Чинкова 2013].

2.4. Метафорический образ будущего России в неинституциональном медиадискурсе Китая

Проблематика статьи связана с изучением моделирования образа России в неинституциональном дискурсе КНР. Актуальность проводимого исследования обусловлена рядом экстралингвистических и интралингвистических факторов. Во-первых, работа выполнена в русле актуального направления политической лингвистики — лингвополитической прогностики, которая позволяет соединить языковую и социально-политическую реаль-

ность в изучении моделей будущего. Во-вторых, актуальность работы обеспечивается использованием современной методологии – когнитивно-дискурсивной парадигмы. В-третьих, современная геополитическая ситуация характеризуется ростом напряженности и недостатком взаимопонимания на международной арене. В этом контексте особую значимость приобретают идеи лингвокультурологии, направленной на поиск культурной специфики в анализируемых единицах и способствующей преодолению межкультурных конфликтов. В-четвертых, актуальность работы связана с выбором материала для исследования – Интернет-дискурсом. Практика свидетельствует о том, что в настоящее время электронно-опосредованная коммуникация выходит на первый план, что говорит о необходимости изучения особенностей и принципов ее функционирования.

Объектом исследования выступают метафорические словоупотребления со сферой-мишенью «будущее России» в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР. Предметную область составляет специфика метафорического моделирования образа будущего России в обозначенном дискурсе.

Неинституциональный политический Интернет-дискурс: к определению понятия

С точки зрения субъективного подхода к дифференциации разновидностей дискурса [Карасик 2002, 2018; Dijk 2008], медийный дискурс политической направленности или политический дискурс в СМИ является статусно-ориентированным и институциональным

по своей сути, представляя собой коммуникативное взаимодействие, порождаемое деятельностью общественных институтов.

СМИ выступают посредниками между аудиторией и социальными институтами. Освещая информацию, актуальную для принятия политических решений, важных для широкой общественности, массмедиа не только информируют граждан о взглядах политиков и последствиях их действий, о результатах политики, проводимой государством, и о ситуации на международной арене, но и целенаправленно устанавливают тематику новостей, определяя какие темы освещать, а какие игнорировать, занимают определенную позицию по вопросам внутренней и внешней политики, влияют на политический процесс на всех его этапах, на репутацию и образы как отдельных политиков, так и целых государств. По сути, дискурс массмедиа – это вторичный дискурс, поскольку информация, доводимая до потребителя, перерабатывается в соответствии с идеологическими и аксиологическими установками журналистов. Как отмечают специалисты, «технологичность политической коммуникации в СМИ реализуется по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов» [Иванова, Чанышева 2014: 39].

В век бурного развития информационных и коммуникационных технологий Интернет-дискурс стал новым каналом коммуникации, который активно используется для взаимодействия политических институтов и аудитории и является альтернативой традиционным медиа. Со-

ответственно, возрастает внимание отечественных и зарубежных исследователей к особенностям электронных СМИ и политического Интернет-дискурса, определяемого как совокупность текстов (политической проблематики), продуцируемых в виртуальной коммуникативной среде, предполагающей дистанцированное общение коммуникантов с помощью компьютерных технологий [Галичкина 2001]. Также исследователи указывают на такие специфические характеристики политического Интернет-дискурса как синкретичность и большая объективность (по сравнению с официальными СМИ) [Тагильцева 2006]; динамичность и эзотеричность [Сиркия 2018]; неофициальность, стихийность и многоголосие [Блинова 2019]; фантомность и фидеистичность [Бабитова 2017]; реконтекстуализация [Schäffner, Bassnett 2010].

Кратко охарактеризуем указанные черты. Под виртуальностью понимается возможность общаться с условным незнакомым собеседником. Синкретичность трактуется как слияние двух дискурсов – политического и Интернет-дискурса. Неофициальность, стихийность и многоголосие позволяют сетевому дискурсу объединить подвижные, быстро возникающие и угасающие тренды, существующие в конкретном речевом сообществе. Фантомность – это ирреальность политических явлений. Фидеистичностью называют опору на подсознание, тогда как реконтекстуализация означает процесс преобразования сообщений о политических событиях, высказываний политиков в соответствии с лингвистическими преобразованиями, такие как адаптация цитаты для ее включения в синтаксическую структуру предложения и др.

Коллоквиализм и неография относятся к лексической социо-стилистической вариативности, включающей в себя разговорные выражения в неформальных коммуникативных ситуациях, а также такие приемы, как аббревиатуры, фонетическая орфография, подавление гласных, логограммы и др.

Институциональный тип политического дискурса, как правило, противопоставлен неинституциональному, который «складывается в рамках бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального (политического) дискурса на медийный» [Красильникова 2012: 131].

Таким образом, неинституциональный политический Интернет-дискурс может быть определен как гибридный формат медийного и политического дискурсов, транслирующий аксиологические установки агентов электронно-опосредованной коммуникации и предусматривающий их статусное равенство. Это дискурс реагирования представлен гипержанрами сайта, блога, социальной сети, веб-сервиса, электронной библиотеки и др.

На наш взгляд, проблематика исследования образов будущего России, транслируемых в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе, является одним из перспективных направлений в развитии лингвополитической прогностики. Поскольку отсутствие и/или меньшая представленность ограничений и социальных характеристик авторов, переход обсуждаемой проблемы на уровень обыденного сознания, тенденциозная подача только положительных или только отрицательных фактов, замалчивание противоположных доводов, эмоцио-

нальность и экспрессивность сообщений, часто анонимных, будут способствовать еще большему проявлению когнитивных приемов редукции и конструированию черно-белых моделей будущего в упрощенном, заостренном, часто огрубленном виде по сравнению с прогностическими текстами традиционных СМИ.

Материал и методы исследования

Исследование образа России проводится на материале китайского неинституционального политического Интернет-дискурса. Выбор китайского дискурса обусловлен тем, что Китай, с одной стороны, является одним из основных геополитических и экономических партнеров России, с другой – выступает ведущим конкурентом мировых держав за лидерство. История и особенности двусторонних отношений государств в прошлом и настоящем, стратегическое взаимодействие и координация в решении геополитических проблем и в вопросах сопряжения стратегий национального развития, укрепление дружественных связей между народами России и Китая – являются теми экстралингвистическими факторами, которые влияют на моделирование образа России в дискурсе КНР и обуславливают повышенное внимание китайских средств массовой информации к проблематике будущего России.

В сфере массмедиа Китай является одним из самых строгих регуляторов в мире. СМИ Китая в абсолютном большинстве случаев монополизированы государственной партией КПК, что предполагает контроль над радио, печатными изданиями и телевизионными канала-

ми, а также цензуру в сфере массовой информации. Сложная и эффективная система цензуры введена и для сети Интернет, которая также находится под надзором правительства Китая. Тем не менее, Интернет-дискурс Китая можно охарактеризовать как более открытую, менее ангажированную по сравнению с традиционными СМИ форму коммуникации.

В качестве источника материала для исследования авторами выбран популярный веб-сервис обмена мнениями 知乎(Zhihu). Веб-сервис представляет собой информационный ресурс, на котором граждане обсуждают горячие события и темы, в том числе международную политику.

知乎(Zhihu), сетевое сообщество вопросов и ответов, объединяющее пользователей из всех слоев общества, было презентовано в 2011 году в Пекине. Пользователи обмениваются друг с другом знаниями, опытом и идеями, размещая в сети интернет разнообразную информацию на китайском языке. 知乎(Zhihu), интернет-энциклопедия, «энциклопедия знаний» или «университет знаний», включает многочисленные вопросы и ответы пользователей. В июле 2018 года объем финансирования этого ресурса составил около 300 млн. долларов США. В июне 2018 года аудитория «университета знаний» 知乎(Zhihu) достигла 6 миллионов пользователей, которые получают доступ к ресурсу на коммерческой основе. Каждый день сайт собирает более миллиона человек.

На странице вопросов пользователь может получить ответ на интересующий вопрос и ответить на во-

просы других пользователей. В этом разделе существует опция редактирования, которая позволяет вносить изменения и дополнения в вопросы и ответы, комментировать их, сообщать администратору, какая тематика интересна, или наоборот, неуместна. Пользователь может сортировать ответы по релевантности. В результате, в профиле каждого пользователя вопросы отсортированы автоматически в соответствии с его интересами и приоритетами [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»].

Сайт оснащен автоматическим поисковым менеджером. Отбор материала осуществлялся по ключевым иероглифам: 俄罗斯 (Россия), 制裁 (санкции). Результаты выборки, включающие статьи отдельных пользователей и комментарии к ним, были выведены на главную страницу ресурса и отсортированы по релевантности. Тематической доминантой собранного массива материала являются антироссийские санкции – «ограничительные меры, запланированные или введенные страной-санкционером против страны-оппонента и направленные на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [Бойко 2020: 13].

Используя систему параметров, предложенную Т. Г. Добросклонской, для описания интернет-медиатекстов, которые составили массив материала для исследования, можно охарактеризовать каждое вхождение в картотеку с точки зрения «особенностей его про-

изводства, канала распространения и лингвоформатных признаков» [Добросклонская 2014: 183]. Применим этот набор параметров к нашему предмету: способ производства текста – авторский; форма создания и воспроизведения – письменная; канал распространения – средство массовой информации, носитель: Интернет; функционально-жанровый тип текста – комментарий; принадлежность к устойчивому медиатопику – антироссийские санкции.

Из собранного массива с помощью ручной выборки были извлечены неметафорические и метафорические средства выражения будущего. Для анализа фактического материала привлечены методы лингвополитической прогностики, интегрирующей идеи и положения когнитивной лингвистики, прогностики, политологии, лингвополитологии и метафорологии [Солопова, 2017, 2019, 2020; Solopova, Chudinov, 2019; Chudinov, Solopova, 2015].

Каждая модель будущего в лингвопрогностическом исследовании изучается на трех уровнях: матричного анализа, синтезирующего методологию когнитивно-матричного анализа и стратегической матрицы, используемой в политическом прогнозировании; системы метафорических моделей, в котором методика метафорического моделирования дополнена междискурсивным и внутридискурсивным сопоставлением в диахроническом аспекте; сценарного представления будущего с условным разветвлением на две предельных альтернативы вероятного развития государства – «светлое» будущее и «мрачное» будущее.

В исследовании представлен фрагмент исследования модели будущего – анализ системы метафорических моделей, которая зафиксирована в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР о будущем России. Изучение специфики метафорических моделей, представляющих образ будущего, проводится в русле методики, разработанной А. П. Чудиновым [Чудинов 2012: 88–89] и развиваемой в рамках Уральской школы политической лингвистики его последователями и учениками [Будаев 2010; Будаев, Чудинов 2012; Ворошилова 2007; Дзюба 2017; Красильникова 2012; Нахимова 2006; Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Solopova, Pyushkina 2017]. На данном уровне происходит анализ системы метафорических моделей, включающий количественную и содержательную обработку: фиксацию метафор, создание системы метафорических моделей, определение частотности их употребления, распределение метафор на шкале частотности, выявление доминантных метафорических моделей, структурирование каждой метафорической модели, определение наиболее частотных фреймов и слотов, установление прагматического потенциала метафоры. Применение когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического методов позволяет выявить факторы, влияющие на активизацию метафор в политическом Интернет-дискурсе.

Результаты исследования

Из массива материала, попавшего в выборку и составившего 300 контекстов, были отобраны 60 контекстов, имеющих метафорическую составляющую. В таб-

лице метафорические модели ранжированы по шкале частотности, за 100% выступает выборка из 60 метафорических контекстов.

Таблица 7

Метафорические модели со сферой-мишенью
«Будущее России»

Будущее России – это	Процентное соотношение
Мир неживой природы	27,8%
Родственные отношения	23,3%
Организм	20%
Спорт	8,3%
Игра	6,7%
Мир животных	6,7%
Монархия	3,3%
Другие	4,8%

Самой частотной метафорической моделью выступает метафора неживой природы (фрейм «вода», слот «лед»):

打破美俄关系的 “坚冰”，不是那么容易的事情，更不是一朝一夕、一蹴而就的事情。*(Сломать «лёд» российско-американских отношений не так-то просто, и уж тем более не в одночасье).*

Метафора «льда» используется как для моделирования российско-американских отношений в настоящем, так и для прогнозов развития этих отношений в будущем. Лед – это замерзшая, перешедшая от низкой температуры в твердое состояние вода. Также в переносном смысле он является символом холодности, неприязни, сомнений [在线汉语词典 – онлайн словарь китайского языка]

ка, режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html3/1815.html>]. Иероглиф «冰» (лед) в данном контексте употребляется с прилагательным «坚» (толстый), в связи с этим метафорическое словосочетание «толстый лед» несет в себе смысл сильной конфронтации между Россией и Америкой. Кризисы в отношениях США и России особенно после воссоединения последней с Крымом часто сравнивают с холодной войной. Специалисты уточняют, что российско-американские отношения в контексте украинского кризиса достигли самой худшей точки за всю историю и что восстановление отношений и восполнение ущерба после проводимой санкционной политики займет десятки лет [Войтоловский 2014: 80; Бубнова 2015: 83]. Во время украинского кризиса США и Евросоюз различными антироссийскими законопроектами и санкциями пытались «изолировать» Россию. Ограничительные меры коснулись целых отраслей российской экономики, поскольку Европа была главным торговым партнером России «(41% торговли страны до введения санкций) и 75% прямых инвестиций в Россию до 2014 г. поступало из Европы» [Бубнова 2015: 85]. Так, вся сложность отношений России и Америки репрезентируется метафорой, лингвистическим и экстралингвистическим контекстами.

Метафорическое словосочетание «晴天» (солнечный день) (фрейм «климат», слот «погода») также востребовано при репрезентации будущего российско-американских отношений:

俄罗斯专家指出，俄美关系短期内难见晴天。（*Российские эксперты отмечают, что в краткосрочной пер-*

спективе российско-американские отношения вряд ли будут солнечными (досл. – увидеть *солнечную погоду* (прим. авторов)).

Иероглифы «晴天» (солнечный день) транслируют смыслы чистого неба, хорошего дня [在线汉语词典 – онлайн словарь китайского языка]. В лингвистическом окружении метафора «晴天» (солнечный день) реализует противоположные коннотативные смыслы (пасмурное небо), поскольку автор комментария не прогнозирует улучшение и нормализацию российско-американских отношений. Настоящее двусторонних отношений определяет их «мрачное» будущее, что коррелирует с предыдущей метафорической проекцией «坚冰» (толстый лед).

На втором по частотности месте находится метафорическая модель родственных отношений (фрейм «взаимозависимость», слот «межличностные отношения»):

中俄背靠背的关系应该是不动摇，战略上相互支持的态势也不会改变。*(Отношения «спина к спине» (досл. – прим. авторов) между Китаем и Россией должны сохраниться, тогда не изменится ситуация стратегической поддержки друг друга).*

В рамках данной метафоры образ будущего России актуализируется через ее взаимоотношения с Китаем, через раскрытие потенциала двусторонних отношений и формирование задела для их будущего развития. Метафорическое выражение «背靠背» (спина к спине), состоящее из двух иероглифов «背» (спина) и иероглифа

«靠» (доверять, зависеть от, опираться и др.) [在线汉语词典 — онлайн словарь китайского языка], означает доверие, взаимозависимость. Китай — один из главных политических и экономических партнеров России. За время украинского кризиса отношения между странами стали еще крепче как экономически, так и политически. Метафорическое словоупотребление профилирует смысл того, что несмотря на давление Запада, страны должны держаться вместе, чтобы противостоять ему.

Данная метафора регулярно используется в неинституциональном политическом дискурсе при моделировании будущего России и ее отношений с КНР и пересекается с источниковой сферой «физиология»:

中俄关系牢固了，两国就能背靠背，不带包袱地与其他大国握手。 (*Отношения между Китаем и Россией настолько прочные, что обе страны могут без проблем спина к спине пожать руки другим великим державам*).

В данном примере метафорическое словоупотребление «背靠背» (спина к спине) несет смысл полного доверия между двумя странами, поскольку у обеих стран за спиной нет никакого бремени («包袱» означает бремя, ноша [在线汉语词典 — онлайн словарь китайского языка]), они открыты друг перед другом. Таким образом, метафоры продуцируют образ крепких отношений России и Китая, которые построены на взаимном доверии и открытости, что создает перспективы для их развития и дальнейшего сотрудничества.

不难想象一个领土面积世界第一，横跨欧亚大陆，人口众多（相对欧洲各国）祖上曾经辉煌无比甚至在死了以后吃了二十多年老本仍然可以继续吃的国家，一旦放开制裁，重新崛起就是分分秒秒的事，况且崛起之后的老毛子第一个要对付的恐怕就是落井下石的欧洲（特别是东欧）各国，你是欧美你敢放松制裁吗？*(Нетрудно представить себе страну, которая занимает первое место в мире по площади и протягивается на всю Евразию, с большим населением (по сравнению с европейскими странами), страну, которая когда-то блистала, и даже после своей смерти более двадцати лет все еще пожинала (досл. – ела (прим. авторов)) былые успехи и по-прежнему почивает на лаврах (ест – досл. (прим. авторов)). Как только санкции закончатся, ее возрождение является вопросом минут, даже секунд. Кроме того, первое, что будет делать **волосатик** после своего восхождения на вершину, – это, вероятно, «добивать» («бросать камни на упавшего в колодец» – досл. (прим. авторов)) европейские (особенно восточноевропейские) страны. Европа и Америка, и вы осмеливаетесь ослабить санкции?).*

В представленном контексте также задействована метафора «老毛子» (волосатик) – грубое прозвище русских [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info], [在线汉语词典 – онлайн словарь китайского языка]. Уничижительное прозвище возникло в последние годы

правления династии Цин, когда Российская империя захватила часть китайских территорий и некоторые из русских обосновались в северо-восточном регионе. Согласно данным «Байду байкэ», варварский характер иноземцев и их внешний вид способствовали тому, что простой люд дал русским презрительное прозвище [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»].

Метафорическая единица «волосатик» относится к сфере-источнику «Организм» (по сравнению с монголоидами европеоиды имеют более развитый волосяной покров). Однако в ней исторически закреплены негативные смыслы агрессивного поведения, которые переносятся на концептуализацию поведения России-волосатика в будущем. Идиоматическое выражение «落井下石» (бросать камни на упавшего в колодец) (в значении «добивать») умножает негативную оценочность, транслируемую первой метафорой: не помочь в беде, добавить неприятностей [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Так, данная метафора репрезентирует безжалостность России-волосатика к оппонентам в будущем.

Следующей метафорической моделью является метафора спорта (фрейм «борьба», слот «поединок»):

双方的较量仅限于借助军演“秀肌肉”，任何一方都不会希望真的发生冲突。*(«Поединок» между двумя сторонами ограничен «игрой мускулами» – использованием военных учений, но ни одна из сторон не хочет, чтобы конфликт действительно произошел).*

Метафорический оборот «秀肌肉» (играть мускулами) активно используется в Интернет-дискурсе КНР об антироссийских санкциях, профилируя прогностические смыслы о вероятном будущем отношений России с Америкой и странами НАТО:

要真正遏制俄方，北约要付出的太多，“秀肌肉”对双方都将造成损失。*(Чтобы по-настоящему сдерживать Россию, НАТО нужно слишком много заплатить, а «игра мускулами» нанесет ущерб обеим сторонам).*

В данном примере метафорическое словоупотребление «игра мускулами» прогнозирует вероятные потери в проводимой политике как для стран НАТО, так и для России, что акцентирует необходимость поиска мирных путей для решения противоречий.

Словоупотребление «秀肌肉» (играть мускулами / мышцами) имеет переносное значение демонстрации силы [Большой Китайско-Русский Словарь bkrs.info]. В проанализированном материале оно означает демонстрацию военной мощи, военного превосходства. Так, метафорический оборот транслирует смысл того, что только сильные страны могут позволить себе подобное противостояние: среди них – страны НАТО и Россия.

Менее частотной метафорической моделью выступает метафора игры (фрейм «азартные игры», слот «карточная игра»):

...乌克兰危机使得欧俄关系跌入了冷战结束以来的最低谷，俄罗斯对克里米亚的兼并行为威胁到了欧洲的安

全，使其不得不做出制裁回应，即便欧盟手中可用的“牌”十分有限，甚至制裁会伤害到欧洲自身的经济。(… во время украинского кризиса отношения между Европой и Россией достигли самой низкой точки со времен окончания холодной войны. Присоединение Россией Крыма подвело Европу опасности и заставило ее наложить санкции на Россию, несмотря на то, что «карты» у ЕС ограничены и что санкции могут нанести ущерб собственной экономике Европы).

Метафора репрезентирует взаимодействия геополитических авторов как игру в карты, прогнозируя возможный исход: игра в карты подразумевает одного победителя, при раздаче по воле случая у одного игрока на руках оказываются хорошие карты, у другого – плохие. Так, в приведенном примере метафорическая единица прогнозирует проигрыш Европы, поскольку у ЕС не самый лучший набор карт. «Ограниченный выбор карт» подразумевает то, что экономика ЕС во многих секторах зависит от России: до введения санкций «84% российской нефти и 76% российского газа поставлялись в европейские страны, причем Болгария, Румыния, Венгрия получали 100% своего газа из России» [Бубнова 2015: 86], в связи с этим у Европы не так много возможностей, чтобы с помощью санкций повлиять на действия своего оппонента. Данный прогноз подтверждается в следующем контексте:

不过俄罗斯最让欧盟忌惮的，还要数能源供应这张“王牌”。(Больше всего Россия заставляет бояться Евро-

союз, поскольку ЕС помнит о российском «**козыре**» энергоснабжения).

В приведенном примере метафорическая единица «**王牌**» (козырь) указывает на господство России над Европой в нефтегазовой отрасли, в связи с чем Европа, проводя санкционную политику, опасается ответных действий России.

Следующей метафорической моделью, зафиксированной в неинституциональном политическом дискурсе КНР, выступает метафора животного мира (фрейм «дикие животные», слот «медведь»):

更让欧盟担心的是，制裁的枷锁会让俄罗斯这头“**北极熊**”愤而回击，造成更严重的后果。(EC еще больше беспокоится о том, что кандалы санкций могут рассердить «**белого медведя**» и заставить его дать отпор, что приведет к еще более серьезным последствиям).

Метафора «медведя» частотна при моделировании образа России в сложившейся ситуации и ее будущего на мировой арене в дискурсах различных стран [Котеленец, Затуловская, Лаврентьева 2018; Махмутова, Ушакова 2012; Де Лазари, Рябов, Жаковска 2013]. Интересно, что в китайском Интернет-дискурсе при метафорическом представлении образа России и ее будущего востребованы словоупотребления с положительным прагматическим потенциалом «пушистый медведь», «белый медведь». Вероятнее всего, это объясняется следующим. С одной стороны, «**北极熊**» (белый медведь) – популярный талисман зимней Олимпиады 2014 года в Сочи, китайцы называют его «мишка». С другой – белый медведь сим-

волизирует Россию, и, соответственно, мощную силу, которой она обладает [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Употребление положительно окрашенных единиц обусловлено тем, что Китай принимает российскую сторону, поддерживает и понимает «пушистого медведя». В метафорическом контексте транслируется смысл опасности проводимой политики для Европы, а не для России: белый пушистый мишка может в одночасье превратиться в свирепого медведя и ответить на санкции. Используя метафору, автор комментария указывает на то, что и в условиях санкций Россия может влиять на развитие ситуации в будущем.

К зооморфным метафорам, моделирующим образ России, в китайском неинституциональном Интернет-дискурсе, относятся также следующие специфические образы:

有个很形象的比喻：中俄就像两只刺猬抱团。一方面面对西方的压力，两国不得不抱成一团来对抗。另一方面，双方由于地缘关系，互相都警惕和防范着对方。(Есть очень образная метафора: **Китай и Россия словно два ежа**. С одной стороны, столкнувшись с давлением Запада, обе страны должны объединиться, чтобы противостоять ему. С другой – обе стороны настороженно относятся друг к другу и остерегаются друг друга из-за геополитических вопросов).

В приведенном контексте метафорическое словосочетание моделирует не только образ российско-китайских отношений в настоящем, но также несет про-

гностический смысл об их вероятном развитии. 刺猬(еж) – общий термин для класса млекопитающих, принадлежащих к подсемейству ежей. Еж охотится в ночное время суток, очень пуглив, во время опасности сворачивается в клубок и выставляет свои иглы наружу. Ежи-самцы агрессивны по отношению друг к другу, ревностно охраняют свои участки. В новых условиях могут жить в общем гнезде [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Так, метафорический оборот 中俄就像两只刺猬抱团 (Китай и Россия словно два ежа) репрезентирует Россию и Китай как ревностных защитников собственной территории, которые живут недалеко друг от друга, но достаточно обособленно. Прогностические смыслы связаны тем, что при попытке Запада повлиять на политику России и Китая, страны будут противостоять Западу вместе, но при сильном сближении могут начать колоть друг друга.

Менее востребованной метафорической моделью является метафора монархии (фрейм «государственное устройство», слот «империя»):

俄罗斯要是想沦为二流强国也就罢了，如果想再次崛起，不一定要达到苏联的状态，如果达到沙皇俄国的状态，吞并克里米亚以及乌克兰都是必须的，而克里米亚的优先级远高于乌克兰。*(Если Россия хочет стать второсортной державой, то дело уже сделано. Если она хочет снова подняться, необязательно до статуса Советского Союза, но хотя бы до **статуса царской Рос-***

сии, ей необходимо присвоение Крыма и Украины, при этом, Крым в большем приоритете).

Наибольшую активность при моделировании будущего России монархические метафоры проявляют во время украинского кризиса:

短期看俄国要想重回沙俄时代成为列强之一就必须
要整合白俄罗斯和乌克兰。(В краткосрочной перспективе Россия должна будет интегрировать Беларусь и Украину, чтобы вернуть статус **царской России** как одна из великих держав).

Монархические метафоры моделируют вероятные действия России и пути ее развития, которые соответствуют намеченной цели – вернуть статус сверхдержавы, что авторы комментариев связывают с имперскими амбициями государства. Территория Российской империи была огромна, она включала ряд самостоятельных ныне стран. Тем не менее, поскольку официально Китай является страной победившего социализма, которой правит коммунистическая партия, достижение статуса Советского Союза, как одна из альтернатив развития России, в глазах китайцев является приоритетной, но недостижимой целью в современных условиях. В лучшем случае она сможет вернуть себе положение, равноценное тому, которое занимала Российская империя на геополитической арене, но это на шкале приоритетов – лишь второе место.

Методология лингвополитической прогностики может успешно применяться при анализе неинституционального политического Интернет-дискурса, который понимается как гибридный формат медийного и полити-

ческого дискурсов, продуцируемый в искусственно созданной коммуникативной среде и транслирующий аксиологические установки агентов данного дискурса реагирования в социальной сети, комментариях к политическим статьям, политическим дискуссиям на форумах и др.

Анализ системы метафорических моделей, зафиксированных в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР показал, что к частотным относятся следующие: организм, мир неживой природы, родственные отношения, спорт, игра, мир животных, монархия. Полученные данные свидетельствуют о том, что в дискурсе КНР преобладают метафорические единицы мира неживой природы, прогнозирующие «мрачное» будущее российско-американских отношений. В контексте экономических санкций противостояние стран Запада с Россией, в котором, по мнению пользователей сайта 知乎(Zhihu), последняя занимает выигрышную позицию, концептуализируется в рамках метафорических моделей игры и спорта. Положительно окрашенные метафорические единицы родства и животного мира особенно активны при моделировании будущего российско-китайских отношений, что обусловлено экономическим и политическим сближением России и Китая. Физиологические и монархические метафоры прогнозируют усиление влияния России в мире, вместе с тем динамика этого усиления представляется умеренной по сравнению с перспективами самого Китая.

Содержательный анализ доминантных метафорических моделей с учетом сфер-источников и сферы-мишени метафорической экспансии, оценка их прагма-

тического потенциала и аксиологических характеристик свидетельствует о том, что активизация метафор в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР зависит как от меняющихся политических событий, так и от культурно обусловленной картины мира носителей китайского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенного исследования. В настоящее время политическая метафорология представляет собой междисциплинарную область научных изысканий, в которой можно выделить четыре основных направления: когнитивное, риторическое, дискурсивное и семиотическое. Политическая метафорология объединяет в себе достижения когнитивной науки и когнитивной лингвистики, эвристики политического дискурса-анализа и контент-анализа, концепции традиционной и новой риторики, методологические инновации иных современных исследований, сочетающих в себе идеи политической философии, прагматики, политологии. Для решения поставленных задач в качестве ведущей методологии был выбран когнитивно-дискурсивный подход, сочетающий как моделирование метафоризации на ментальном уровне, так и анализ экстралингвистических данных в дискурсе СМИ.

Как показало практическое исследование, при концептуализации будущего России в СМИ Великобритании наиболее востребованы милитарные и криминальные метафоры, метафоры монархии и пути. Будущее России в рамках каждой доминантной метафорической модели персонифицировано, то есть связано с именем Президента РФ. Так как будущее страны – это определение приоритетов развития с учетом современных реалий и актуальных вызовов, оно зависит от государственной политики, проводимой в настоящем, вполне закономерно, что в фокусе внимания британских СМИ находится

лидер государства. Доминантные метафорические модели профилируют смыслы угрозы, опасности России для окружающего мира, тупиковости выбранной российским руководством политики, аномальности и невозможности ее дальнейшего развития, позиционируя Россию как «чужого», наличие которого должно обеспечить единство Запада и его стремление к интеграционным процессам.

Отрицательная эмоциональная оценочность метафорических единиц в дискурсе о России и ее будущем направлена на формирование у адресата состояния внутреннего напряжения, беспокойства и тревоги. Однако беспредметный характер, обычно свойственный эмоциональному состоянию тревоги, в дискурсе британских СМИ материализован в конкретном образе: угрозу представляет вполне определенный геополитический субъект – Россия. Состояния тревоги и страха содействуют воспроизводимости закрепленных в сознании отрицательно нагруженных образов, снижению концентрации внимания, нарушению обработки потоков новой информации и способности противостоять дезинформации, что, соответственно, расширяет возможности манипулировать аудиторией, мотивировать адресата к нужным действиям и оценкам в восприятии России, формировать и корректировать его поведение, мировоззрение и систему ценностей.

Исследование метафор в СМИ США показало, что при концептуализации будущего России широко востребованы онтологические метафоры (FUTURE OF RUSSIA IS STATIONARY DESTINATION; FUTURE OF RUSSIA IS OBJECT MOVING TOWARDS US; FUTURE OF RUSSIA IS

OBJECT; STATES AND RELATIONS ARE OBJECTS; STATES ARE ACTIVE ENTITIES). Не обладая яркой образностью, онтологические метафоры воздействуют на адресата имплицитно, активизируя концепты базового уровня, обработка которых складывается на ранних этапах формирования когнитивных структур. В онтогенезе повторяющиеся процессы автоматизируются и переходят под контроль подсознательного уровня. Таким образом, адресату сложнее сознательно противостоять манипулятивному потенциалу онтологических метафор, которые активизируют концепты, задействованные в процессах автоматической когнитивной обработки.

В СМИ США онтологические метафоры используются для оценки политики России в понятиях приближения к будущему, оцениваемого положительно, и нежелания двигаться к будущему, что осмысляется в пейоративном ключе. Если учитывать, что в сознании американцев укоренена метафора FUTURE IS BETTER, то в будущее по умолчанию помещаются положительно оцениваемые сущности, и соответственно быстрое продвижение к будущему, сулящему блага, является положительным феноменом. Таким образом, внешнеполитические и внутривнутриполитические российские инициативы регулярно осмысляются как препятствия на пути к такому будущему. В качестве будущих благ, к которым Россия не продвигается из-за «ошибочной» политики, но которых «жаждет» население, выступают экономический подъем, диверсификация экономики, глобализация.

Помимо метафоры отсутствия движения к благому будущему, в СМИ США актуализируется метафора

движения России не в том направлении. Развертывание логики данной метафоры позволяет представлять цель политики США по отношению к России как направление последней на правильный путь, ведущий к «светлому будущему», даже если для этого приходится использовать различные способы политического давления.

Вариантом описания «неправильного движения» России является образ будущего России как движения в прошлое. Отсутствие в России внутривнутриполитических изменений, желаемых с точки зрения политических интересов США, и тем более восстановление влияния России на внешнеполитической арене оцениваются как движение в прошлое, что подкрепляется сравнением России с СССР.

Еще одна стратегия метафорической дискредитации России – онтологическое отрицание будущего как такового. Метафоры формируют представление о том, что у России нет будущего, а так как в англосаксонском сознании будущее связано с положительными оценками (FUTURE IS BETTER), такие прогнозы всегда носят негативный характер.

Таким образом, анализ СМИ США показал, что в подавляющем большинстве онтологические метафоры используются для активизации негативных смыслов при осмыслении будущего России, что свидетельствует о доминировании пейоративных сценариев в прогнозировании отношений между Россией и США.

Схожая картина мира формируется в СМИ Франции. По результатам анализа метафорических образов будущего России можно констатировать, что во французских СМИ доминируют концептуальные векторы агрессивности, опасности, отчуждения от внешнего мира. Информация

подается аудитории предвзято, гипертрофированно и содержит значительное количество субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц. В частности, французская пресса формирует манипулятивные послы, в соответствии с которыми Россия изолирует себя от внешнего мира, переходит к конфронтации против коллективного Запада и ужесточает режим внутри страны.

Положительные маркеры репрезентации России во французских СМИ фигурируют лишь в контексте личных качеств ее президента. Россия изображается добившейся во внешней политике определенных успехов и вернувшей статус одной из ведущих мировых держав, но непредсказуемой, опасной и дестабилизирующей международную обстановку. В дальнейшем ее положение будет зависеть от степени взаимодействия с Китаем, в котором ей необходимо нивелировать отставание в экономической составляющей своими передовыми технологическими разработками в области обороны, безопасности, атомной энергетики. Европа, в первую очередь, в лице Франции время от времени пытается сблизиться с Москвой, чтобы окончательно не потерять в ее лице партнера, с которым можно решать различные международные вопросы, однако обеим сторонам в этом мешает фундаментальное различие в понимании равноправного взаимодействия и деградировавшая система двусторонних отношений.

Исследование структурных метафор в неинституциональном Интернет-дискурсе Китая показало, что наиболее востребованы следующие сферы-источники: организм, мир неживой природы, родственные отношения, спорт, игра, мир животных, монархия. Полученные

данные свидетельствуют о том, что в медиадискурсе КНР превалируют метафорические единицы мира неживой природы, прогнозирующие «мрачное» будущее российско-американских отношений. В контексте экономических санкций противостояние стран Запада с Россией, в котором, по мнению китайских пользователей Интернет-сервисов, последняя занимает выигрышную позицию. Положительно окрашенные метафорические единицы родства и животного мира особенно активны при моделировании будущего российско-китайских отношений, что обусловлено экономическим и политическим сближением России и Китая. Физиологические и монархические метафоры прогнозируют усиление влияния России в мире, вместе с тем динамика этого усиления представляется умеренной по сравнению с перспективами самого Китая.

Содержательный анализ доминантных метафорических моделей, оценка их прагматического потенциала и аксиологических характеристик свидетельствует о том, что активизация метафор в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе Китая зависит как от экстралингвистических, дискурсивных особенностей, так и от культурно обусловленной картины мира носителей китайского языка. В отличие от СМИ западных стран, в которых доминируют сценарии негативного будущего России, в Китае превалируют положительные прогнозы о будущем России, а негативные сценарии доминируют по отношению сфере-мишени «российско-американские отношения».

В завершение отметим, что существующие тенденции формирования в общественном сознании западных

обществ представлений о «мрачном будущем» России коррелируют с усилением позиций России в самых разных сферах. Так как это усиление вступает в противоречие с интересами глобального бизнеса, контролирующего большинство мировых СМИ, едва ли стоит ожидать изменения ситуации. Пути противодействия коммуникативному и когнитивному навязыванию представлений о негативном будущем России в странах Запада видятся не только в демонстрации предвзятости западных СМИ и двойных стандартов в оценках происходящего, но и в активизации использования неинституциональных средств информации, значимость которых неуклонно повышается. Метафоры, активизирующие когнитивные структуры базового уровня и когнитивные процессы, реализуемые на подсознательном уровне обработки информации, вкупе с использованием децентрализованных каналов информации неинституциональных СМИ могут служить одним из механизмов противодействия информационной войне против России и социокультурным угрозам для российского общества и государства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Распределение оценочных характеристик метафорических образов России и их сфер-источников по средствам массовой информации, а также корреляции между сферами-источниками метафор образа России

Таблица П1

Распределение оценочных характеристик метафорических образов России по французским СМИ

СМИ / оценочная характеристика	Положительные	Нейтральные	Отрицательные
Le Monde	3 (1)	4 (4)	26 (26)
Le Figaro	5 (5)	13 (6)	25 (18)
Libération	0	12 (3)	12 (10)
Le Point	0	2 (1)	8 (7)
L'Express	3 (3)	7 (3)	19 (10)
Le Courrier de Russie	6 (4)	17 (5)	24 (16)
RFI	3 (3)	5 (5)	13 (13)
Другие источники	9 (9)	12 (11)	25 (17)
Общее количество	29 (25)	72 (38)	152 (117)

Таблица П2

Корреляции между основными сферами-источниками метафор образа России и их оценочными характеристиками

Сфера-источник / оценка	Положительные	Нейтральные	Отрицательные
Морбиальные, упадок			17/16
Военные	5/2	7/5	7/4
Театральные (цирковые)	1/1	2	14/6
Спортивные (игровые)	6/6	16/12	4/1
Монархические		18/15	24/14
Вечный правитель		5/2	12/5
Криминальные			16/12
Ограничительные		4/2	9/5

Сфера-источник / оценка	Положительные	Нейтральные	Отрицательные
Авторитарные (диктаторские)			15/11
Разные миры (берега)		2/2	9/5
Прошлое (включая СССР)		1/1	9/8
Скорость	4/4	1/1	
Общее количество	16/13	56/40	136/87

Таблица ПЗ

Распределение метафор образа России
по основным сферам-источникам

Метафоры	Общее количество	Le Monde	Le Figaro	Libération	Le Point	L'Express	Le Courrier de Russie	RFI	Другие источники
Морбиальные, упадок	17/16	3/3		2/2	3/2	2/2	5/5	2/2	
Военные	19/11		1/1	2		2	8/5	2/2	4/3
Театральные (цирковые)	17/7	3/2	4/1	2/2	1	2		4/1	1/1
Спортивные (игровые)	26/19		5/3	1		1/1	3/1	3/3	13/11
Монархические	42/29	6/3	16/12	6/3		6/3	3/3	1/1	4/4
Вечный правитель	17/7	5/5	1	5		5/2		1	
Криминальные	16/12	3/3	1	1/1	2/2	4/3	1/1		4/2
Ограничительные	13/7	1/1		3/1			6/2	2/2	1/1

Метафоры	Общее количество	Le Monde	Le Figaro	Libération	Le Point	L'Express	Le Courrier de Russie	RFI	Другие источники
Авторитарные (диктаторские)	15/11	1/1	7/7				2		5/3
Разные миры (берега)	11/7			1/1	1/1	1/1	4/1	2/1	2/2
Прошлое (включая СССР)	10/9	1/1	3/2	1/1	2/2		1/1	1/1	1/1
Скорость	5/5			1/1		2/2	1/1	1/1	
Общее количество	208/140	23/19	38/26	25/12	9/7	25/14	34/20	19/14	35/28

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д. В. Связи в диаде «политический дискурс – общественно-политические СМИ»: функционирование и значение // Politbook. 2015. № 2. С. 104–113.
2. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование конфликта на Украине в издании «Гардиан»: ключевые дискурсивные метафоры // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 673-676.
3. Бабитова Л. В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса: автореф. диссертации канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 28 с.
4. Бабкина В. А. Роль морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 765. С. 9-16.
5. Багичева Н. В. Образы матери-Родины и Большой семьи в метафорическом онтогенезе // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 102-112.
6. Базылев В. Н. Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык: материалы Всерос. науч. конф., г. Москва, сент. 2012 г. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 9–50.
7. Баранов А. Н. Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
8. Баранов А. Н., Северская О. И. Образы России в метафорах и метонимиях в современном политическом и социально-поэтическом дискурсах // Языковая личность: аспекты изучения: Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 27-33.

9. Барышникова Г. В., Дубинина И. И. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (137). С. 179–185.

10. Беглова Е. И., Шмёлева О. Ю. Метафора как средство политической коммуникации (на материале посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2012–2015 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 1–15.

11. Белова В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 122–129.

12. Блинова О. А. Мультиmodalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93.

13. Богданович Г. Ю., Неелова О. И., Сегал Н. А. Метафора как средство декодирования общественно-политических реалий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 96–100.

14. Богословская Г. В. Образ России во Франции в 2000–2012 гг. по материалам французской прессы // Известия Алтайского государственного университета. № 4 (88). 2015. С. 61–65.

15. Боева-Омелечко Н. Б., Костенко Т. Ф., Володько В. Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 3. С. 61–68.

16. Бойко А. В. Санкционный дискурс как формат политического дискурса // Studium Juvenis. Челябинск, 2020. № 12. С. 10–13.

17. Большой Китайско-Русский Словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 15.09.2020).

18. Борискина О. О., Дони́на О. В. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 167–171.

19. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса (по материалам современных публикаций в СМИ) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 49–56.

20. Бубнова Н. И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 81–97.

21. Будаев Э. В. Введение в политическую лингвистику. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 168 с.

22. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафорики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 88–92.

23. Будаев Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 37. С. 11–16.

24. Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. М.: Флинта, 2018. 248 с.

25. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 220 с.

26. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9–23.

27. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. 276 с.

28. Будаев Э. В., Курейко В. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях

новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 93–98.

29. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 43–49.

30. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2012. 248 с.

31. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. 3 изд. М.: Флинта; Наука, 2018. 248 с.

32. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 213 с.

33. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 56–70.

34. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–2018 гг.) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196.

35. Буженинов А. Э. Что союз грядущий нам готовит? (отношения В. В. Путина и Д. Трампа во французской политической карикатуре) // Сопоставительная лингвистика. 2017. № 6. С. 17–23.

36. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности; пер. с франц. А. Бикбокова // Логос. 2003. № 4–5. С. 30–41.

37. Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930–1954 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014.

38. Вахмянина Е. А., Будаев Э. В. Отравление в Солсбери как сфера-мишень метафорической экспансии в СМИ России и Великобритании // Лингвокультурология. 2020. № 14. С. 38–47.

39. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.

40. Веснина Л. Е. Образ России-игрока в китайской газете «Жэньминь Жибао» // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 133–137.

41. Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 67–84.

42. Ворошилова М. Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73–78.

43. Ворошилова М. Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.

44. Газинская Ю. В. Метафора как когнитивный механизм моделирования политической реальности в русскоязычном пространстве медиадискурса Украины // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 86–89.

45. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2006. 1160 с.

46. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань: АГПУ, 2001. 212 с.

47. Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 108–125.

48. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 36–40.

49. Даннеберг Л. Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история метафор; сб. статей под ред. Х. Э. Бедекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 189–297.

50. Де Лазари А., Рябов О. В., Жаковска М. «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде первой мировой войны // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 54–67.

51. Дзюба Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 31–40.

52. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 181–187.

53. Дулесов Е. П. Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX в.): дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2019.

54. Дулесов Е. П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 96–100.

55. Зайцева Е. Л. Метафорическая репрезентация концепта терроризм в тексте англоязычных таблоидов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 76–80.

56. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2014. № 2. С. 145–158.

57. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76–85.

58. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской

войны на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 172–180.

59. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М.: Р. Валент, 2016. 220 с.

60. Зими́на М. В., Ополовникова М. В. Метафорический портрет президента России в немецкоязычной прессе // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 235–239.

61. Зиновьев Н. В., Нахимова Е. А. Доминантная метафорическая модель «Движение» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 57–64.

62. Зубакина Т. Н. Интерпретационный аспект в изучении метафорической персонификации России (на материале текста У. Черчилля "The World Crisis. 1916-1918") // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 109–112.

63. Зубакина Т. Н. Метафорическое моделирование как способ реконструкции индивидуальной языковой картины военного события (на материале текста мемуаров У. Черчилля) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 82–86.

64. Зуева К. Образ России: взгляд из Франции // Мировая экономика и международные отношения. № 2. 2008. С. 51–60.

65. Иванова Е. В. Метафорический образ Родины (на примере монархической и театральной метафор в немецкой прессе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (26). 2013. Ч. 2. С. 73–76.

66. Иванова С. В., Чанышева З. З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 39–47.

67. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

68. Карасик В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 9 (1). С. 32–49.

69. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 21 с.

70. Квятковский К. О. Дискурс политической блогосферы как объект политологического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. № 10 (269). С. 138–141.

71. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации. Кемерово: КГУ, 2015.

72. Кипина М. А., Плотникова М. В. Victim of Russian bear: image of Ukraine in French political cartoons 2014-2018 // Составительная лингвистика. 2018. № 7. С. 26–33.

73. Кондакова Ю. В. Образ медведя как символ России и его трансформация в современной французской политической прессе // Вестник Краснодарского государственного института культуры. № 1 (18). 2019. С. 20–29.

74. Кондратьева О. Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 80–84.

75. Кондратьева О. Н. «Перестройка» и «перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 32–39.

76. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 34–47.

77. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008. 176 с.

78. Королева Г. Г. Специфика визуальной семиотической системы в американских политических рекламных роликах // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 87–94.

79. Королева Т. А. Манипуляция сознанием посредством метафорического представления России в зарубежных англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 7 (61). С. 112–115.

80. Котеленец Е. А., Затуловская М. С., Лаврентьева М. Ю. «Русский медведь» – динамика изменений образа России в мире // Научный диалог. 2018. № 7. С. 164–176.

81. Котов Б. С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны) // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. 2014. Т. 1. С. 94–110.

82. Коцюбинская Л. В. Метафора "информационная атака" как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 77–81.

83. Красильникова Н. А. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 42–49.

84. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории в экологическом дискурсе США, России и Англии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 25 с.

85. Красильникова Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети интернет // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 130–138.

86. Красильникова Н. А. «Герой или злодей?» Образ России в концептуальных метафорах дискурса общественности на сайтах СМИ Великобритании // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материа-

лы Междунар. науч. конф. 13–17 сент. 2010 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 85–88.

87. Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 2. С. 77–90.

88. Курейко В. В. Метафорическая репрезентация референдума в Крыму в комментариях новостных порталов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 92–107.

89. Лапина Н. Ю. «Двойное зеркальное отражение», или как воспринимается современная Россия во Франции // Россия и современный мир. № 4 (81). М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 58–75.

90. Логунов Т. А. Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2007. 26 с.

91. Лямина А. П. Монархические метафоры в российских СМИ // Проблемы массовой коммуникации: материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью / Под общ. ред. В. В. Тулупова. Воронеж: ВГУ, 2020. С. 98–100.

92. Мазаева Т. В. Образ В. В. Путина в контексте информационной войны (на материале The New York Times) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 38–43.

93. Мардиева Л. А. В поисках комического: стилистическая трансформация вербально-визуальных образов плаката в структуре газетных текстов // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 114–119.

94. Матова Ю. В. Политическая коммуникация как сфера-мишень метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках (по материалам национальных лингвистических корпусов) // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 48–54.

95. Махмутова Л. Ф., Ушакова Н. В. Медведь как символ России и как политический образ на западе // Политические науки. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. С. 109–115.

96. Медведева Е. А. Прагматический аспект использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента Российской Федерации В. В. Путина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 148–152.

97. Миронова М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина *lame duck*) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 141–146.

98. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 21 с.

99. Михайлова О. А. Метафорическое моделирование образа Украины в российских СМИ (динамический аспект) // Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: Материалы международной научной конференции. 23–25 ноября 2017 г. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. С. 323–330.

100. Мишин А. В. Репрезентация образа России в журнале “Der Spiegel” (анализ заголовочного комплекса) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 6. С. 994–999.

101. Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 235 с.

102. Мухортов Д. С. Метафора во внешнеполитическом дискурсе как проявление общности идеологических установок англо-саксонских политиков (на материале выступлений Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера в 2014–2015 гг.) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. С. 175–182.

103. Нартикова З. А., Зайцева О. Л. Метафорическая аргументация в политическом дискурсе: лингвокультурологический аспект (на материале выступлений российских и американских лидеров) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 1. С. 136–142.

104. Нахимова Е. А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Екатеринбург, 2006. № 19. С. 186–196.

105. Новикова В. П. Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 141–147.

106. Новикова В. П., Кунина Н. Е. Образ Евросоюза: метафоры перемен // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 90–94.

107. Нуриева Д. Р. Советская политическая военная карикатура как поликодовый текст // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 106–111.

108. Обичкина Е. О. Французские политические и интеллектуальные элиты о месте России в мировой политике и геостратегии Франции // Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа. М., 2012. С. 49–70.

109. Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. М., 2012. 200 с.

110. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

111. Орлова Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 190 с.

112. Пологова К. В. Зооморфные метафоры как средство концептуализации движения BLM в СМИ США (на примере The Seattle Times) // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация». Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. С. 257–262.

113. Пологова К. В. Метафоры болезни как средство концептуализации движения Black Lives Matter в СМИ США (на примере материалов газеты The Seattle Times) // Studia Humanitatis. 2020. № 4. С. 17–26.

114. Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 125–129.

115. Прибылова О. В. Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.

116. Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 194 с.

117. Rogozinnikova Yu. V. Образы президентов России и США в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 87–100.

118. Россия. Большой лингвострановедческий словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-lingvostranovedcheskiy-dict.slovaronline.com/326> (дата обращения: 25.09.2020).

119. Рубцова Е. В., Девдариани Н. В. Образ российского президента в британской прессе // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 296–299.

120. Русский медведь: история, семиотика, политика / Ред. О. В. Рябов, А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 368 с.

121. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221–229.

122. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.

123. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 268 с.

124. Сегал Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование. М.: Флинта, 2017.

125. Сегал Н. А., Щурик О. П. «Политическое танго»: метафоризация образов народных танцев в политических текстах // Русская речь. 2018. № 1. С. 48–56.

126. Селиванова И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 61–66.

127. Серегина И. А., Чудинов А. П. Метафорическая интерпретация событий в Крыму // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 252–255.

128. Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический Интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2 (2). С. 164–170.

129. СклЯрова Н. Г., Хачересова Л. М. Языковые средства формирования образа России зарубежными СМИ в контексте освещения мировых политических событий // Вестник Пятигор-

ского государственного лингвистического университета. 2016. № 3. С. 108–112.

130. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 252 с.

131. Солопова О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. Монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 312 с.

132. Солопова О. А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 161–177.

133. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. Челябинск: ЮУрГУ, 2014.

134. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 606 с.

135. Солопова О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI века) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 55–70.

136. Солопова О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 55–70.

137. Солопова О. А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских тек-

стов о России периода Великой Отечественной войны) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 161–177.

138. Солопова О. А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 124–134.

139. Солопова О. А., Салтыкова М. С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 762–783.

140. Солопова О. А., Салтыкова М. С. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников // Взаимодействие языков и культур: материалы междунар. науч. конф. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 135–139.

141. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313–337.

142. Солопова О. А., Чудинов А. П. Лингвополитическая прогностика: что говорят метафоры прошлого о будущем России // Политическая наука. 2017. № 2. С. 157–176.

143. Строкан Е. В. Метафорическая репрезентация британской монархии: аксиологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 262–266.

144. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 158–164.

145. Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом Интернет-дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

146. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов; Э. В. Будаев,

Е. В. Дзюба, О. Н. Кондратьева, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова, А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. 303 с.

147. Теория и практика политической метафорологии: монография / А. П. Чудинов, Ян Кэ, Э. В. Будаев [и др.]; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020. 234 с.

148. Тertyчный А. А. Аналитическая журналистика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. 352 с.

149. Тихонова С. А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 107–115.

150. Уржумцева А. О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль паис» // Политическая лингвистика. 2014. 2 (48). С. 195–200.

151. Фомин А. Г., Мавлеев Р. Р. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс – один путь») // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 112–121.

152. Цилюрик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008–2012 гг.): автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 21 с.

153. Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели). Велико Търново: ИВИС, 2012.

154. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.

155. Чудинов А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии // Уральский филологический вестник.

Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 85–93.

156. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 54–57.

157. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 41–50.

158. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 236 с.

159. Шаова О. А. Метафорическая модель «Президент России – это монарх» во французском дискурсе масс-медиа: источники и причины метафорической экспансии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. № 18. С. 134–146.

160. Шаова О. А. Метафорическое моделирование внешней политики России в современной французской прессе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005а. № 15. С. 143–162.

161. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация: на материале французских и российских газет: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрГПУ, 2005б. 207 с.

162. Шапошников В. Н. Логика опережающего отображения в системе русского языка // Предвосхищение и язык: материалы Всерос. науч. конф., г. Москва, сент. 2012 г. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 287–306.

163. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура. Екатеринбург, 2014. 372 с.

164. Шустрова Е. В. Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 66–73.

165. Шустрова Е. В., Кузина Ю. В., Девяткова М. И., Куренная А. В. Лингвокультурные типы американских президентов. Екатеринбург: УрГПУ, 2016.

166. Якунин С. А. Лингвистические средства ведения информационно-войны // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 77–82.

167. Abdel-Raheem A. Metaphor of the global financial crisis after 2008: Reconstructing confidence by Arab and Western financial medias // Sciences de la Société, 2013. Vol. 88. P. 161–182.

168. Abdel-Raheem A. The journey metaphor and moral political cognition // Pragmatics & Cognition. 2014. Vol. 22 (3). P. 373–401.

169. Alexander K., Eschle C., Morrison J., Tulbure M. Feminism and Solidarity on the Left: Rethinking the Unhappy Marriage Metaphor // Political Studies. 2019. Vol. 67 (4). P. 972–991.

170. Álvarez-Peralta M. El poder de las metáforas en el periodismo económico // Los discursos del poder. Actas del XIV Congreso de la Asociación Española de Semiótica. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 2014. P. 333–346.

171. Anderson J., Zhu Y., Zhuang J., Nelson J. C., Bresnahan M. J., Yan X. Metaphors that communicate weight-based stigma in political news: A case study of New Jersey Governor Chris Christie // European Review of Applied Psychology. 2017. Vol. 67. Issue 3. P. 139–146.

172. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 26–32.

173. Aponte M. Metaphors in Hugo Chávez's Political Discourse: Conceptualizing Nation, Revolution, and Opposition: Ph.D. Diss. The City University of New York. New York, 2008. 232 p.

174. Arrese A. Euro crisis metaphors in the Spanish press // Communication & Society. 2015. Vol. 28 (2). P. 19–38.

175. Avelar M., Mendes P. The role of gestures in the construction of multimodal metaphors: analysis of a political-electoral

debate // *Revista Brasileira de Linguística Aplicada*. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 343–376.

176. Bain J., Chaban N., Kelly S. Crumbling Giant, Rising Dragon?: Chinese News Media Cartoon Reflections on the Eurozone Debt Crisis // *Communication, Politics & Culture*. 2012. Vol. 4. P. 217–240.

177. Barbe E., Herranz-Surrallés A., Natorski M. Contending metaphors of the European Union as a global actor. Norms and power in the European discourse on multilateralism // *Journal of Language and Politics*. 2015. Vol. 14 (1). P. 18–40.

178. Becker M. J. Gewaltmetaphern im französischen Präsidentschaftswahlkampf 2011/12 // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11*. Tübingen: Francke, 2014. S. 197–214.

179. Bernárdez E. Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives // *Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 21–38.

180. Bickes H., Otten T., Weymann L. The financial crisis in the German and English press: Metaphorical structures in the media coverage on Greece, Spain and Italy // *Discourse and Society*. 2014. Vol. 25 (4). P. 424–445.

181. Biria E. Figurative Language in the Immigration Debate: Comparing Early 20th Century and Current U.S. Debate with the Contemporary European Debate: dissertation. Portland, 2012.

182. Blank G. D. Metaphors in the Lexicon // *Metaphor and Symbol*. 1988. 3 (3). P. 21–36.

183. Bougher L. Cognitive Coherence in Politics: Unifying Metaphor and Narrative in Civic Cognition // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 250–271.

184. Bouko C., Calabrese L., Clercq O. Cartoons as interdiscourse: A quali-quantitative analysis of social representations based on collective imagination in cartoons produced after the Charlie Hebdo attack // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 15. P. 24–33.

185. Bounegru L., Forceville C. Metaphors in Editorial Cartoons Representing the Global Financial Crisis // *Visual Communication*. 2011. Vol. 2. P. 209–229.

186. Bowdle B. F., Gentner D. The Career of Metaphor // *Psychological Review*. 2005. Vol. 112 (1). P. 193–216.

187. Budaev E. Metaphors of disease in the Russian press // *XLinguae. A European Scientific Language Journal*. 2017. Vol. 10. № 2. P. 30–37.

188. Burgers Ch., Fa M. T., Graaf A. A tale of two swamps: Transformations of a metaphorical frame in online partisan media // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 141. P. 57–66.

189. Cardini F.-E. Analysing English metaphors of the economic crisis // *Lingue e Linguaggi*. 2014. Vol. 11. P. 59–76.

190. Cavanagh E. W. Flowers of the Crown in English Legal Thought: Metaphorical Assessments of Royal Power in Transitional Periods of Monarchy // *Royal Studies Journal*. 2019. Vol. 6 (1). P. 38–54.

191. Charteris-Black J. *Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor*. Basingstoke: Palgrave-MacMillan, 2014.

192. Charteris-Black J. *Fire Metaphors Discourses of Awe and Authority*. London: Bloomsbury Publishing, 2017.

193. Chiang W.-Y., Duann R.-F. Conceptual Metaphors for Sars: “War” between whom? // *Discourse and Society*. 2007. Vol. 18 (5). P. 579–602.

194. Chudinov A. P., Solopova O. A. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. No. 200. P. 412–417.

195. Cibulskienė J. Are Ideologies Reflected in Metaphors? // *Respectus Philologicus*. 2010. Vol. 17 (22). P. 11–25.
196. Cibulskienė J. The Development of the journey Metaphor in Political Discourse // *Metaphor and the Social World*. 2012. Vol. 2 (2). P. 131–153.
197. Cienki A. Bringing concepts from cognitive linguistics into the analysis of policies and the political // *Journal of International Relations and Development*. 2013. Vol. 16. P. 294–310.
198. Collins Online English Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.
199. Crano W. D. Useful Strategies in the War of Words. // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 272–287.
200. Crymble L. Xenophobia is an African sickness; a greater African disease. Contesting dominant migrant discourse through opposing metaphors // *Singing, Speaking and Writing Politics: South African political discourses*. 2015. Vol. 65. P. 113–146.
201. Damele G. Adventures of a metaphor. Apian imagery in the history of political thought // *Metaphor and Communication*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 173–188.
202. Danner M., Hanne M. A Conversation with Mark Danner. M.P. Marks, *Metaphors of International Cooperation* // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 137–155.
203. David G. A., Furkó P. The Journey Metaphor in Media-tized Political Discourse: Cognitive and Critical Perspectives // *Acta Universitatis Sapientiae Philologica*. 2015. Vol. 7 (2). P. 7–20.
204. Debras C., L'Hôte E. Framing, Metaphor and Dialogue: A Multimodal Approach to Party Conference Speeches. *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5. P. 177–204.
205. Díaz-Peralta M. Metaphor and ideology: Conceptual structure and conceptual content in Spanish political discourse // *Discourse & Communication*. 2018. Vol. 12 (2). P. 128–148.

206. Diez M. The use of metaphor and evaluation as discourse strategies in pre-electoral debates: Just about winning votes // *Exploring Discourse Strategies in Social and Cognitive Interaction: Multimodal and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 215–244.

207. Dominguez M. The metaphorical species: Evolution, adaptation and speciation of metaphors // *Discourse Studies*. 2015. Vol. 17 (4). P. 433–448.

208. Dominguez M., Pineda F., Mateu A. Life in a nutshell: evolution of a migratory metaphor in Spanish cartoons // *Media, Culture and Society*. 2014. Vol. 36 (6). P. 810–825.

209. Drulák P., Beneš V. Czech Metaphors about Europe: Havel vs Klaus // *Journal of International Relations and Development*, 2015. P. 1–24.

210. Elwood W.N. Declaring War on the Home Front: Metaphor, Presidents, and the War on Drugs // *Metaphor and Symbol*. 1995. Vol. 10 (2). P. 93–114.

211. Ewald P. Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern // *Methoden der Metaphernforschung und –analyse*. Wiesbaden: Springer, 2014. S. 197–213.

212. Fahy D., O'Brien M., Poti V. Combative Critics or Captured Collaborators? Irish Financial Journalism and the End of the Celtic Tiger // *Irish Communications Review*. 2010. Vol. 12. P. 5–21.

213. Ferreira L. C., Flister C. V., Morosini C. The representation of refuge and migration in the online media in Brazil and abroad: a cognitive linguistics analysis // *Signo*. 2017. Vol. 42. No. 75. P. 59–66.

214. Flusberg S., Matlock T., Thibodeau P. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33 (1). P. 1–18.

215. Forceville Ch., van de Laar N. Metaphors portraying right-wing politician Geert Wilders in Dutch political cartoons // *Populist Discourse: Critical Approaches to Contemporary Politics*. London: Routledge, 2019. P. 292–307.

216. Frentiu L. Politics-Words at War? A Metaphor Analysis of Presidential Election Speeches in Post-Communist Romania // *Language in Use: Metaphors in Non-Literary Contexts*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 137–151.

217. Glucksberg S. How Metaphors Create Categories – Quickly // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / Ed. by R. W. Gibbs, Jr. New York: Cambridge University, 2008. P. 67–83.

218. Godioli A., Pedrazzini A. Falling stars and sinking ships: Framing and metaphor in cartoons about Brexit // *Journal of European Studies*. 2019. Vol. 49 (3–4). P. 1–22.

219. Hammack P. L. Mind, Story, Society: The Political Psychology of Narrative // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 1–50.

220. Healy M. Fictions of Disease in Early Modern England: Bodies, Plagues and Politics. Basingstoke: Palgrave, 2001. 277 p.

221. Hernández-Guerra C. Textual, intertextual and rhetorical features in political discourse: the case of President Obama in Europe // *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2013. Vol. 8. P. 59–65.

222. Holman M. Gender, Political Rhetoric, and Moral Metaphors // *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 52 (4). P. 501–530.

223. Horner J. R. Clogged systems and toxic assets. News metaphors, neoliberal ideology, and the United States ‘Wall Street Bailout’ of 2008 // *Journal of Language and Politics*. 2011. Vol. 10 (1). P. 29–49.

224. Ilyushkina M., Chudinov A. Metaphorical modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press // *Язык и культура*. 2019. № 45. С. 20–30.

225. Joris W., d'Haenens L., Van Gorp B., Vercruysse T. Eurocrisis in het nieuws. Een framinganalyse van de verslaggeving in Vlaamse kranten // *Tijdschrift voor Communicatiewetenschap*. 2013. Vol. 41 (2). P. 162–183.

226. Kirchhoff S. „Wie hat sich unsere Welt seither verändert?“ – Die Entwicklung metaphorischer Konstruktionen des Medienereignisses 9/11 // Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11. Tübingen: Francke, 2014. S. 75–92.

227. Kirchhoff S. Krieg mit Metaphern. Mediendiskurse über 9/11 und den „War on Terror“. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010.

228. Kromminga J.-H. Wer wurde am 11.09.2001 angegriffen? – Opferperspektiven und Wir-Gruppen-Konstruktionen // Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11. Tübingen: Francke, 2014. S. 93–110.

229. Kwon I. Conceptual mappings in political cartoons: A comparative study of the case of nuclear crises in US–North Korean relations // Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 143. P. 10–27.

230. Laarman Ch. Family metaphor in political and public debates in the Netherlands on migrants from the (former) Dutch East Indies 1949–66 // Ethnic and Racial Studies. 2013. Vol. 36. Issue 7. P. 1232–1250.

231. Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know your Values and Frame the Debate. New York: Chelsea Green Publishing, 2004. 144 p.

232. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

233. Landtsheer de Ch. Media rhetoric plays the market: the logic and power of metaphors behind the financial crisis since 2006 // Metaphor and Social World. 2015. Vol 5(2). P. 205–222.

234. Lee M. Critical metaphor analysis of citizenship education discourse // Public Relations Inquiry. 2015. Vol. 4 (1). P. 99–123.

235. Leonhardt K. Dem europäischen Körper eine europäische Seele. Körperkonzepte einer europäischen Identität // metaphorik.de. 2012. Vol. 22. P. 65–78.

236. Lin T., Chiang W. Multimodal fusion in analyzing political cartoons: debates on U.S. beef imports into Taiwan // *Metaphor Symbol*. 2015. Vol. 30 (2). P. 137–161.

237. Liu J., Khan S. Nation Building through Historical Narratives in Pre-Independence India: Gandhi, Nehru, Savarkar, and Gollwalkar as Entrepreneurs of Identity // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 211–237.

238. Luporini A. Metaphor in times of crisis: metaphorical representations of the global crisis in the Financial Times and Il Sole 24 ore 2008: dottorato di ricerca in linguistica generale, storica, applicata, computazionale e delle lingue moderne. Pisa, 2013.

239. Ly A. Images and roles of the European Union in the climate change debate: A cognitive approach to metaphors in the European Parliament // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 151–170.

240. Mensel I. C. Metaphernprogramme der rechtsextremen französischen Wochenzeitung *Rivarol*: Sprachliche Auseinandersetzungen um den Irak-Krieg und das Referendum über die europäische Verfassung. Norderstedt: BoD, 2015.

241. Mio J. S. Responses to Metaphors in Politics: Continued Explorations of the Metaphor Extension Hypothesis // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 238–249.

242. Mujagić M. Dangerous Waters Metaphor in News Discourse on Refugee Crisis // *Metaphorik.de*. 2018. № 28. P. 99–131.

243. Musolff A. Dehumanizing metaphors in UK immigrant debates in press and online media // *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2015. Vol. 3 (1). P. 41–56.

244. Musolff A. Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic. New York: Routledge, 2010.

245. Musolff A. Metaphorische Parasiten und „parasitäre“ Metaphern: Semantische Wechselwirkungen zwischen politischem und naturwissenschaftlichem Vokabular // *Metaphern und Gesellschaft. Die Bedeutung der Orientierung durch Metaphern*. Wiesbaden: Springer, 2011. S. 105–119.

246. Musolff A. *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury Academic, 2016.

247. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 135–150.

248. Nerghes A., Hellsten I., Groenewegen P. A Toxic Crisis: Metaphorizing the Financial Crisis // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 106–132.

249. O'Mara-Shimek M., Guillén-Parra M., Ortega-Larrea A. Stop the bleeding or weather the storm? Crisis solution marketing and the ideological use of metaphor in online financial reporting of the stock market crash of 2008 at the New York Stock Exchange // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9 (1). P. 103–123.

250. O'Neill S. Finding Refuge in King Lear: From Brexit to Shakespeare's European Value // *Multicultural Shakespeare*. 2019. Vol. 19, Issue 1. P. 119–138.

251. Pavlović T. V. The Role of Path Metaphors in Conceptualising LIFE in English and Serbian: A Corpus-Based Analysis // *Brno Studies in English*. 2019. Vol. 44 (1). P. 63–82.

252. Piata A. When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes // *Journal of Pragmatics*. 2016. Vol. 106. P. 39–56.

253. Pinelli E. The role of metaphor and metonymy in framing terrorism. The case of the Beslan school siege in the Russian media // *Metaphor and the Social World*. 2016. Vol. 6 (1). P. 134–155.

254. Pleshakova A. Strike, Accident, Risk, and Counterfactuality: Hidden Meanings of the Post-Soviet Russian News Discourse

of the Nineties via Conceptual Blending // *Language and Cognition: An Interdisciplinary Journal of Language and Cognitive Science*. 2014. Vol. 6. Issue 3. P. 301–306.

255. Porto M. D. The life of the Green Shoots metaphor in the Spanish media // *Metaphor and the Social World*. 2012. Vol. 2 (1). P. 22–40.

256. Potts A., Semino E. Cancer as a Metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2019. P. 34 (2). P. 81–95.

257. Ratner R. Illness as Metaphor // *American Book Review*. 2007. 28 (4). P. 29–30.

258. Ritchie D. L. *Metaphor*. New York: Cambridge University Press, 2013.

259. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. 10 (2). P. 56–79.

260. Rojo A. M., Orts M. A. Metaphorical pattern analysis in financial texts: Framing the crisis in positive or negative metaphorical terms // *Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 42 (12). P. 3300–3313.

261. Romano M. The tide, change, nobody can stop it: Metaphor for social action // *Discourse & Society*. 2018. Vol. 29 (6). P. 655–673.

262. Rykova O. V. Dynamics of metaphoric modelling of the concept of terrorism in American mass media discourses // *Russian linguistic Bulletin*. 2017. № 3 (11). P. 3–7.

263. Schröder U. Metaphorical blends and their function in discourse on society: A cross-cultural study // *Cognitive Linguistic Studies*. 2015. Vol. 2, Issue 1. P. 50–78.

264. Schwarz-Friesel M. „Hydra, Krake, Krebsgeschwür, Sumpf, Killer-GmbH, Franchise-Unternehmen und Nebelwolke“ – Perspektivierung und Evaluierung von islamistischem Terrorismus durch Metaphern im deutschen Pressediskurs nach 9/11 // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11*. Tübingen: Francke, 2014. S. 51–74.

265. Silaški N., Đurović T. And now – a velvet divorce! or, how metaphors communicate values // *Values Across Cultures and Times*. 2014. P. 37–50.

266. Silaški N., Đurović T. The Great Wall of Europe: Verbal and multimodal portrayals of Europe's migrant crisis in Serbian media discourse // *Migration and Media: Discourses about Identities in Crisis*. Amsterdam: John Benjamins, 2019a. P. 183–202.

267. Silaški N., Đurović T. The journey metaphor in Brexit-related political cartoons // *Discourse, Context & Media*. 2019b. Vol. 31.

268. Sinding M. Governing spirits. Body politic scenarios and schemas in the French revolution debate // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 78–102.

269. Soddemann K. Die Metaphorik im Diskurs über die Wirtschaftskrise. Essen: LINSE, 2013.

270. Solopova O. A., Ilyushkina M. Yu. Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2017. Т. 14. № 3. P. 41–48.

271. Solopova O., Chudinov A. Prognostic Potential of Political Metaphors // *Fachsprache. Journal of Professional and Scientific Communication*, 2019. P. 48–64.

272. Solopova O., Chudinov P. Prognostic potential of political metaphors // *Journal of Professional and Scientific Communication. Fachsprache Special Issue*. 2019. P. 48–64.

273. Spencer A. Bild er der Gewalt: 9/11 in der Boulevardpresse // *Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11*. Tübingen: Francke, 2014. S. 111–128.

274. Spencer A. The Social Construction of Terrorism: Media, Metaphors and Policy Implications // *Journal of International Relations and Development*. 2012. Vol. 15 (3). P. 343–419.

275. Tenescu A. Metaphors of crisis in the current Romanian journalistic discourse // Discourse as a form of multiculturalism in literature and communication. Tirgu Mures: Arhipelag XXI Press, 2015. P. 358–368.

276. Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. PLoS ONE, 2011, 6 (2): e16782.

277. Tjarks A. Familienbilder gleich Weltbilder. Wie familiäre Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. Wiesbaden: Springer, 2011.

278. Troung H. Les métaphores conceptuelles de l'économie dans les presses française et vietnamienne // Synergies. 2012. Vol. 3. P. 34–45.

279. Van Dijk T. A. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

280. Variation in Political Metaphor. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

281. Vervaeke J., Kennedy J. Metaphors in Language and Thought: Falsification and Multiple Meanings // Metaphor and Symbol. 1996. Vol. 11 (4). P. 273–284.

282. Wawra D. Multimodal literacy: Meaning negotiations in political cartoons on the refugee crisis // System. 2018. Vol. 77. P. 10–18.

283. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Gramercy books, 1996. 2256 p.

284. Wekesa N. B. Cartoons can talk? Visual analysis of cartoons on the 2007/2008 post-election violence in Kenya: A visual argumentation approach // Discourse & Communication. 2012. Vol. 6 (2). P. 223–238.

285. Wibben A. T. On Narrative, Metaphor & the Politics of Security // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics. New York: Psychology Press, 2015. P. 118–136.

286. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

287. Wright S., Shore C. From Saving Private Ryan to Building Team America: Presidential Oratory and the Art of Interpellation // *Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics*. New York: Psychology Press, 2015. P. 177–210.

288. Xue J., Mao Z., Li N. Conceptual Metaphor in American Presidential Inaugural Addresses // *Theory and Practice in Language Studies*. 2013. Vol. 3(4). P. 678–683.

289. 在线汉语词典 – онлайн словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html3/1815.html> (дата обращения: 20.09.2020).

290. 百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m1.baidu.com/> (дата обращения: 18.09.2020).

Научное издание

Будаев Эдуард Владимирович
Солопова Ольга Александровна
Зарипов Руслан Ирикович
Бойко Алена Викторовна

**Метафорический образ будущего России
в зарубежных СМИ**

Монография

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
<https://publishing.intelgr.com>
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63

ISBN 978-5-6045558-9-7

Подписано в печать 14.03.2021
Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Объем 13,5 печ.л. Тираж 500 экз.